



"БЕЗ ПРИЧИН"

Александрия Герасимова

Annotation

— Очнулась, — чьи-то слова едва доносились девушки, но она всеми силами старалась их уловить, напрягая оставшиеся силы. — Давай, приходим в себя, уже пора.

Уставшее сознание идентифицировало грубый мужской голос.

— Слышишь меня?

— Угу, — сил сказать что-то более внятное не хватило. А вот различить силуэт хотя бы немного получилось.

Мужчина. Тёмные волосы. Белый халат.

— Видишь? — снова спросил он, и девушка слабо кивнула. — Отлично.

— Угхм, я гхк-де... — собственный голос звучал слишком непонятно и противно, заставляя болезненно морщиться.

— В больнице, — ответил мужчина с нескрываемым раздражением. — Я — лечащий врач — Павел Аркадьевич.

1. Знакомство

Сначала она почувствовала невыносимую тяжесть, потом парализующую слабость. Сознание, словно бы находилось в вате, и не позволяло собрать остатки мыслей воедино. Всё обрывалось, плыло: кажется, какие-то звуки доносились фоном, но, возможно, это было лишь её галлюцинацией.

Титанических усилий девушке стоило открыть глаза, хотя получилось это, конечно, далеко не с первой попытки. Только вот сконцентрироваться всё равно не получилось: мешал яркий свет и какие-то блики. Голова и вовсе готова была расколоться.

— Очнулась, — чьи-то слова едва доносились девушки, но она всеми силами старалась их уловить, напрягая оставшиеся силы. — Давай, приходим в себя, уже пора.

Уставшее сознание идентифицировало грубый мужской голос. Повинуясь чьему-то настойчивому приказу, девушка, приложив большие усилия, снова открыла глаза и попыталась сфокусироваться на фигуре говорящего.

— *Слышишь меня?*

— Угум, — сил сказать что-то более внятное не хватило. А вот различить силуэт хотя бы немного получилось.

Мужчина. Тёмные волосы. Белый халат.

— *Видишь?* — снова спросил он, и девушка слабо кивнула. — Отлично.

— Угхм, я гхк-де... — собственный голос звучал слишком непонятно и противно, заставляя болезненно морщиться. Понемногу мыслить становилось легче, хотя слабость всё ещё продолжала накрывать лавиной.

— В больнице, — ответил мужчина с нескрываемым раздражением. — Я — ваш лечащий врач — Павел Аркадьевич.

Он вроде бы сказал что-то ещё, но девушка этого уже не запомнила, постепенно снова возвращаясь в сон.

2. Раздражающая пациентка

Человек привыкает ко всему, и это правда.

Например, Павел Аркадьевич уже давно привык к стерильному запаху операционной, выкрашенным в зелёную краску стенам и многочисленным больным. Он не запоминал лиц и диагнозов, не сопереживал потерям и не прятал глаза, когда приходилось говорить о чьей-то смерти. Он просто механически точно выполнял свою работу. Хладнокровно. Как и подобает любому врачу.

Впрочем, мужчина никогда не был эмпатом. Сочувствие и сострадание он обычно не испытывал ни к кому: ни к родственникам, ни к окружающим, ни к пациентам. В палату больным он всегда заходил с каменным выражением лица, заранее приготовившись к плановому опросу.

В этот раз пациентка была не сложная, но с *своеобразной* формой аритмии, из-за которой изрядно тормозилось лечение. В общем-то, изначально попала-то она в больницу как раз из-за неё: потеряла сознание и покатила с лестницы, а там уже сопутствующие травмы и, соответственно, отделение кардиологии в придачу.

Зотова Злата Сергеевна, 2003 года рождения.

Тихая девчонка, больше походившая на шестнадцатилетнюю школьницу, которая постоянно смотрела на него жутко перепуганными глазами. Типичная мамина дочка, мявшаяся при ответе на любой вопрос. Она не могла ничего рассказать о своём самочувствии и проблемах, боялась каждого шороха и то и дело искала взглядом хоть кого-то, кто ответил бы за неё.

— *Проблемы с сердцем давно? — сухо спросил Павел Аркадьевич, сжимая карандаш. Девушка помолчала, а потом активно замотала головой. — Сильное сердцебиение, отдышка, потеря сознания?*

— *Нет, это первый раз такое было, — ответила Злата, понуро опустив голову. Мужчина раздражённо вскинул бровь вверх. Это явно было откровенным враньём. — Я всегда хорошо все нормативы сдавала, бегом занималась, обследования проходила...*

— *Без воды, вранья и по сути, — грубо попросил врач, откидываясь на стул. Спина болела адски, как, впрочем, и всё остальное, а эта миловидная дура продолжала делать ему мозги. — Я могу выписать хоть сейчас, но не факт, что тебя в следующий раз откачают.*

Результат опроса, в целом, из раза в раз был нулевой. Таких пациентов Павел Аркадьевич не любил, но делать было нечего, пришлось идти по проторенной схеме диагностирования и лечения. К тому же родители этой девчонки явно имели какие-то связи, потому что руководство больницы очень настоятельно попросило именно его заниматься её лечением.

Только вот, несмотря на это, нужный эффект достигался медленно. Родители девушки постоянно пытались его выловить, засыпать вопросами, дозвониться вне рабочее время.

И постепенно от этого раздражение росло в геометрической прогрессии. К сожалению, это был тот привязчивый гиперопекающий тип людей, которым надо знать всё об объекте своей заботы, постоянно его видеть и доставать из-за этого всех вокруг.

Поэтому когда Павел Аркадьевич вошёл в палату, то даже не попытался смягчить недовольное выражение лица. Злата, напротив, постаралась улыбнуться. Толку, конечно, не было, но она хотя бы попыталась немного разрядить атмосферу.

Девушка прекрасно видела, как её родители доставали врача, но ничего не могла с этим поделать. Просила, говорила, умоляла, только вот те как всегда не слушали и продолжали изводить всех вокруг. Злата, конечно, понимала их беспокойство, ценила, но, кажется, несмотря на это, только в больнице смогла выдохнуть чуть поспокойнее и отдохнуть от их опеки.

— Вы извините моих родителей, пожалуйста, — начала девушка стоило мужчине занять привычное место напротив неё. — Они волнуются просто и поэтому достают всех вокруг. И... вот... — Взгляд врача продолжал оставаться таким же презрительным и равнодушным. Злата устало выдохнула, на секунду замолчала, потом потянулась рукой к тумбочке, чтобы кое-что достать. — Возьмите шоколадку, хотя бы в качестве моральной компенсации. Мелочь, но...

— Тебе нельзя шоколад об этом уже говорилось, я тем более такую ерунду не ем, — с раздражением отмахнулся от протянутой руки Павел Аркадьевич. Тон в голосе стал значительно грубее, а выражение лица ещё злобнее.

Злата тут же сникла и опустила глаза.

— Хорошо, извините, — с другой стороны надежды на то, что её суровый подбодрит от шоколадки особо и не было. Так вялая попытка. — У меня ничего не болит, всё хорошо.

Мужчина выдохнул. Эти распахнутые оленьи глаза с невинным взглядом уже откровенно его подбешивали. Всегда одно и то же, словно мантра.

— Я не сомневался, — Павел Аркадьевич закатил глаза, а потом потёр переносицу. Если бы не блатные родители этой девицы, он бы уже давно спихнул её кому-нибудь или выписал с миром. Не хочет лечиться — вперёд и с песней. — Увы, твоя кардиограмма говорит иное.

— Я умираю, доктор? — шутливо спросила Злата и устало улыбнулась. — Вы раз за разом приходите, а улучшений нет, и похоже вы расстраиваетесь больше, чем я.

— Ты — моя работа, а твоё состояние — показатель её качества не более того. Улучшения есть, динамика в нужном направлении, но организм справляется значительно медленнее, чем должен. Такой ответ устроит?

Мужчина презрительно усмехнулся и прямо посмотрел на девушку.

— Устроит, но злитесь вы на меня всё равно зря, — Злата потянула колени к груди и столкнулась взглядом с хмурым мужчиной. — У меня, действительно, ничего не болит. Я не скрываю и не вру, просто периодами на меня накатывает сильная слабость. А за вопли и жалобы родителей... извините. Я просила их вас не доставать.

Павел Аркадьевич покачал головой, слушать этот бубнёж дальше не хотелось, да и времени лишнего тоже не было. Если он так долго будет возиться с каждым пациентом, то большая их часть просто не успеет увидеть его на этом свете. Он выждал паузу, потом записал нужные показатели, кивнул и ушёл.

Его день с самого утра не задался и продолжился в том же духе. В целом, как и вся последняя неделя, забитая работой и бесконечными жалобами под завязку. Мозг долбили со всех сторон, а эта ни на что не жалующуюся девица с родителями-параноиками просто стала вишенкой на торте.

— Если ей не станет лучше, вас уволят. Не ухмыляйтесь, у меня везде связи, — каждый раз вопила её мамаша стоило мужчине на неё наткнуться. Маленькая, пухлая и жутко противная тётка с постоянно краснеющим лицом и дрожащими руками.

Впрочем, и отец Зотовой тоже не отставал. На первый взгляд солидный, серьёзный и

адекватный мужчина при деньгах, а на деле в случае с ним работала поговорка про девушку и деревню.

— *Почему она всё ещё в больнице, если состояние улучшилось? Нам нужно забрать дочь как можно скорее. Видимо, у вас не лечат, а просто калечат. Она должна была уже поправиться.*

Чрезмерная родительская забота, которая душила даже его. Павел Аркадьевич встречался не раз встречался с подобным, но всё равно здесь интуитивно виделся подвох. Что-то было не так, *слишком всё было чересчур*. Реакции отца и матери Зотовой напоминали, скорее, ломку наркоманов.

Словно бы им важны были не столько сведения о состоянии дочери, сколько момент, когда они смогут забрать её домой. Девушка нужна была им рядом в рекордные сроки, и за это они готовы были заплатить всем, но организм их дочери как будто специально оттягивал этот момент.

И от этой ситуации Павел Аркадьевич тоже изрядно устал. Хотелось разделаться с ней побыстрее, только вот по закону подлости всё никак не выходило.

Мужчина шёл по коридору, прикидывал варианты развития событий, диагнозы, и уже собирался зайти в ординаторскую, чтобы кое-что забрать, как вдруг перед ним замаячила знакомая медсестра. Специально встала так, чтобы перегородить ему дорогу.

Павел Аркадьевич прищурился. *Кажется, Света или Лена. Вроде бы Лена, но это точно*. Туповатая мадам, которая всё на что-то рассчитывала. Пару раз у них был секс, не более того, а она всё ещё никак не оставляла попыток взять его измором.

— Павел... Аркадьевич, я вот слышала, что вы сегодня дежурите, — начала она издалека стоило ему подойти ближе. От мужчины не укрылось, что она специально подалась вперёд, выпячивая грудь. *Как банально*. В лучших традициях жанра оставалось только намотать локон волос на палец. *А нет, уже*. — Жаль, я вот думала пригласить вас на чашечку кофе, хотя может всё-таки зайдёте ненадолго к нам в сестринскую?

— Запомни уже, что в своё дежурство я ни с кем не сплю, — раздражённо заметил мужчина. — После — хочешь приходи, нет — свободна. Не занимай моё время зря.

Медсестра улыбнулась и кивнула, смерив Павла Аркадьевича плотоядным взглядом. Она была уверена, что рано или поздно покорит этого закоренелого холостяка, тем более, кроме неё, в больнице мужчина ни с кем в отношениях не был. Во всяком случае *она* так считала.

Ночное дежурство выдавалось поразительно спокойным и без особых происшествий. На небольшой промежуток времени Павел Аркадьевич смог даже выдохнуть и немного расслабиться. Оставалось не так много, потом он вернётся домой, хотя, возможно, перед этим расслабиться с медсестричкой. Разрядка не помешает особенно с той, кто не особо против. *За её же ожидания он ответственности не несёт, не его проблема. У каждого своя голова на плечах*.

Однако всем этим планам сегодня ночью не суждено было сбыться. Сначала раздался сигнал, а затем к нему вбежала медсестра.

— *Скорей, Зотовой плохо...*

Павел Аркадьевич чертыхнулся и быстро направился в её палату.

Впрочем, он и не сомневался, что эта припадошная и дежурство ему испортит.

3. Простите

Взгляд Павла Аркадьевича, как всегда, не предвещал ничего хорошего. Впрочем, ожидать от него чего-либо доброжелательного в этой ситуации было бы глупо. Любой врач на его месте был бы недоволен, просто в отличие от других Павел Аркадьевич не считал нужным скрывать своё раздражение и явно его демонстрировал.

Обычно с пациентами мужчина вёл себя несколько сдержанней и менее язвительно, но эта малолетняя пигалица уже изрядно успела задолбать его своими непрогнозируемыми сюрпризами здоровья и родительскими воплями. К тому же после ночного кризиса Павел Аркадьевич окончательно убедился в том, что эта мадам долго и методично вешает ему лапшу на уши.

Проблемы с сердцем у неё есть, и она о них знает, причём, давно. И во всей этой истории мужчина никак не мог взять в толк только одного, нафига ей понадобилось скрывать это всё и затягивать лечение. С финансовыми возможностями её родителей с хорошей клиникой уж точно не возникло бы проблемой, к тому же процесс так бы не запустился. И девушка не могла этого не осознавать.

В общем, вопросов хватало, и мужчина понимал, что с ними было необходимо окончательно разобраться. Павел Аркадьевич удачно подгадал время, чтобы зайти к девушке, как раз когда она придёт в себя. Впрочем, на этот раз он понимал, что все любезности явно останутся в стороне.

К тому же выглядела больная откровенно плохо, правда, заметив его, постаралась улыбнуться какой-то детской улыбкой. Каждый раз она применяла этот жест, и врача это до чёртиков бесило. *И сегодня сдерживать свой гнев и укоры он не планировал.*

— Как давно начались приступы и проблемы? — без предисловий грубо начал Павел Аркадьевич, сдвинув брови. Он говорил отрывисто и чётко, не сводя с неё горящих глаз. — Быстро. Как. Давно. И хватит врать.

Почувствовав, что он раздражён куда сильнее обычного, девушка собиралась сказать что-то нейтральное, чтобы не злить мужчину ещё больше, приоткрыла рот, но не успела, замерев под его пугающим как выброшенная на берег рыба.

— Я... я...

Павел Аркадьевич заметил, как забегали её глаза, задрожали губы, она явно пыталась что-то придумать, сообразить, и ей нельзя было дать для этого времени. Поэтому что догадавшись, что от этой упрямой пациентки ничего не добьётся, мужчина чертыхнулся, в два шага подошёл к её кровати и, игнорируя все нормы, поставил ладони на постель по обе стороны от девушки.

Врач строго смотрел ей прямо в глаза, так как хищник смотрит на жертву, но от этого магнитического взгляда что-то внутри Златы не трепетало от ужаса, а, напротив, скручивалось в тугой комок. *Было и страшно, и странно, и волнуяще. Так как никогда до этого.*

— Когда?

Грубый голос, раздавшийся в палате, откликнулся в женской груди учащённым сердцебиением. Мужчина усмехнулся, он не был дураком и легко считывал её волнение вперемешку со страхом, но даже и не думал отступать.

— Год назад, — она прерывисто выдохнула и задрожала, — если бы они узнали не

выпустили бы из дома, а я так хотела...

— Подробности не интересуют. — Жёстко отмахнулся мужчина, нахмурился ещё больше, а потом вдруг резко без видимой причины сжал её запястье пальцами, интуитивно стараясь считать пульс. — Сильно?

— Да, — от испуга карие глаза пациентки стали ещё больше как у *карликовой игрунки*. — У меня сильно учащается сердцебиение, темнеет в глазах и накрывает парализующий страх, бывает обморок.

— *Дура.*

Тихо. Злобно. Вполголоса.

— *Знаю.*

Минуту Злата молчала и продолжала смотреть ему в глаза, а потом на каких-то голых инстинктах подалась вперёд и осторожно прижалась своим лбом к его лбу, и тут же мягко, пока он не успел отпрянуть, столкнулась своим носом с его. Это секундное касание в очередной раз отозвалось неконтролируемой аритмией в груди.

Это продолжалось буквально пять секунд.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

Павел Аркадьевич резко отстранился, тут же смерив её гневным взглядом. Мысленно он был готов удушить эту пигалицу за нарушение личных границ и привязчивость, но, вспомнив о её блатных родителях, сдержался.

— *Зайду позже.*

И ушёл, громко хлопнув дверью, а она так по-детски не успела сказать:

— Простите...

Работы в этот день выдалось прилично. Настолько, что к вечеру Павел Аркадьевич буквально не чувствовал ни нервов, ни ног.

Мало того, что ему пришлось провести довольно сложную и рискованную операцию, при неудачном исходе которой могли бы быть большие проблемы, так ещё и родственники пациентов продолжали упёрто выносить мозг. Впрочем, вступать с глупыми параноиками в диалог в его планы не входило.

Мужчине просто зверски хотелось спать. Но в ординаторской снова ждал неприятный сюрприз, *коллега*, его возраста с которым по рабочим вопросам Павел Аркадьевич обычно перекидывался парой фраз. Интуитивно по его взгляду мужчина почувствовал, что сейчас всё пойдёт наперекосяк.

— Как операция? — начал коллега и поставил на небольшой стол кружку, чтобы налить себе кофе. — Будешь?

— Не буду, операция нормально, — чётко ответил на вопросы Павел Аркадьевич не особо желая разговаривать.

Он занял место на диване и прикрыл глаза. Хотелось спать.

— Слушай, Паш, ты бы помягче с твоей блатной пациенткой был, а то орал на неё так, что вся больница слышала, — заметил Пётр Сергеевич, делая глоток из чашки, — теперь родители явно нажалуются, будут проблемы.

Павел Аркадьевич закатил глаза. Привычно трясущийся перед всеми Петя. Ничего в этой жизни не меняется. Объяснять типичному паникёру свою точку зрения мужчина считал бессмысленным.

— Мои руки везде найдут применение, так что бояться мне нечего, — от очередного

высокомерного ответа Пётр Сергеевич глаза закатил. *Врач толковый, но человек — дерьмо.* — К тому же если быстрее избавлюсь от этой пациентки, буду только рад.

— О, так ты не в курсе? — Коллега вскинул брови вверх и непонимающе посмотрел на Павла Аркадьевича. — *Тогда танцуй, родители с главным договорились и забирают девочку под личную ответственность.*

Павел Аркадьевич устало поднялся из лежачего положения, сел на диван и обречённо потёр переносицу. Столько усилий с этой пигалицей, и всё за зря. С другой стороны, это их решение, и ответственность будут нести сами.

Чертыхнувшись, мужчина всё же решил напоследок зайти в палату, дать хоть какие-то рекомендации и проконтролировать соблюдение всех формальных норм лично. На удивление, ему повезло и девушка ещё была в палате и как раз собирала вещи, лежащие на тумбочке, в окружении явно причитающей и нервно махающей руками матери.

Он зашёл внутрь, настойчиво кашлянул, привлекая к себе внимание, и тут же получил в ответ два взгляда. Один безумно перепуганный, другой — явно ненавидящий. Мужчина удивился, но сказать ничего не успел.

— Скорей, Златочка, нам уже пора ехать, давай попрощайся с доктором, — девушка устало улыбнулась привычно раздражающей улыбкой и опустила глаза. — Всё мы уже уезжаем. Быстрее. Папа в машине ждёт. До свидания, Павел, как вас там не помню, бумаги на посту.

Женщина схватила дочь за запястье, потянула на себя и направилась к выходу. Однако мужчина внезапно даже для самого себя перегородил им дорогу, скрестив руки на груди.

— Ваша дочь никуда не пойдёт и останется здесь, — жёстко отсёк Павел Аркадьевич, направляя на женщину уверенный взгляд. Это красноватое лицо с постоянными ужимками уже изрядно потрепало ему нервы. Настолько, что по сравнению с ней её дочь была почти нераздражающим фактором. — Она больна. За пределами больницы без лечения она умрёт.

— У вас были недели, чтобы помочь ей и вылечить, — напомнила мать Златы, язвительно усмехаясь. — Как выяснилось, вы не такой уж хороший врач. Бездарь с хорошими характеристиками. Мы требовали лучшего, а получили посредственность, так что мы поедem в другую клинику. Хорошую. А вы... С дороги!

На секунду взгляд женщины показался ему сумасшедшим. По привычке Павел Аркадьевич перевёл взгляд на пациентку и тут же понял, что дело плохо. Она неестественно побледнела, застыла, несмотря на *настойчивые потягивания* матери, потом качнулась в сторону.

Уже морально готовый к приступу мужчина в секунду сделал шаг, поймал падающее тело и сразу же подхватил его на руки, чтобы уложить на постель. Он быстро нажал кнопку вызову персонала и, не теряя времени, начал прощупывать пульс. В то время как сзади вперемешку с причитаниями завывала мать.

— Выйдите отсюда! — Громко крикнул врач, реакции не последовало. — Выйдите!

— Да ты... Ты... — Рыдания и скуления женщины становились нестерпимыми. — *Это всё вы её довели! Вы! Всё вы! В-ааав! Вы! Аа-ааа...*

Дальше Павел Аркадьевич рявкнул снова, но потом просто перестал обращать на неё внимание. Кажется, мать пациентки вывел кто-то из персонала, до этого ему уже не было никакого дела

Очевидным стало одно. Покидать стены больницы девушке было нельзя. И сама она этого явно не хотела.

4. Повозмущаюсь в другой раз

Открывать глаза и видеть перед собой недовольного Павла Аркадьевича стало фактически её личной традицией. *Хмурый и раздражённый* он всегда смотрел на неё как на врага народа, мешающего ему жить нормальной и спокойной жизнью. Впрочем, если задуматься, в какой-то степени так оно и было.

Однако, несмотря на это, с самого первого дня Злата была уверена в том, что он не причинит ей вреда и поможет. Хорошие хирурги они же такие и есть, наверное; хладнокровные профессионалы до мозга. Да и кому захочется возиться с проблемами очередной пациентки, у которой вдобавок выносящие всем мозг всем родители?

— *Всё плохо?* — тихо спросила Злата, когда Павел Аркадьевич вместо привычного террора злобным взглядом и презрительных замечаний, сел на стул рядом с её койкой и устало опустил голову. — Скажите сразу, я хочу знать, если со мной что-то...

— Заткнись, — голос мужчины, несмотря на усталость, прозвучал довольно жёстко.

Девушка замолчала, и от нервов даже сцепила пальцы в замок. Повисла глупая пауза, которая с течением времени всё больше затягивалась и начинала откровенно давить. Кажется, находясь в палате, можно было услышать даже стук лёгких капелек дождя за окном.

— *Сложный день?*

Сил молчать у неё больше не было. Очевидный вопрос, конечно. Можно было бы и не спрашивать, хотя, в целом, девушка на ответ и не надеялась. Ждала просто очередного укола или издёвки, но он почему-то ответил.

— *Отвратительный,* — мужчина криво усмехнулся и потёр пальцами переносицу, — *ещё и ты в придачу.*

— Согласна, я ещё то наказание, — девушка улыбнулась и перевела на него какой-то измученно-мягкий взгляд. — Простите, что из-за меня у вас так много проблем. Я думала вот поеду лечиться в другую клинику, жизнь вам облегчу, а вот как получилось.

— Облегчила не то слово, — грубый смешок и злая ирония, а она почему-то все ещё улыбается. — Скажи мне, пигалица ты чёртова, зачем весь этот цирк и враньё про "*не болит*"? Рано или поздно это загнало бы тебя в могилу.

— Я не думала, что всё настолько серьёзно, по крайней мере в начале, — улыбка всё же сошла с лица Златы, плечи сгорбились, а выражение глаз стало по-настоящему затравленным. — Я была на домашнем обучении девять классов, а потом родители всё-таки отпустили меня в обычную школу. Я стала заниматься лёгкой атлетикой, участвовать в соревнованиях, и тут эти приступы... Сначала я боялась, что, если родители узнают, снова переведут меня на домашнее обучение, потом боялась, что отговорят от университета.

— Эти детали меня интересуют мало. С родителями — понятно, — перебил Павел Аркадьевич и смерил девушку презрительным взглядом. — Мне зачем было голову морочить? Или ты думаешь у меня нет других пациентов, кроме девочки-мажорки?

Злата стусевалась, с трудом сглатывая комок в горле. Слова были справедливыми, хотя и до боли обидными. Она, конечно, не особо надеялась на понимание со стороны мужчины, но очередной упрёк бил наотмашь.

Хотелось исчезнуть, и никого не видеть в этот момент, но мужчина продолжал сидеть напротив и душить её взглядом. И без того вопящая совесть от его замечания разразилась

очередной истерикой.

— Уйдите, пожалуйста, — попросила Злата, когда выносить давление стало уже невыносимо. Она по-детски подтянула колени к груди и обняла их руками. — Я хочу побыть одна. Уйдите.

Мужчина криво усмехнулся, пожал плечами, поднялся на ноги и собирался уйти. Продолжать находиться в обществе этой избалованной девочки сейчас, действительно, не было необходимости. Стоило зайти попозже, зафиксировать всю нужную информацию и поговорить с ней спокойнее.

Павел Аркадьевич почти дошёл до двери, как внезапно звенящий от нервного напряжения и подступающих слёз голос его остановил. *От этого захотелось закатить глаза, женские истерики это всегда слишком однотипно и жутко утомительно.*

— Почему я так вас раздражаю? — Злата повернулась к мужчине и посмотрела в глаза. — С самого первого дня... Почему? Что я сделала не так?

— Ничего. — Иронично заметил врач, скрещивая руки на груди. — Ты — просто обычная пациентка, с которой из-за блага твоих родителей я вынужден носиться как с писаной торбой. У меня десятки больных, которые ждут помощи и готовы лечиться, в то время как ты просто тянешь *моё* время, *мои* силы и *мои* нервы. Если ты хочешь вылечиться — прекрати врать и строить из себя жертву, если хочешь и дальше страдать и в один прекрасный день просто умереть — то вперёд, я удерживать тебя здесь не собираюсь, понятно?

— Понятно.

Мужчина сухо кивнул, развернулся и вышел из палаты. Он уже знал, что вся эта сцена с истеричной мамашей Златы обернётся ужасным скандалом, понимал, что с девчонкой будет ещё куча проблем. В последнее время всё просто валилось на него как снежный ком.

От раздражения хотелось просто разбить что-то об стену. Вся эта история сидела уже в печёнках, но, несмотря на это, из неё явно нужно было выбираться. Желательно в рекордные сроки.

Заехать домой и отоспаться Павел Аркадьевич не успевал, поэтому решил, что подремать в ординаторской будет не самым плохим выходом из ситуации, тем более, что там сегодня было, на удивление, было пусто. Мужчина прилёг на небольшой диван и уснул, как и всегда, довольно быстро. Кажется, в течение секунды.

Поэтому он и не услышал, как скрипнула дверь, а потом в помещении раздались чьи-то лёгкие шаги. Внезапная гостья явно очень сильно старалась не шуметь, но будь мужчина чуть менее уставшим, обязательно бы уловил её присутствие.

Девушка выдохнула и ощутимо прикусила щёку изнутри, чтобы привести себя в чувство. Она ощущала себя воровкой на месте преступления, но почему-то уйти уже оттуда не могла.

Изначально, узнав у коллеги, где мужчина, Злата планировала просто поговорить с ним. После его упрёков в палате девушке хотелось высокомерно заявить, что завтра она уедет в другую клинику, и он больше не будет вынужден тратить на неё своё драгоценное время, однако, увидев сонного мужчину, она застыла на месте и потеряла всю свою былую решительность.

От вида усталости на лице лечащего врача её собственная обида вперемешку со злобой начала угасать. Глупо это всё.

Пусть и грубо, но мужчина, по сути, сказал ей правду. *Ведь сама во всём виновата.* Он

просто хочет нормально выполнить свою работу, вылечить её, а она палки в колёса ему вставляет из-за страха вернуться домой.

Злата посмотрела по сторонам и нашла глазами плед. Немного подумала, а потом осторожно взяла его в руки и снова на цыпочках подошла к Павлу Аркадьевичу, чтобы укрыть. Как-то совсем инстинктивно её тонкие пальцы коснулись чёрных волос, а затем и щеки мужчины.

— Ладно, в другой раз повозмущаюсь, — шепнула Злата и в который раз за день улыбнулась. — Спице, вдруг добрее ко мне станете.

5. Голубая сова

Постепенно всё начинало приходить в норму. Девушка больше не вставляла мужчине палки в колёса, не мешала лечению, не задавала глупых вопросов и по мере возможностей даже старалась унимать вездесущую мать. Если так задуматься, то у них шло всё фактически идеально.

Настолько, что Павла Аркадьевича просто не осталось оснований для серьёзных претензий. Однако он не был бы собой, если бы не нашёл причину, чтобы докопаться. Умудрилось всё-таки кое-что застрянуть в его мозге ржавым гвоздём.

У лыбка. Вот эта вот еёраздражающе-милая и совершенно беспричинная улыбка.

Злата всегда находила для него эту чёртову улыбку: когда он заходил в палату, когда откровенно хамил или за что-то отчитывал. Иногда она была неуверенной и почти незаметной, иногда шла в комплекте с раздражённым фырканьем, иногда сопровождала язвительный комментарий.

Ангелочком его пациентка совсем не была: и спорила, и шутила, и даже передразнивала лечащего врача как маленький ребёнок. Периодически даже сознательно выбеживала до чёртиков своими детскими реакциями, но почему-то, несмотря на это, всегда мило улыбалась и желала хорошего дня.

Поначалу это, действительно, безумно раздражало и в некоторой степени дезориентировало, но постепенно такое поведение стало наталкивать Павла Аркадьевича на мысль о том, что девушка *лишь максимально пытается привлечь его внимание. Просто совсем как ребёнок.*

Мужчина, конечно, не был уверен, так ли это на самом деле, но, дабы лишний раз не рисковать, старался проводить с ней время по минимуму. *Влипать в проблемы из-за прихотей мажорки совершенно не хотелось.* Поймёт что-то не так и потом никогда не отмоешь.

Злата эти изменения заметила; впрочем, ещё большую отчуждённость и холод в поведении врача не разглядел бы только слепой. На место раздражения и злобы пришло равнодушие и безразличие. Сделать выводы было несложно.

Девушка не стала акцентировать на этом внимания, но намеренно притихла, не собираясь мучать человека ещё больше. Если уж мужчина бежит от неё и прячется, то, действительно, стоит минимизировать любой контакт, чтоб не причинять ему такой сильный дискомфорт.

Обидно было только, что её не поняли. Не хотела она лезть к нему и донимать, просто страдала от одиночества и никому не говорила об этом, а мужчина по воле случая оказался единственным человеком, с которым можно было хотя бы обменяться дежурными фразами. А он, видимо, подумал чёрт знает что...

Впрочем, поведение Павла Аркадьевича уже давно перестало её серьёзно расстраивать: ждать дружелюбной улыбки или ласкового слова от него не приходилось. В этом был весь её лечащий врач.

Только вот спустя несколько дней повод для серьёзного расстройства внезапно нашёлся. Причём, такой, которого Злата совсем не ждала и даже не могла предвидеть. *А, если бы могла, то не ушла бы ни под каким предлогом.*

После изматывающей процедуры, ставшей привычкой, девушка как обычно вернулась в

палату и легла на кровать. В теле была такая невыносимая слабость, что хотелось свернуться калачиком, прижать к себе любимую игрушку и просто уснуть на несколько часов.

Девушка потянулась к тумбочке, чтобы взять любимого плюшевого мишку, с которым никогда не расставалась, но рука вдруг резко ощутила пустоту. Злата испуганно, нахмурилась, судорожно повернула голову, посмотрела по сторонам и тут же с ужасом осознала, что игрушки на тумбочке нет.

Первый приступ паники сменился непониманием. Злата осмотрела буквально всё вокруг, но ситуация всё никак не менялась. Игрушки нигде не было: ни в тумбочке, ни под кроватью, ни на полу.

Девушка просто не знала, куда могла подеваться её любимая вещь, и продолжала как ребёнок её искать. За недели пребывания здесь ни медсестры, ни кто-либо ещё никогда не трогали её плюшевого мишку.

Понимая, что на неё будут смотреть как на дуру, Злата всё-таки подошла к стойке и спросила про уборку в палате. Конечно, на неё посмотрели, как на сумасшедшую, чего и следовало ожидать. В больнице её из-за родителей, мягко говоря, не взлюбили, и сейчас Злата в полной мере могла это ощутить.

По сравнению с едкими уколами медсестёр слова Павла Аркадьевича оказались просто нежной трелью соловья.

— Я понимаю, что никто бы не взял его нарочно, — в который раз бегло проговорила Злата. — Просто понимаете... эта вещь мне очень дорога. Может быть, когда в палате убирались его случайно выкинули? Я поищу... скажите, куда у вас мусор увозят?

Девушка понимала, что её слова звучат наивно и глупо, но ничего не могла с собой поделать. На неё смотрела совершенно равнодушная медсестра, которая едва сдерживала при её виде брезгливость. Казалось, она с удовольствием бы выставила её из больницы, если бы могла.

— Ты чего от меня хочешь, чтоб я по помойкам лазила из-за твоей прихоти? — желчно повторила женщина, прищуривая глаза. — Ещё не хватало, чтоб мне девка какая-то указывала! Или думаешь с твоими родителями всё можно?

— Нет, простите я... я... спросила... Думала, вдруг спрашиваете, и кто-то видел... Ну, вдруг, — язык заплетался, а в уголках глаз собирались слёзы.

— Иди отсюда и голову мне не морочь, поняла? Пропал и пропал! Сама забыла куда положила, а на нас бочку катишь! Все вокруг тебя как будто плясать должны! Мне работать надо!

Злата устало кивнула и обессиленно побрела в палату, не желая слушать всё это дальше. От обиды ей хотелось как ребёнку сжаться в комочек и просто рыдать. Она же никому не сделала ничего плохого, но почему-то с первого дня все кому ни лень в этой больнице поливают её грязью.

Даже сейчас: девушка ведь не просила танцевать вокруг неё, просто спросила. Мало ли... Вдруг... Это ведь был не просто мишка, *это был талисман и подарок*, ценность которого знала только она.

Не заметить изменений в поведении пациентки Павел Аркадьевич, конечно, не мог. Ведь в отличии от её *нормального состояния временного затишья*, сейчас с ней явно было что-то не так. И это "*не так*" в последние пару дней конкретно сказывалось на результатах лечения, и мужчина как хороший врач не мог этого не понимать.

Злата была понишкой и какой-то совсем тихой, исчезла даже эта бесящая его улыбка: вместо этого девушка сухо кивала, на вопросы о состоянии отвечала по инерции, постоянно цеплялась пальцами за белое одеяло и часто-часто спрашивала, когда её уже выпишут.

Павел Аркадьевич отметил, что это странно: раньше домой она так сильно не рвалась.

Догадаться, что что-то произошло было несложно. Трудность была только в одном: по опыту работы с этой пациенткой мужчина знал, что, если спросить о причине напрямую, она абсолютно ничего не скажет. Отмолчится и забьётся в угол.

Да и нужно ли ему вообще с этим возиться? Задача лечащего врача — вылечить пациента, а не разобраться с его психологическими проблемами. Для этого существуют психологи или на крайний случай психиатры. Это не его проблемы и не его головная боль.

Павел Аркадьевич уточнил нюансы по состоянию, посмотрел анализы и уже собирался уйти, как взгляд неожиданно зацепился за пустое место на тумбочке. Там же стояла эта дурацкая плюшевая игрушка, которую он двадцать пять раз просил убрать, а Злата внаглую раз за разом игнорировала его просьбу.

Одно звено сразу зацепилось за другое. И глаза эти побитой собаки и отсутствие этой плюшевой фиговины. Она же тряслась над этой игрушкой, как непонятно кто, даже вроде засыпала с ней. Таких деталей Павел Аркадьевич обычно не помнил, но тут почему-то врезалось в память.

Он задумался, вышел из палаты, а потом неожиданно для самого себя подошёл к стойке, где была дежурная медсестра.

— Нина Дмитриевна, у нас пациентка из восьмой палаты ничего не теряла? — Спросил Павел Аркадьевич, решив всё-таки проверить свою догадку. — Не подходила? Не спрашивала?

— Мажорка наша? — иронично уточнила женщина, скривив губы в презрительной усмешке и скрестив руки на груди. — Смотрите-ка, и вам уже нажаловалась! Ишь ты какая — далек пойдёт! Теряла она мишку там какого-то, как ребёнок прям разнылась и истерику мне прям на посту устроила, как будто её хреновина тут кому-то нужна.

— Понятно.

По лицу Нины Дмитриевны пробежала волна редкого раздражения. Павел Аркадьевич на это только глаза закатил. Он тоже считал такую привязанность к вещи глупой блажью, но описывать своё негодование медсестре стоило явно менее красочно. Да и не особо верилось, что Злата могла истерику закатить. Максимум — спросила и заплакала, не более того. А сейчас вообще ушла в апатию.

Павел Аркадьевич возвращался домой, собираясь нормально выспаться и отдохнуть. Завтрашний день обещал быть мозговыносящим, поэтому подготовиться к нему стояло основательно. Он устало проходил мимо знакомых магазинов, стараясь не уснуть прямо на улице.

Только вот неожиданно в очередной витрине мелькнуло что-то такое, что невольно зацепило взгляд каким-то необычным блеском. Мужчина остановился, чтобы присмотреться. Оказалось, что мелочью, привлёкшей внимание, оказалась всего лишь маленькая игрушечная сова.

Она была завалена другими игрушками и притаилась где-то в самом углу. Совершенно обычная, выделял её разве что только клюв с аккуратно приделанными голубыми пайетками,

большие глаза с такого же цвета блестяшками и ушки с непонятной белой ерундой.

Мужчина никогда не любил мягкие игрушки, но тут почему-то не смог пройти мимо. Выглядела эта сова в сваленной груде игрушек также жалко и потеряно, как одна его пациентка. Чертыхнувшись Павел Аркадьевич всё же зашёл в небольшой магазинчик больше напоминавший цветочный ларёк.

— Дайте голубую сову с большими глазами, — попросил мужчина, доставая бумажник. — Сколько она там стоит?

Девушка пожалала плечами, а потом полезла доставать нужную игрушку. Она была уверена, что мужчина её не купит, как и те несколько человек, которые были перед ним. Обычно в их небольшом магазинчике всех отпугивали цены, брали здесь в основном только цветы.

— Слушайте, она довольно дорогая — полторы тысячи, — изучив ценник, ответила продавщица. — Знаете, у нас тут игрушки попроще есть, рублей за пятьсот, за тысячу давайте я покажу.

— Я не просил вашей консультации, — грубовато ответил Павел Аркадьевич, снова смотря на маленькую игрушку, лежавшую на столике. Дорого, конечно, да и не стоит эта мажорка такой затраты. К тому же, если нужно, родители в состоянии купить ей что-то взамен пропажи. — Давайте вот эту.

Продавщица с некоторым удивлением уложила покупку в пакет и протянула её мужчине. Тот *нехотя* его взял, стараясь не анализировать причины своего поступка. В конечном итоге он подумал, что это всего лишь вклад его измученного организма в выздоровление проблемной пациентки.

Ведь чем быстрее она поправится, тем быстрее свалит вместе со своими психами.

После очередной процедуры девушка возвращалась в палату не столько усталая, сколько опустошённая. Совсем недавно у неё была мама, и это посещение совсем не добавило радости. В очередной раз завелась пластинка о том, что сейчас ей нужно перевестись в другую клинику, а после выздоровления и вовсе на домашнее обучение.

В последнее время это настолько достало, что терпеть это и дальше становилось просто невыносимо. Под аккомпанемент назойливых мыслей Злата тихо подошла к палате, осторожно открыла дверь и тут же застыла на месте.

Перед ней стоял привычно недовольный Павел Аркадьевич, а за его спиной на тумбочке виднелось что-то маленькое голубое красивое и с блёстками. Злата перевела на него удивлённый взгляд и сразу же сложила два плюс два.

— Это мне? — тихо на грани слуха спросила пациентка, от волнения сжимая рукав спортивной кофты.

Её глаза от удивления были похожи на два блюдца, а сама она почему-то дрожала.

— Чтоб не ныла, — грубовато отмахнулся Павел Аркадьевич, раздражённый тем, что не успел уйти до её возвращения. Однако, несмотря на это, его голос оставался таким же твёрдым. — *Твоё нытьё плохо влияет на кардиограмму.*

— *Она... очень красивая...* — восхищённо сказала Злата, совершенно пропустив мимо ушей его очередное ворчание. — *Как в сказке.*

— Выбрал первую попавшуюся, = Павел Аркадьевич закатил глаза, но всё же профессиональным взглядом отметил изменение состояния пациентки в лучшую сторону.

Теперь половину её лица опять занимала раздражающая его улыбка.

— *Спасибо...*

Тихий шепот. Совсем на грани слуха. Злата осторожно опустила голову вниз, чтобы совсем не разрыдаться. За всю её жизнь это был второй подарок. Простой и такой искренний, что хотелось плакать.

— Спасибо, — снова повторила, шмыгая носом.

Павел Аркадьевич усмехнулся. *Да... пациентка оказалась впечатлительная.* Он даже не ожидал, что будет такой эффект. Знал бы — дал перед этим успокоительное.

— Свалилась на мою голову, — недовольно заметил мужчина, скрещивая руки на груди.

Девушка устало улыбнулась, подняла голову и посмотрела на него так, как никогда раньше. Найти подходящее сравнение для этого взгляда Павел Аркадьевич так и не смог.

— Меня скоро выпишут — немного осталось, — Злата опять шмыгнула носом и улыбнулась.

Павел Аркадьевич сухо кивнул, не забыв сделать замечание.

— *Вот когда выпишу тебя, тогда вздохну с облегчением, а пока — рано.*

6. Жених

Покупая эту дурацкую сову, мужчина не думал, что пациентка настолько сильно к ней привяжется. Всегда довольно спокойная и не особо скандальная, теперь она так ревностно следила за игрушкой, как иные не следят за бриллиантовым колье. Девушка таскала её с собой на процедуры, не выпускала из рук во сне и иногда, кажется, даже с ней разговаривала.

Такое поведение у Павла Аркадьевича, конечно вызывало смех; в особенности в те моменты, когда он видел свою засыпающую пациентку в обнимку с маленькой голубой совой. Частенько становясь свидетелем этого действия, он закатывал глаза и иронически шутил.

Однако всё-таки, где-то в глубине души ему было приятно.

Раньше Павел Аркадьевич никогда бы не подумал, что девушка может искренне обрадоваться из-за такой мелочи, а теперь убедился в этом воочию. Хотя у *читывая финансовые возможности её семьи и привычку к обеспеченной жизни, это и, правда, было удивительно.*

Ругать её от этого меньше мужчина, конечно, не стал: всё также несносно хамил, язвил и постоянно ворчал. Только вот Злата уже совсем на это совсем не обижалась. *Ни капельки.* Как-то по-детски без особых причин умудрившись, привязаться к *своему раздражительному доктору.*

К тому же постепенно она сама перестала отмалчиваться и хандрить: начала шутить и язвить в ответ, да и выглядеть стала намного лучше. Однако такое улучшение вовсе не значило, что потеря любимого плюшевого мишки была забыта. Чувство боли от потери чего-то очень важного никуда ни ушло.

Просто теперь в моменты подкатывающей из-за этого грусти, Злата не оставалась одна. Она брала в руки сову, прижимала её к себе как можно сильнее и закрывала глаза.

Эта маленькая вещь как-то совсем иррационально для неё самой стала личной надеждой и верой в то, что она не одна. Ведь в тот момент, когда она обнимала эту маленькую голубую сову, она чувствовала, что хоть кому-то не безразлично то, что с ней происходит. *Хоть кто-то заметил, что ей больно и пришёл помочь.*

Тем временем состояние Златы налаживалось: приступы фактически сошли на нет, а внезапные боли стали беспокоить всё реже и реже. Павел Аркадьевич как опытный врач отмечал хорошую динамику, вносил небольшую корректировку в план лечения и уверенно прогнозировал скорую выписку.

И хотя внешне отношения врача и пациентки остались прежними, *этот подарок* неожиданно для них самих разделил эту непростую историю на "до" и "после".

И, несмотря на то, что заметить *что-то новое* они ещё не успели, окружающие, оказавшиеся куда прозорливее, происходящие изменения уловили сразу. И, разумеется, в восторг от этого не пришли.

Негатив со стороны медсестёр Злата разглядела сразу, впрочем те даже не пытались скрывать своё пренебрежение. Эти постоянные шушуканья за спиной, ехидные замечания и злобные взгляды не заметил бы только слепой, однако девушка всё никак не могла понять причину такой реакции.

Общалась она с ними вежливо: ни хамила, ни грубила, ни истерила. Даже родители в

последнее время, кажется, перестали их доставать. В этом плане раздражение Павла Аркадьева хотя бы было обосновано, а здесь... Злата просто терялась в догадках.

Но ответ внезапно нашёлся. Причём, именно тогда, когда девушка уже не надеялась его получить.

В четверг, когда уставшая Злата в очередной раз возвращалась после процедуры, перед ней, словно гриб после дождя, возникла знакомая медсестра. Молодая красивая, но с настолько перекошенным от злобы лицом, что девушка даже успела испугаться.

— Поговорить нужно, — строго пояснила медсестра и задрала голову вверх, видимо, чтобы казаться ещё выше. Необходимости, правда, в этом никакой не было. — Пойдём-ка обсудим кое-что.

Злата непонимающе сдвинула брови, но из любопытства всё-таки решила пойти вслед за медсестрой. Покрепче сжала в руках сову, выдохнула и морально приготовила к очередному трешачку, потому что обычно такой взгляд не обещает ничего хорошего.

Пройдя буквально немного, они вместе зашли в какое-то помещение, похожее на служебное, а дальше Злата невольно оказалась участницей истеричной сцены, которой, позавидовал бы даже современный кинематограф. По крайней мере девушке показалось именно так.

Какое-то время медсестра молчала и только буравила её гневным взглядом. Она была значительно выше, и на её фоне Злата чувствовала себя неразумным ребёнком. Ей по-детски хотелось куда-то спрятаться, а лучше вообще отсюда сбежать и никогда не возвращаться.

— Перестань лезть к Паше, — неожиданно после долгого молчания заявила медсестра, скрестив руки на груди.

Она сделала несколько шагов вперёд, заставляя Злату отскочить назад и прижаться к стене спиной.

— К какому Паше? — девушка непонимающе вскинула брови вверх, перебирая в голове тех, к кому это обращение могло быть применимо. Догадка неприятно кольнула где-то в груди. — К Павлу Аркадьевичу в смысле?

Собеседница закатила глаза, постепенно теряя терпение.

— Дурой не прикидывайся, хватит к нему лезть со своими щенячьими глазками, — шепот медсестры был настолько пропитан ядом, что Злате становилось, действительно не по себе. К тому же такой бред был за гранью её понимания. — Или ты думаешь, если мажорка можно чужого мужика уводить? Мы поженимся скоро, поняла?

Злата опустила голову, в кратчайшие сроки пытаясь собраться с мыслями.

— А Паша в курсе? — наигранно мило уточнила Злата, но её глаза уже засверкали опасным огнём. — Кольца вот, например, на пальце чего-то совсем не видно.

— Ты...

— Я! — Громко перебила Злата и подняла голову вверх.

С каждым словом медсестры её раздражение подкатывало к максимуму, но после угроз и бреда о свадьбе девушка окончательно поняла, что рубеж пройден. Её терпение просто иссякло.

— Хватит, — голос пациентки прозвучал как никогда звучно и яростно. И хотя со стороны она походила на воинственную мышь, это не помешало ей начать ставить зарвавшийся персонал на место. — Я долго терпела ваше хамство, пыталась по-хорошему, но не получилось, поэтому теперь послушай-ка сюда ты. Рот свой закрой и перестань хамить. Я ничего тебе не сделала, чтобы ты так со мной разговаривала.

— Думаешь самая крутая? — с вызовом уточнила медсестра, не отводя взгляд.

— Я же мажорка, — едко припомнила Злата своё обидное прозвище. Сейчас оно оказалось кстати, как никогда. — Захочу и тебя, и твоих подружек из больницы выставлю в два счёта, кто мне помешает? Где этот герой?

Медсестра раздражённо выдохнула и злорадно усмехнулась.

— А силёнок хватит?

— Проверь, если хочешь, — Злата снова ележно улыбнулась и прищурила глаза. — Риск дело благородное. Но мой тебе совет: не присваивай больше то, что твоим не является.

Их гневные переглядки продлились ещё несколько напряжённых минут, а потом медсестра, раздражённо чертыхнувшись, всё-таки выскочила из сестринской. Злата наконец-то смогла спокойно выдохнуть и обессилено съехать по стеночке вниз, удобно устраиваясь на холодном полу.

Ей было и страшно, и плохо, и всё сразу. Она ни с кем так никогда не разговаривала, и теперь её просто отчаянно накрывало удушливой волной вины, стыда и бессмысленного раздражения. Злата не хотела, чтобы всё было так, просто в какой-то момент завелась и не смогла остановиться.

Она притянула колени к груди, по-детски погладила совёнка, пытаясь прийти в норму. Невольно девушка подумала и о своём враче, из-за него же вся эта катавасия началась. *Хотя разве мужчина виноват в своих странноватых фанатках, которые несут откровенную ересь?* Совсем её что ли за дуру держат.

Конечно, на Павла Аркадьевича прям, как взглянешь, так сразу и поймёшь, что жених. Бред и только. Разве что только в мечтах этой чокнутой девицы. Интересно, а что бы мужчина сам сказал, если бы это услышал? Хотя он тоже хорош, не мог её послать что ли.

И вообще с чего они решили, что между ней и Павлом Аркадьевичем что-то есть? Из-за игрушки? Глупость же. Впрочем, чего от таких злыдней чего ещё ожидать, раз понятие подарка им чуждо, и они даже в этом простом действии видят подтекст?

Подумав об этом, Злата устало посмотрела на сову.

— Ну, не смотри на меня так, — тихо фыркнула пациентка, закатив глаза. — Он мне совсем не нравится, меня эта тётка просто вредная разозлила, не люблю, когда несут чушь. Жених он её как же... *Ни жених я точно знаю... По крайней мере не её!*

7. Возвращение талисмана

В жизни Павел Аркадьевич усвоил одно главное правило: *никогда не стоит влезать в женские дразги*. Во-первых, разобраться в них мужчине фактически нереально, а, во-вторых, вероятность пострадать в таких ситуациях стремится к единице. Однако в этот раз Павел Аркадьевич всё-таки оказался втянут в женские разборки, *хоть и помимо своей воли*.

Напряжение между медсёстрами и Златой он уловил давно. Только вот сейчас оно не просто стало всем заметно, а буквально начало ослеплять окружающих своими полыхающими искрами.

Сам бы врач вряд ли сфокусировал на этом внимание: обычно подобные конфликты ему были абсолютно побоку, но подколы коллег и медсестёр уже постепенно "*просвещали*" и выводили из равновесия. Впрочем, окончательно добило мужчину поведение *Леночки*, которая всё никак не могла оставить его в покое.

И хотя Павел Аркадьевич никогда не был не против хорошего систематического секса, с *данным типом женщин* связываться всерьёз он не планировал даже в теории.

Да учитывая его работу и постоянный мозговynos, периодическая разгрузка приходилась бы ему кстати, но такие подруги как Лена совершенно точно этим не удовольствуются и в перспективе будут добавлять ещё больше проблем.

В принципе, выводы Павла Аркадьевича подтвердились, когда медсестра внаглую распахнула дверь и без приглашения зашла в ординаторскую. Мужчина тут же нахмурился, чувствуя, что постепенно служебное помещение становится проходным двором.

— *До каких пор эта наглая мажорка будет продолжать издеваться над всем персоналом?* — грубо спросила Лена, даже не пытаясь скрыть нотки истерики в голосе.

Игнорируя находящихся в комнате коллег, она подошла к столу, за которым сидел Павел Аркадьевич, и вперилась в него негодующим взглядом.

— До тех пор пока я её не выпишу, — спокойно ответил мужчина, стараясь не обращать внимание на то, как девушка стала опираться рукой на его стол. Остальные присутствующие в ординаторской, тоже, видимо, прифигев от такого гневного напора Лены, сначала дипломатично кашлянули, а потом всё-таки решили свалить подобру-поздорову. — Ответ понятен?

— Не понятен или ты думаешь, что я и остальной персонал и дальше будем терпеть её хамство? На каком основании? — Медсестра подавалась вперёд, хмурила брови, и прямо явно хотела, чтобы её декольте в расстёгнутом халате было заметно. На секунду мужчине даже показалось, что она хочет врезаться грудью в его нос, настолько раздражающе это выглядело. — Ты — её врач — вот и пляши вокруг неё, а мы не обязаны!

— Изложи претензии конкретно, — попросил врач, уже заранее зная, что Лена начнёт сейчас нести редкий бред. — *Что не так?* Я ведь не идиот и как-то очень сомневаюсь, что двадцатилетняя девчонка, почти не выходящая из палаты, могла достать весь такой опытный персонал.

— Защищаешь её, значит? — едко уточнила Лена, чувствуя, как сильно внутри начинает закипать раздражение. — Интересно, только вот она, такая невинная овечка, всем говорит, что её такой замечательный доктор — это не просто лечащий чувак, а будущий муж.

Скрыть иронию в голосе Лена даже не пыталась. Она просто заняла позицию созидания, надеясь увидеть, как с *вободолюбивый мачо больницы* вспыхнет от попытки

какой-то малолетки его к себе привязать, но мужчина, напротив, выглядел удивительно спокойно.

— Мужа? — Павел Аркадьевич на минуту задумался, а потом устало усмехнулся. — Льстит, что не любовника. Если это всё, пожалуйста, иди и займись своими прямыми обязанностями.

— То есть со мной ты не спишь, потому что весь такой принципиальный. — Лицо Лены в этот момент было таким возмущённым, что мужчине, действительно, показалось, что он находится в цирке. — А с какой-то малолетней мажоркой все твои принципы резко свалили, да?

— Да.

Настолько спокойно и чётко, что Лена даже на минуту подумала, что ослышалась. Павел Аркадьевич в этот момент смотрел на неё и вообще не выглядел испуганным или задетым.

Девушка ждала, что он скажет какую-то грубость, закатит глаза, да всё, что угодно, но не вот такое леденящее согласие. Мужчина же просто знал, что именно такие конкретные ответы на вопрос с лёгкостью выводят людей из себя.

— Подожди, ты... — Медсестра выглядела максимально дезориентированной. Она предполагала, что Злата к нему клеится, но не... — Ты сума сошёл? Знаешь, что с тобой её предки сделают?

— Знаю, — снова ровный ответ, бьющий прямо в цель. Спорить с раздражённой женщиной Павел Аркадьевич не собирался, доказывать ей что-то тем более. — А ещё я знаю, что, если ты не успокоишься, полетишь следом за мной, поэтому настоятельно рекомендую оставить её и меня в покое.

Медсестра шумно выдохнула, сжала пальцы в кулак, ощущая, как всё её тело прошибает нервная дрожь. Злоба клокотала изнутри и отчаянно искала выход. Лене безумно захотелось ударить его по лицу, но она сдержалась, просто схватила со стола первую попавшуюся папку и громко швырнула её на пол.

— *Да пошёл ты, козёл!*

Истеричный вопль резанул по ушам, как и шумный хлопок дверью. Павел Аркадьевич закатил глаза, мысленно делая заметку, что с медсёстрами здесь он больше не спит. *Никогда.*

Правда, на этом сюрпризы не закончились. Уже к концу дня возвращаясь в ординаторскую, чтобы кое-что забрать, мужчина заметил какие-то непонятные предметы у своих вещей.

Несколько минут у него ушло на то, чтобы понять, что это фактически то, что осталось от любимой игрушки его пациентки. Плюшевые отрезанные лапки, голова и уши, вспоротый живот. От вида такого изуверства над игрушкой даже Павлу Аркадьевичу стало не по себе.

Немного подумав, он всё-таки сложил эти *покалеченные части в сумку, прекрасно понимая, что оставить их здесь было бы худшим решением из возможных.* Мишка был слишком серьёзно разрезан, и вернуть его таким... показалось слишком подло. Тем более эта игрушка явно что-то значила: увидев её в таком виде, положительной динамике Златы с лёгкостью мог прийти конец.

Этого он допустить как хороший лечащий врач просто не мог.

Из-за подобного умозаключения *внепланового пациента* мужчина решил забрать домой. Оперативное вмешательство плюшевому пострадавшему было, как никогда, необходимо.

Придя домой и приведя себя в порядок, Павел Аркадьевич решил не затягивать с оперативным вмешательством. Он осмотрел *пациента*, выбрал нужные нитки и стал потихоньку складывать части, чтобы собрать цельную картину.

— Да, дружище вот, что бывает с теми, кто попадает в бабские разборки, — устало хмыкнул мужчина, начиная пришивать голову плюшевого мишки на её историческое место. — Ну, ничего, тебе повезло, я-то тебя зашью, а вот, если мне голову оторвут, то фиг уже, кто пришьёт.

Павел Аркадьевич потёр переносицу, чувствуя, как его постепенно начинает утягивать в сон. Усталость давала о себе знать, как и переработки, но, несмотря на это, с задачей мужчина справлялся быстро, как истинный профессионал.

Аккуратно пришив ему лапку, мужчина приметил на её внешней стороне небольшую надпись, совсем небольшую, но аккуратно сделанную на *stone*. Это было явно не похоже на заводской шеврон. Такие надписи обычно специально выполняют на заказ.

"Я буду с тобой даже тогда, когда меня не будет рядом"

Мужчина покрутил игрушку в руках, теперь несложно было догадаться, чем именно эта игрушка была так дорога Злате. *Всему нашлось вполне логичное, хоть и печальное объяснение.* Большинство людей, склонны цепляться за вещи, которые когда-то принадлежали близким людям. Хорошо, что он уже давно перестал этим грешить.

Вернуть игрушку мужчина решил открыто. Конечно, он старался зашить всё аккуратно, но в ряде моментов сделать это было просто физически невозможно. К тому же Павел Аркадьевич как взрослый человек прекрасно понимал, что реакция пациентки может быть непредсказуемой. Когда любимая вещь оказывается кем-то изуродована, мало кто может сохранять спокойствие.

Мужчина зашёл в палату и привычным отстранённым взглядом посмотрел на Злату. Сначала она удивлённо приподняла брови, как бы спрашивая, что он тут делает в это время, а потом перевела взгляд на его руки, которые сжимали её плюшевого мишку.

Сердце внутри девушки заколотилось с утроенной силой и дышать стало невыносимо сложно. Злата за секунду соскочила к постели и подбежала к мужчине так, как это делают маленькие дети, когда им кто-то приносит конфеты. Павлу Аркадьевичу даже показалось, что в женских глазах блеснули слёзы.

Она протянула к нему дрожащие руки, взглядом умоляя отдать то небольшое, что было так сильно ей дорого. Он мягко вложил в руки пациентки плюшевую игрушку, затаённо ожидая реакции. Почему-то врач был подсознательно уверен, что Злата сама всё поймёт и обо всём догадается.

— Его резали, да? — тихо шепнула девушка дрожащими губами. В её глазах стояли слёзы, но она держалась из последних сил.

— Я его зашил.

— Почти невидно, — снова тихо почти на грани слуха.

Лёгкая улыбка на девичьих губах, такая слабая, чтобы успокоить то ли его, то ли саму себя.

— Я людей шью, с игрушкой уж точно справится в состоянии.

Грубо и высокомерно, но зато по-настоящему искренне. Злата поднесла ладонку к лицу, смахивая набежавшие слёзы. Её талисман снова с ней, и её равнодушный доктор вернул ей его.

Зашил и вернул, сделав то, чего никто никогда не делал. *Просто так позаботился о ней без всяких причин. Просто потому что заметил, что ей плохо.* От одного этого осознания захотелось заплакать как маленькой девочке.

Злата подняла подбородок и посмотрела в мужские глаза. Обычные, но такие красивые. Совсем не злые, даже какие-то по-своему печальные. Девушка рассматривала его и чувствовала, что Павел Аркадьевич сейчас обязательно уйдёт, а она очень сильно пожалеет, если не сделает то, чего безумно просит что-то внутри.

Другого шанса не будет, ведь их история закончится через несколько дней, оставшись самым ярким пятном в её воспоминаниях.

Злата выдохнула, встала на носочки и прижалась своими губами к его губам, касаясь мужской шеи тонкими пальцами рук. Осторожно и ни на что не рассчитывая. Она знала, что он оттолкнёт, понимала и мысленно была готова, но *он почему-то... не оттолкнул.*

8. Нужные реакции

... а он почему-то не оттолкнул.

Лишь ответил на неумелые касания *так*, что у бедной пациентки подкосились ноги, а сердце и вовсе стало отбивать чечётку. Всегда такой собранный и правильный, сейчас Павел Аркадьевич, напротив, вёл себя как страстный игрок, охваченный азартом.

Внутри сдержанного врача, будто бы начинал разгораться самый настоящий огонь, который девушка чувствовала в каждом его прикосновении. И пусть пациентка знала, что, скорее всего, сгорит в этом чёртовом пламени, она всё равно продолжала *лететь* к нему, словно мотылёк. *Ей было слишком хорошо, чтобы думать о посторонних вещах.*

Раньше такого никогда не было. Ни с кем и никогда. Впервые в жизни она ощутила не просто трепетное волнение, а настоящий жар, который проникал в каждую клеточку её тела и заставлял гореть.

Отчасти эти ощущения напоминали девушке вихрь, отчасти пожар, сметающий всё на своём пути. Мужские пальцы путались в русых волосах, сжимали, оттягивали, заставляли подаваться назад, а её губы в ответ распахивались всё тише.

Она позволяла ему *всё*, просто потому что в головах обоих не было ни одной нормальной мысли: разумное, словно бы окончательно выключилось и испарилось. Павлу Аркадьевичу уже было совершенно наплевать, что эта девушка — его вечно проблемная малолетняя пациентка.

Когда Злата отвечала с *таким пылом*, всё это уже не имело никакого значения. Она вплотную прижималась к нему, жарко целовала, уверенно цеплялась пальцами за его шею в поисках опоры и отчаянно старалась не упасть.

Было слишком хорошо, чтобы прекратить это безумие и подумать о последствиях. *Слишком.*

Мужские пальцы ловко бежали по девичьей спине, задирая розовую хлопковую маечку. Желание прикоснуться к её коже било набатом на уровне инстинктов, с каждой секундой всё дальше и уверенней, но Павел Аркадьевич из каких-то последних остатков здравомыслия притормаживал, не переходя грань. В то время как коварные ладошки Златы уже гладили его оголённую спину под больничный халатом.

Очнулся от наваждения мужчина, кажется, только в тот момент, когда его собственная ладонь опустилась на *женские ягодицы*. И пусть девушка даже не дёрнулась, мужчину от осознания этого прикосновения мгновенно прострелило. Понимание очередной сделанной им глупости потихоньку начинало стучаться в мозг.

Он резко отстранился, тряхнул головой, сбрасывая туман, однако рук с талии Златы почему-то не убрал. *Видимо, на инстинктивно.* Впрочем, прийти в себя у девушки тоже получилось далеко не сразу. Но, несмотря на это, подсознательно Злата приготовилась к заслуженной выволочке.

Только вот мужчина этого не сделал: просто некоторое время молчал, прожигая её высокомерным взглядом, а потом внезапно не больно, но довольно чувственно сжал её волосы на затылке. Потянул вверх, заставляя встать на носочки и вплотную прижаться к его телу.

— *Никогда так больше с взрослыми мужиками не делай,* — его строгий шепот пугал куда больше крика и заставлял мурашки бежать по коже. Мужской взгляд пылал и обещал

сжечь её в этом огне. — *Никогда.* Останавливаться никто не будет, поняла?

Злата сглотнула, чувствуя, как вместо ожидаемой паники, к телу постепенно подкатывает волна приятной дрожи. Он отчитывал её, как надоедливого ребёнка, но не отпускал. Кажется, одно воспоминание об этом грозило стать лучшей фотокарточкой в её жизни.

— Я... — Она хотела сказать что-то едкое и колкое, но за всё это время в её голове так и не появилось ни одной нужной мысли. Инстинкт самосохранения же и вовсе окончательно ушёл в спячку, оставляя её один на один со своими желаниями. — *Я сделала то, что хотела и ни о чём не жалею.*

Сказала, высокомерно задрала подбородок и посмотрела с нескрываемым вызовом в карих глаз. Только вот он, вопреки её ожиданиям, не выглядел ни дезориентированным, ни удивлённым. Такой же самоуверенный и высокомерный, как и всегда.

— Больше так не делай, — с нажимом в голосе отчеканил врач, сильнее сжимая её волосы и заставляя зашипеть. — *Или до конца пойти придётся, ясно?*

— Ясно, — тихий и уверенный ответ.

А в девичьих глазах ни капли страха или даже испуга.

Мужчина усмехнулся: упрямая, как ослица, и уверенная в себе как танк. Ещё несколько минут они не отрываясь смотрели друг на друга, не желая уступать один другому, а потом мужчина резко отпустил её и направился к выходу из палаты.

В том, что слабый пол создал именно дьявол, Павел Аркадьевич никогда не сомневался. И хотя на своём пути он встречал разных девушек и женщин, все они по большому счёту друг от друга не отличались, даже недостатки были слишком похожи.

Поэтому их краткая характеристика исчерпывалась для мужчины парой определений: истеричные, склонные к манипуляции и пытающиеся загнать под каблук.

Отличная находка для тех, кому в жизни не хватает испанских страстей, в виде ссор, криков и адреналина. Павел Аркадьевич к такой категории мужчин, к счастью, не относился. Его слишком сильно задалбливала работа, поэтому энергии на подобную хрень с выяснением отношений просто не оставалось.

Да и в последние годы само понятие "*отношений*" начало на него давить. Мужчина в принципе, никогда не был душой коллектива и романтичным юношей. Он не любил компании, не любил находиться в обществе коллег на перерывах и слушать их монотонный бред.

Людей он предпочитал видеть на операционном столе и не более того.

Наверное, поэтому и с женщинами у него ничего и не выходило в привычном смысле слова. Самые долгие отношения мужчины продлились буквально пару месяцев и закончились тем, что не больше никогда не хотелось вспоминать. После этой искренней попытки Павел Аркадьевич просто на это забил, решая, что секс для разрядки — идеальный для него вариант.

Никто никому ничего не должен. Нет ожиданий — нет проблем.

Только вот сегодня в его логическом восприятии вышло противоречие: отсутствие разрядки вместе с нехилым возбуждением, которое словно назло, продолжало разливаться густой патокой где-то в голове. Но верхушкой айсберга было то, что всё это происходило из-за одной вполне себе *определённой мажористой особы.*

От этого осознания Павел Аркадьевич раздражённо чертыхнулся. У него таких, как она,

медсестричек, полна тумбочка. И уж точно связь с проблемной пациенткой в его планы не входит. Однако, несмотря на это рациональное мнение, физиология твердила совершенно другое.

Да и глупо было отрицать, что где-то на подсознательном уровне Злата ему нравилась. Молоденькая, смазливенькая. Впрочем, много ли надо уставшему мужчине с довольно длительным воздержанием?

Оказалось — много, потому что когда к нему в очередной раз пришла Лена, реакции не проявилось просто никакой.

Он как раз собирался домой, когда в ординаторскую снова без приглашение пришла Лена. Симпатично покрашенная, с грудью навыкат и томным взглядом. Стандартный, в общем, набор, к которому Павел Аркадьевич уже успел привыкнуть.

Видимо, медсестра всё-таки не собиралась сдаваться. Оказалось, что от такой назойливости избавиться фактически нереально, поэтому мысленно Павел Аркадьевич пообещал себе, что не будет больше спать с дурами.

— Паи, хватит дуться, поехали домой, — донёсся до мужчины очередной бубнёж медсестры. Лена при этом показательно провела языком по губам, как бы откровенно намекая и приглашая. — Ко мне домой. Просто отдохнём как раньше.

— Предпочитаю отдыхать у себя дома и в одиночестве, — равнодушно хмыкнул Павел Аркадьевич и обошёл медсестру, а потом просто взял свои вещи и направился на выход, не желая связываться с этой мадам.

Ничего особенного, типичный поверхностный подкат, но самым печальным здесь оказалось другое: отсутствие хотя бы какой-то реакции на всё это. Не было ни вялого интереса или ни даже ленивого размышления.

И всё это спокойно можно было списать усталость, если бы не одно "но": стоило мужчине в этот момент подумать о Злате, как нужные реакции тут же начинали пробираться в мозг.

Тактильное ощущение почему-то до сих пор оставалось очень острым. Настолько, что даже придя домой, выкинуть эти мысли из головы не получилось. Мужчина настойчиво стоял под холодным душем, но это всё никак ему не помогало, сознание же, казалось, запутывалось ещё больше.

Весь день мысли о произошедшем забивались вдаль кучей рутинных дел, а теперь в тишине и спокойствии стали расцветать бурным цветом. Мужское тело с каждой секундой всё больше наливалось свинцом, а в паху всё ещё невыносимо тянуло, несмотря на усталость. Этот чёртов поцелуй, доверчиво распахнутые глаза и смелые ласки не шли у него из головы.

Он уже давно не был подростком и прекрасно считывал реакции своего организма, однако настолько сильно в последнее время его не накрывало, только сейчас вот конкретно вело. *Невыносимая пациентка стояла перед глазами в самом неприличном виде и манила к себе, как чёртова сирена.*

Павел Аркадьевич повторял себе, что она — мажорка с влиятельными родителями, а пальцы в это время сами усиленно обхватывали нуждающийся в ласке член. Он мысленно твердил себе, что Злата — малолетка, но продолжал дронить, как сумасшедший, представляя её с раздвинутыми ногами.

Мужчина боролся с собой, пытался представить перед собой Лену или симпатичную актрису, но всё было без толку, Злата влезала в фантазии как непрошенный гость. *Манила и подавалась, играла и не отпускала.*

Холодные капли стекали по телу, хрипловатые полустоны скатывались с губ, а он всё никак не мог остановиться, чувствуя, как приближается к финалу. Мужчина стиснул зубы, подался вперёд, отчаянно стараясь удержаться от неприличной фантазии, но она оглушила его так резко, как это делает вспышка молнии.

Яркий финал и вовсе едва не сбил с ног. Мужчина слегка покачнулся, но всё-таки удержался: по телу прокатывались волны расслабленной дрожи, а внутри него стучало набатом понимание:

Выписывать её надо срочно, а то неизвестно, чем это может закончиться.

9. Откровения

Их отношения уже давно находились на грани. Однако, если раньше, эта грань казалась невидимой, то сейчас не заметить её мог только слепой. Как-то внезапно изменилось всё.

Взгляды стали дольше, случайные прикосновения — жарче, а в какой-то момент притяжение между ними и вовсе настолько окрепло, что потряхивать от ожидания начало уже обоих. Но каждый из них искал причину в чём-то другом.

Павел Аркадьевич был уверен в том, его просто раздражал её вид и поведение. И ещё карие глаза, смотревшие на него с хитрецей и оттенком нескрываемого превосходства. Да и вообще казалось, что в девушке как-то разом исчезли все намёки на робость и стыдливость. И теперь врач был точно уверен, что с самого начала ошибся в выводах.

Никакая она не тихоня. В этом омуте пляшут такие черты, что другим даже и не снилось.

Нет. Она не соблазняла его как Лена, не лезла со своей назойливостью и, в целом, не мешала работать, однако, несмотря на это, мысли мужчины упорно возвращались именно к ней. Хотя и подливать масла в огонь Злата не забывала.

— Скоро тебя выпишут, — бегло заметил Павел Аркадьевич, записывая что-то на бумаге. — Через неделю, скорее всего.

Он выглядел максимально отстранённым. Говорил сухо и совершенно безэмоционально, на Злату же и вовсе практически и не смотрел, видимо, рассчитывая максимально быстро уйти.

— Доктор, а можно вопрос? — всё же уточнила Злата, сверкая искорками идеи в глазах.

— Можно. — Пренебрежительно ответил мужчина, абсолютно уверенный в том, что сейчас она снова озвучит какой-нибудь бред. — Что-то болит?

— Нет, — пациентка пожала плечами, а потом в излюбленном жесте наклонила голову вбок и прищурилась. — Может хотя бы посмотрите на меня? Я не кусаюсь, доктор.

Павел Аркадьевич выдохнул, раздражённо поднял голову и посмотрел ей в глаза. А Злата только в очередной раз улыбнулась. Просто так, без особой причины. Мужчина в ответ на это закатил глаза. Впрочем, этот обмен жестами стал для них уже своего рода традицией.

— Что за детский сад? — высокомерно поинтересовался Павел Аркадьевич, но взгляд не отвёл. — Или ты думаешь, что мне заняться больше нечем?

Злата покачала головой.

— Не думаю, но вас же всё равно не переубедить, да? — Девушка на минуту задумалась, замолчала, а потом продолжила. — А протяните-ка руку. Не смотрите на меня так, гадать не буду.

Скепсис на лице мужчины говорил сам за себя. Он понимал, что вестись на этот жест не стоит, но всё равно с высокомерным видом протянул ей руку. Но не потому что хотел, а чтоб не думала, что он её боится, или что-то вроде этого.

Пациентка удивлённо кивнула, вытянула свою руку и вдруг... просто сплела его ладонь своей. Павел Аркадьевич, не особо понимая, что происходит, вопросительно приподнял брови вверх, а Злата только чуть сжала мужскую ладонь.

— Восстанавливаю вашу энергию, — не дав врачу снова возмутиться, перебила

пациентка. — Энергообмен: у меня энергии много, а у вас мало. Вот восстанавливаю баланс.

— Скорее, занимаешься ерундой, — саркастично заметил Павел Аркадьевич, собираясь отстраниться от этой ереси, но Злата удержала его рядом.

— Может быть, — девушка не стала спорить, но внезапно прикрыла глаза, как бы пытаясь на что-то настроиться. На минуту пациентка замерла в таком состоянии, выдохнула, а потом внезапно отпустила его ладонь. Тепло прикосновения тут же рассеялось, как дым. — Не задерживаю вас больше, товарищ доктор. Надеюсь, вы всё-таки почувствуете прилив сил.

— Чувствую я пока лишь идиотизм, — Павел Аркадьевич хмыкнул, поднялся на ноги, чтобы уйти. Его тон сквозил иронией, но в его глазах Злата уловила всё-таки кое-что ещё. — Отдыхай, вечером зайду.

— Хорошо, доктор...

Расслабленная, сидевшая на больничной кровати по-турецки, она выглядела привычно довольной и чересчур хитрящей.

Впрочем, мужчина понимал, что весь этот концерт уже постепенно подходит к концу, потому что выписывать девушку он собирался через четыре дня. Её состояние пришло в норму, и смысла держать её здесь больше не было. Всё, что мог Павел Аркадьевич сделать, а остальное уже не в его компетенции.

Её выписка с освобождением мужчины отчаянно близилась. Оставалось три дня. Всего лишь три дня, после которых жизнь Павла Аркадьевича должна была вернуться в нужное русло. Он ждал этого момента с самого первого дня её появления.

А теперь, несмотря на сбывшееся желание, что-то внутри противно вопило. Наверное, поэтому врач даже не разозлился, когда в его ночное дежурство, в ординаторскую тихо зашла Злата. Он просто, словно бы, наконец, нашёл повод для претензии, которым мог задушить противное чувство внутри.

Мужчина устало подумал, что постепенно служебное помещение почему-то превращается в дом свиданий: то Лена придёт, то Злата. Повезло ещё, что никакого из коллег сегодня здесь не было, становится посмешищем в очередной раз не хотелось.

Павел Аркадьевич с усилием выдохнул, собираясь отчитать приставучую пациентку на чём свет стоит, но не успел. Девушка подошла к рабочему столу и, опередив его, просто спросила:

— Будете чай?

Он не любил чай. Совсем. Но почему-то в привычно-равнодушной манере ответил:

— Буду.

Злата кивнула, качнулась на пятках, а потом тихо подошла к небольшому шкафчику, чтобы взять кружки. Включила чайник, тут же почувствовав себя полной дурой. Ситуация в глазах любой здравомыслящего человека сейчас была слишком глупой. И пациентка это знала, но при этом...

Она захотела прийти и пришла.

Они молчали и даже не смотрели друг на друга, пока не закипел чайник.

— Не спится что-то, — непонятно кому пояснила девушка и инстинктивно обняла себя руками, собираясь через пару минут разлить кипяток по кружкам. — Можно я тут немного посижу?

— Посиди, чай только налей уже, — безразлично пояснил Павел Аркадьевич, откидываясь на спинку стула. Пациентка кивнула.

Она спокойно налила им кипяток, достала чайные пакетики и села напротив мужчины, обхватив кружку сразу двумя руками. Если говорить честно, то она ни на что и не рассчитывала, поэтому даже просто находиться рядом с понравившимся врачом в последние здесь дни, было уже немало. Да и он как-то не стремился её выгнать.

— Я так понял, что ты просто не хочешь ехать домой? — прервав затянувшееся молчание, неожиданно спросил Павел Аркадьевич. — Всё настолько плохо?

— Нет, просто снова перейду на домашнее обучение, — поникнув ответила пациентка, устало усмехаясь.

— При твоём диагнозе в этом нет необходимости, — заметил мужчина. — Если будешь вовремя принимать нужные препараты и систематически обследоваться, то сможешь спокойно учиться, работать и всё в таком духе.

Злата улыбнулась и пожала плечами. Всё это она прекрасно знала, но навещавшие её родители свой вердикт объявили довольно чётко: дистанционное обучение и жизнь под постоянным надзором. Они не могли допустить, чтобы с ней что-то произошло.

— Родители не дадут, они даже уже забрали документы из университета, — Злата не хотела жаловаться и ныть, но слова почему-то лились сами собой. А мужчина, вопреки его обычному пренебрежению не перебивал. — Они хорошие, заботятся обо мне. Правда, им со мной совсем не повезло.

Паве Аркадьевич непонимающе прищурился, видимо, ожидая ответа. Девушка выдохнула, минуту подумала и снова заговорила. Только в этот раз голос её звучал намного тише, не напоминая звенящий ручей.

— У меня была старшая сестра: её звали Злата, — начала девушка и прикрыла глаза, окунаясь в тяжёлые воспоминания. — Она сильно болела, и ей требовалась пересадка костного мозга, но, к несчастью, родители нигде не могли найти донора, который мог бы спасти мою сестру. Они надеялись, что, если у них появится другой ребёнок, то он сможет стать донором, но...

— Не вышло, — Павел Аркадьевич не заставил её договаривать и озвучил всё сам. Подобные случаи встречались в его практике часто, и он научился относиться к ним достаточно хладнокровно, но в этот момент девушку ему стало по-настоящему жаль.

— Вот, видите как... А они, несмотря на это меня любят, заботятся, разве я могу их винить? — Тихо добавила Злата и посмотрела на мужчину, словно бы пытаясь отыскать в его глазах какую-то поддержку. — Жить с ребёнком, который не смог спасти того, кого ты так сильно любил смог бы, наверное, не каждый.

— Это просто природа или генетика, так бывает, и здесь никто не виноват. — Ответил Павел Аркадьевич, стараясь удержать на лице привычную невозмутимость. — А игрушка эта от сестры досталась?

— Нет, — Злата опустила голову, понимая, что сейчас дошла до одного из своих самых тяжёлых воспоминаний. — В школе, когда я была на домашнем обучении, ко мне иногда разрешали приходить одной девочке, дочке знакомых моих родителей. Она была замечательной, и мы с ней быстро подружились. Играли, рисовали, делали уроки, ей всегда было дело до того, как я. Знаете, мы даже хотели поступать в один университет.

Девушка горько усмехнулась и до боли закусилась щеку изнутри, чувствуя, как в уголках глаз собираются предательские слёзы. Она же уже научилась говорить об этом почти

равнодушно. Говорить как об истории, произошедшей с кем-то другим, а совсем не с ней, но сейчас почему-то подзабытые эмоции накатывали волной.

— Этого медвежонка она подарила мне этого медвежонка незадолго до смерти, — Злата обняла себя руками, собираясь с силами, но мужчина снова закончил за неё.

— Онкология? — Пациентка кивнула. — *Мне жаль.*

Просто. Почти одно слово без множества добавлений. Но, кажется, по-настоящему искренне. Ведь в его глаза Злата, действительно, увидела неподдельное сожаление. Не давая себе времени подумать, девушка встала со стула, спешно сократила расстояние между ними и осторожно села к мужчине на колени.

Пациентка как-то по-детски обняла его за шею и тут же уткнулась в неё носом. Глупый жест и в их ситуации совершенно недопустимый, но почему-то, находясь в такой позе, ей казалось, что она спряталась от всего мира, где её больше никто не найдёт.

— *Я сейчас уйду,* — пояснила девушка, прижавшись к нему максимально тесно. — *Просто посижу так немного*

Мужчина хмыкнул. В последнее время он слишком часто чувствовал себя психологом. Павел Аркадьевич в очередной раз шумно выдохнул, он был уверен, что очень скоро пожалеет об этом, но в моменте мужчина, действительно, этого хотел.

— На меня посмотри, — попросил Павел Аркадьевич, проводя ладонью по её волосам.

Злата испуганно отстранилась от его шеи и посмотрела в мужские глаза. Особо она ничего не ожидала, разве что думала, что Павел Аркадьевич как любой адекватный человек на его месте её прогонит.

Но вместо этого он просто её поцеловал...

10. Мне нравится

Павел Аркадьевич уже давно не был наивным юнцом и прекрасно понимал, что находится рядом с женщиной, *которую хочешь, но не можешь трахнуть, одна из самых худших в мире идей*. Как себя не убеждай, не приводи разумные аргументы, рано или поздно ты всё равно сорвёшься.

Это тоже самое, что стоять у витрины со сладостями, когда ты на диете.

Нельзя, но хочется же офигеть как...

И мужчина сорвался, чересчур рано, *даже слишком, просто потому что* сидящая на коленях, Злата, словно бы разом выключила в его голове все предохранители и не собиралась включать их обратно. Она настолько горячо и взросло отвечала на его ласки, что по телу мгновенно растекалось болезненное томление.

Девичьи руки отчаянно зарывались в его волосы: трепали, гладили отросшую шевелюру, в то время как он просто внаглую обхватывал пальцами её округлые ягодицы. Сжимал в своих ладонях и вплотную притягивал пациентку к себе, заставляя вжаться в своё тело максимально близко.

А Злата в ответ почему-то не тормозила, не останавливала, только, напротив, подавалась вперёд, позволяя ему делать всё, что хочется. Выгибалась в его руках, совершенно забыв, кто она и где. Насколько мягкая и податливая, что всё внутри Павла Аркадьевича горело от этого ощущения.

И хотя врач искренне пытался прогнать наваждение, пациентка каждый раз возвращала его в приятную реальность, плавными касаниями опускаться всё ниже и ниже. Маленькие ладошки скользили под тканью его водолазки, огибая сначала грудь, а потом и напрягшийся живот.

— Прекрати, — прошипел Павел Аркадьевич, когда губы Златы вдруг ощутимо коснулись шеи. — *Засос хочешь оставить?* Глупо, прям как в дешёвом порноромане.

Последняя фраза прозвучала иронично, но, когда юркие зубки пылко прикусили кожу на шее, стало не до смеха. По телу в который раз прошёл ток, мужчина снова пытался колко её остановить, но Злата, будто бы не слышала его и продолжала играть, как маленькая капризная кошечка, всё больше и больше пробуя границы дозволенного.

Прикусывала и тут же зализывала, кружа язычком по начинающему темнеть местечку, в то время как хрупкие пальчики уже вовсю начинали воевать с пуговицей на его джинсах.

И хотя обычно Павла Аркадьевича *невинные овечки*, откровенно говоря, не привлекали, этой невыносимой пациентке он неожиданно для самого себя разрешал всё, потому что её чёртовы неумелые ласки заводили не хуже отточенных движений *соблазнительницы*.

Насколько, что грудь мужчины просто ходила ходуном от переполняющего его эмоционального напряжения, а сердечный ритм девушки и вовсе превращался в настоящую аритмию.

Их дыхание сбивалось, губы начинали болеть от поцелуев, а осознание запретности происходящего всё ещё отчаянно тарабанило в голову. Здравый смысл внезапно капитулировал, и больше никого из них так и не посетил. *Этим вечером его просто не существовало.*

Остались только они. Вдвоём.

Не дав себе передумать, мужчина резко поднялся на ноги и уверенно подхватил Злату, заставив её оплести его ногами, словно лиану. Он вплотную прижал её к себе, чтобы она не упала. Причём, хватка была такой силы, что глаза девушки от нового притока возбуждения загорели ещё больше.

Действительно, упасть в его руках она совсем не боялась, почему-то подсознательно зная, что он удержит, только вот при виде такого исходящего от него огня, у неё подгибались даже пальчики на ногах.

В несколько шагов врач приблизился к двери и почти вслепую закрыл небольшое помещение от посторонних глаз. Правда, после этого рационального действия остатки благоразумия исчезли напрочь.

Дойти до маленького диванчика оказалось тяжело, а вот опуститься на него вместе с вожделенной ношей легче лёгкого. Мужчина наскоро удобно расположил девушка на себе и посмотрел в глаза, которые заволкло туманом возбуждения. *Такие красивые и такие офигенно глубокие, как зыбучие пески, утягивающие вниз.*

— Можно? — прикусив губу, спросила она, потянув молнию на его штанах вниз.

Покрасневшая, с растрёпанными волосами и с бесстыдством во взгляде, она тянула его к себе, как магнит. Даже при желании Павел Аркадьевич не смог бы ей ничего запретить. Всё и так было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Разве похоже, что я тебе что-то запрещаю? — Привычная насмешка, презрительный взгляд и только сбитое дыхание предательски выдаёт напряжение её всегда равнодушного врача. — *Экспериментируй...*

Злата на секунду усмехнулась, а потом прижалась своим лбом к мужскому лбу. Её сердце колотилось, как безумное, но кажется именно в этот момент она была по-настоящему счастлива. Как никто и никогда.

Пробежавшись по ткани боксёр, ловкие пальцы скользнули под резинку, и от желанного касания в голове прострелило у обоих. Неопытная она обхватывала не так, как нужно, ласкала слишком медленно, но, вопреки всему этому, мужчине было настолько хорошо, что приглушённые стоны сдержать не получилось.

Он подавался на встречу её руке, как перевозбуждённый подросток, сжимал русые волосы и шептал что-то совсем неразборчивое, находясь на грани. Слишком давно у него никого не было. Слишком давно он её хотел.

Ничего не умея, сейчас она давала ему несравненно больше, чем кто-либо ещё. Мужчина не хотел признаваться себе, но уже прекрасно понимал: *не избавиться ему от этой девочки. Не избавиться. В голове она уже. И давно. Просто так не вытуришь.*

Какая-то совсем нереальная, пытающаяся угадать каждое желание, ускоряющая темп с каждой секундой и по-настоящему кайфующая от его взгляда и прикосновений. Кажется, продержаться ему удалось совсем немного: волна оргазма резко накатила удушливой волной. Павел Аркадьевич пытался продержаться дольше, но не вышло, где-то в голове было слишком хорошо, поэтому и тело тут же выключилось следом.

Пару минут ему понадобилось на то, чтобы прийти в себя и сфокусироваться взглядом на возмутительнице спокойствия. *Смущённая, но такая красивая.* Не раздумывая, Павел Аркадьевич коснулся обхватил её затылок рукой и притянул к себе, чтобы снова поцеловать.

— Мне так хорошо, — шепчет на выдохе Злата, после того, как губы окончательно начинает саднить от поцелуев. — Слишком...

Мужчина усмехнулся.

— Разведи ноги пошире, — внезапно твёрдо попросил он, не отводя от девушки пристального взгляда. — Давай, проблема, теперь твоя очередь летать.

Злата опустила голову и сделала так, как он просил, без страха и сомнений. В этот момент казалось, что в неё, будто бы была встроена программа какого-то слепого к нему доверия. *Она подалась вперёд, позволяя его рукам касаться её там, где никому раньше не было позволено. Раз за разом ровно до того момента, когда весь остальной мир в её глазах и вспыхнул ярким цветом.*

В эту ночь все условности перестали иметь значение. *И пусть интимной близости, как таковой и не произошло, между ними, словно бы, наконец, образовалось что-то несравненно большее.*

Ещё полчаса они фактически не меняли позы: Злата сидела на мужских бёдрах и крепко обнимала, прижимаясь к нему своим худощавым телом. Они, кажется, говорили о какой-то ерунде: фильмах или обитателях больницы. Павел Аркадьевич поглаживал её спину, а она тихо смеялась ему в плечо.

Но наступило время, когда пора было возвращаться в палату. Резко и совершенно невовремя. Злата поправила одежду и выскользнула за дверь, не забыв напоследок улыбнуться усталому мужчине.

— *Зайдёшь утром?* — тихо спросила она, перед тем, как уйти, с каким-то щемящим волнением в глазах.

— *Конечно, я же твой врач.* — Язвительно заметил Павел Аркадьевич, скрещивая руки на груди.

— *Красиво звучит... Мой... врач. Мне нравится,* — и снова знакомая улыбка и блеск в карих глазах.

Однако, когда утром мужчина в приподнятом настроении вошёл в палату, ни Златы, ни её вещей уже не было. Пациентка внезапно исчезла. Нигде не было даже намёка на её присутствие. И, вопреки своим же прошлым рассуждениям, это осознание больно сдавило что-то тёплое, едва-едва начинающее пробиваться внутри.

11. Ты нашёл меня?

По идее Павлу Аркадьевичу бы радоваться: всё вышло именно так, как изначально и планировалось. Златы в больнице больше рядом уже не было, его больше никто не доставал, однако почему-то настроение всё равно оставалось на нуле. На душе было паршиво, а в голове — мутно.

И мужчина был бы полным дураком, если бы не признал, что вызвано это всё отсутствием одной маленькой занозы. За прошедший месяц он как-то незаметно и чересчур сильно прикипел к ней и теперь пожимал плоды ненужной привязанности. *А она просто ушла...* Спокойно так и не попрощавшись.

Подписала расписку и свалила ранним утром после офигенной ночи. Казалось бы, ничего такого, но где-то внутри от такого поступка всё ещё неприятно кололо. Да у неё, действительно, были все основания для того, чтобы уйти. Только вот беда в том, что Павел Аркадьевич подсознательно хотел, чтобы она осталась.

Он понимал, что, вероятнее всего, просто напугал Злату своим напором. Нужно было сдержаться, отправить её в палату, но мужчина не смог: им было слишком хорошо в тот момент, чтобы задумываться о чём-то другом.

Это его, конечно, не оправдывало, но хотя бы немного списывало недавнее поведение на состояние аффекта.

Но всё же где-то в глубине души врачу не верилось в то, что Злата поступила так сама. Такое поведение было как-то совсем не в её стиле.

Впрочем, с другой стороны, дороги врача и пациентки с самого начала не пересекались, а все их взаимоотношения, должно быть, больше походили на блажь молоденькой мажорки. Так что, возможно, внезапное исчезновение Златы было даже к лучшему.

Только вот, несмотря на этот вывод, мужчина то и дело, проходя мимо примелькавшейся палаты, останавливался напротив. Глупо, но слишком часто, неделю за неделей, пока это окончательно не начало раздражать его самого. *** Спустя две недели картина не улучшилась. Даже коллеги отметили, что и без того несильно разговорчивый и равнодушный Павел Аркадьевич, стал ещё более угрюмым. Подкаты медсестёр он и раньше сливал в довольно грубой форме, а сейчас и вовсе перестал выбирать выражения.

Попытки с ним сблизиться мужчина ловко игнорировал. Лену же, кажется, окончательно добавил "в чёрный список" и теперь в открытую не скрывал своего пренебрежения.

Естественно, такое поведение только добавило лишних поводов для сплетен среди персонала. Впрочем, Павла Аркадьевича это несильно интересовало, куда важнее для него было другое. *Очевидный, но неприятный факт.*

Как любой умный человек он не мог не понимать, куда именно его тянет. *Вернее, к кому.* Глупо и нерационально, но при этом неумолимо сильно. Так будто бы кто-то в один момент обвязал его невидимыми супер-прочными верёвками и теперь с недюжинной силой тянул к себе.

Конечно, всё это время мужчина пытался убедить себя в том, что все эти мысли и эмоции — это лишь беспокойство врача о состоянии пациентки. Однако даже в собственных глазах эта мантра постепенно начинала казаться всё более и более жалкой.

Это был просто очередной самообман, в который ему хотелось верить. Не беспокоился

же мужчина так обо всех своих пациентах, значит, дело было конкретно в Злате.

К тому же Павел Аркадьевич сам ощущал, что по отношению к ней все его эмоции сплетаются в огромный пёстрый клубок: *симпатия, желание, жалость, злорада, обида и что-то ещё такое непонятно бурлящее и царапающее всё внутри.*

Незаметно весь этот "коктейль" заставил мужчину победить собственное высокомерие и решиться на нетипичный шаг. Когда он окончательно понял, что, вопреки его тайным желаниям, Злата не объявится, Павел Аркадьевич начал искать её сам.

Врач начал с самого простого и вбил фамилию пациентки в поисковую строку. Не особо на что-то рассчитывая, Павел Аркадьевич неожиданно нашёл именно то, что хотел. Нужную страницу "вконтакте": открытую, с фотографией Златы в профиле и указанным номером телефона.

Мужчина сомневался, что номер телефона действителен, однако всё же решил попробовать позвонить в свой небольшой перерыв. Гудки шли, только вот трубку никто не брал. Пожав плечами, Павел Аркадьевич собирался сбросить звонок, но неожиданно ему ответил знакомый мелодичный голос.

— Алло, — тихо и как-то совсем неуверенно.

— Привет, — грубоватым голосом поздоровался мужчина и тут же услышал облегчённый женский вздох. На минуту ему даже показалось, что Злата на другом конце провода застыла в позе испуганной мыши. — Я хотел уточнить кое-что по поводу твоего состояния...

Договорить нелепую отмазку девушка не дала, отчаянно перебивая и пытаясь поверить в происходящее.

— *Ты нашёл меня?* — удивлённый и дрожащий женский голос звучал совсем как ручей, ласкающий уши. Правда, несмотря на это мелодичное звучание, тема вопроса Павлу Аркадьевичу не очень нравилась. Злата считала это и не стала продолжать озвучивать то, что было и так понятно. Мучить мужчину не хотелось. — *А я уже и надеяться перестала... Как ты?*

— Неплохо, занимаюсь безответственными пациентками, — отшутился врач, откидываясь на спинку кресла и прикрывая глаза.

Он не собирался напоминать ей об уходе, но обида один фиг вылезала сама собой. Странно, обычно мужчина такой ерундой не страдал, а тут всё просто выливалось изнутри.

— *Не ворчи,* — попросила Злата, и Павел Аркадьевич был уверен, что она стопроцентно закатила глаза. — *У нас совсем немного времени, не хочу тратить его на споры. Глупо прозвучит, но я хочу просто тебя слушать.*

— Говоришь так, как будто тебя держат в плену, — подозрительно заметил мужчина. Он знал, что родители у неё чудные, но всё же надеялся, что границы здравого смысла они не переходят. — *Всё настолько плохо?*

Вопрос повис в воздухе. Злата не хотела врать, но и сказать правду тоже не могла. Она сжала ладони, выдохнула и выпалила раньше, чем успела подумать.

— *Нет, я просто я соскучилась по тебе.*

Мужчина мягко рассмеялся в ответ на эту реплику. Съезжать с темы Злата явно умела красиво, однако это не отменяло того, что её слова прозвучали, действительно, искренне.

— *А я без тебя, наконец, вздохнул спокойно,* — возвращая себе привычную холодность в голосе, отозвался мужчина.

Теперь настала очередь бывшей пациентки включать едкую усмешку. И хотя его слегка

высокомерная манера Злату подбешивала, девушка чувствовала, что всё это какое-то напускное и ненастоящее. Да и осознание того, что она ему небезразлично приятно грело что-то где-то внутри грудной клетки.

— Именно поэтому ты мне звонишь, да? — с ироничной усмешкой на губах уточнила девушка.

— *Именно поэтому.*

Оба понимали, что несут откровенный бред, но прерывать этот глупый диалог не хотелось. Им было хорошо впервые за несколько недель: спокойно и тепло. Правда, никто из них тогда так и не смог признаться себе в этом полностью.

Каждый из них лишь искал в своей голове какие-то глуповатые отговорки.

Хотя, конечно, и он, и она хотели поговорить о том, что произошло, а лучше повторить и углубить. Однако Злата понимала, что сейчас не время, и ей нужно следить за каждым произнесённым словом, чтобы не сделать ему хуже.

Слишком много было того, что снова могло всё испортить. Как в то безмятежное утро, которое могло бы стать одним из лучших в её жизни.

— *Мне уже нужно идти...* — неожиданно торопливо заметила девушка, и по её голосу врач понял, что она сникла. Нетрудно было догадаться, что виной всему был какой-то внешний раздражитель. — Спасибо, что... позвонил. *Если ты вдруг захочешь, то...*

— Завтра в тоже время или чуть раньше, — понятливо договорил за неё Павел Аркадьевич. — Я подумаю.

— *Я буду ждать,* — не строя из себя снежную королеву, призналась Злата. — Хорошего дня...

Врач хотел ответить ей что-то в ответ, но не успел — девушка торопливо отключилась.

12. Тишина не может длиться вечно

Их телефонные разговоры в какой-то момент стали для девушки необходимостью.

Недолгие, сбивчивые они заставляли улыбаться и попутно освещали самые тусклые дни. Внимание Павла Аркадьевича грело, словно лучики летнего солнышка, а его голос постоянно возвращал в совместные воспоминания. Туда, где было хорошо. *Даже слишком хорошо, чтобы быть правдой.*

— Ты в курсе, что отвечаешь на звонок со скоростью черепашки? — Привычно проворчал врач, когда она после нескольких звонков она, наконец, взяла трубку.

— А ты в курсе, что ворчишь, как столетний дед? — Цокнула языком Злата, едва сдерживая улыбку. Она знала, как сильно этот жест его раздражает, но ничего не могла сделать со своим детским желанием его побесить. — Прямо также занудно и устало. Совсем достали подопечные? *Давай признавайся, кто сегодня: дети, молодые студентки или отчаянные соблазнительницы?*

Павел Аркадьевич усмехнулся и опустился на небольшой диванчик. Он, действительно, безумно устал от бешеного ритма сегодняшнего дня, но не обменяться колкостями со Златой просто не мог. Это стало своего рода их маленькой традицией.

— Сегодня по плану: пенсионерки с мочекаменной болезнью и больным сердцем, — ответил мужчина, не желая вдаваться в подробности. Суть верная, а детали всего лишь детали. — Тебя думаю можно не спрашивать про распорядок дня, принцесса в башне?

— Ох, вы, как всегда проницательны, Павел Аркадьевич, — не скрывая иронии в голосе, подметила Злата. — Только ваше внимание и спасает от одиночества.

Девушка проговорила это шутливым тоном, пытаясь сразу перевести всё в шутку. Хотя, на самом деле, сказанное было чистой правдой. Только её личный врач и интересовался её самочувствием, спасая от бесконечного одиночества. С ним было тепло и уютно, несмотря на его бесконечное ворчание и высокомерные замечания.

— *Хм, а как же юные университетские поклонники?* — язвительная ремарка мужчины снова заставила улыбку проступить на лице.

Девушка по-детски закусилась щеку изнутри, стараясь сдержать собственные внезапно нахлынувшие эмоции. Ведь, несмотря на привычный высокомерный и пренебрежительный тон мужчины, Злата уловила в этом вопросе *нечто большее*, чем простое любопытство.

— Ревнуете? — Хитринка в женской интонации, блеск в глазах и лёгкая нервозность в движениях. Мужчина, конечно, этого не видел, зато представил труда не составило. За последний месяц он уже успел изучить её самые яркие реакции.

— У меня нет на это времени, и я уже не в том возрасте, — отмахнулся Павел Аркадьевич. Признать её правоту было бы равносильно самому серьёзному удару по самолюбию. — Так что я просто систематизирую факты.

— Я так и поняла, — наигранно мило согласилась Злата. — Ну, если информация вам нужна только для систематизации фактов, то зафиксируйте: поклонники отсутствуют, но есть на горизонте один симпатичный врач. *Правда, такой вредный, что даже бабки в поликлинике нервно курят в сторонке.*

Павел Аркадьевич обессиленно улыбнулся, сил противиться этой непосредственной чуши просто не было. Хотя в нём и чередовался смех вместе с безграничным желанием спать. Постепенно последнее накрывало, но он всё ещё продолжал отчаянно цепляться

сознанием за мелодичный голос Златы.

Так глупо. Без причин.

Её просто хотелось слушать и, несмотря на усталость, бросить трубку почему-то никак не поднималась рука.

— Может быть и так, — не стал спорить Павел Аркадьевич. — Но, знаешь, была у меня тут недавно одна пациентка. *Трусливая как заяц, вдобавок ещё и порядочная лгунья.*

Догадаться в чей огород полетел камень было несложно. Злата неосознанно прикусила губу, прекрасно понимая, что земля под её ногами начинает шататься. Было глупо надеяться, что эта тема никогда не всплывёт, мужчина и так продержался поразительно долго, не напоминая о её косяке.

— И что врала про свои болезни? — уточнила девушка.

— И про болезни, и про поклонников, — совершенно серьёзно произнёс Павел Аркадьевич без тени сарказма или иронии. Ему достаточно было вспомнить хотя бы нескольких ребят, которые пытались пробраться через него к Злате, чтобы сделать неутешительный вывод. — Но я её мало того, что простил, так ещё и фактически спас.

Конечно, не упомянуть свою святейшую роль Павел Аркадьевич просто не мог. Впрочем, Злату это никак не удивило. Девушка уже давно научилась читать между строк и прекрасно понимала, *какая именно обида* сейчас гложет мужчину. Невысказанная, но такая отчётливая. Однако одно её наличие по-настоящему согревало.

— Да вы просто ангел, — Злата хмыкнула, раздумывая, как бы спросить напрямую. Минуту металась. Выдохнула, словно спортсмен перед прыжком, и бросилась в омут. — И что же? Она никак вас не отблагодарила?

Девушка старалась казаться уверенной, но голос предательски замирал, а Павел Аркадьевич ничуть не помогал, а, словно нарочно, испытывал её терпения и силу воли.

— Ну, почему же? — Риторический вопрос, долгая заминка и вид искреннего размышления. — Отблагодарила, а потом ушла, — новая пауза и поразительно точный акцент, — *не попрощавшись.*

Злата опустила голову и замолчала, не зная, что сказать в ответ. Девушка подтянула колени к груди, обнимая их рукой и надеясь, что спасительные слова придут в голову сами собой. *Но они всё не шли.* Конечно, она знала, что эта тема неизбежна, поэтому каждый вечер перед сном прокручивала в голове возможные фразы. Жаль только, что все эти попытки оказались абсолютно бесплодны. И теперь со стороны девушка была похожа на выброшенную на берег рыбу.

— А вы ждали, что она останется?

Минутная пауза показалась затаившей дыхание Злате невыносимой вечностью.

— *Ждал.* — Уверенно и просто ответил мужчина. Быстро настолько, что девушка подумала, что это лишь её слуховая галлюцинация. — Разумеется, чтобы только проверить состояние её здоровье.

Разумеется, мужчина не был бы собой, если бы не попытался сгладить собственные эмоции. Впрочем, всё, что нужно, Злата успела понять и не нуждалась в повторениях.

Привычно сдержанный Павел Аркадьевич и так сделал для неё поразительно много. И от каждого его такого действия и внимания огонёк в груди разгорался всё сильнее. Мучить его ещё больше не хотелось, хотя от небольшой колкости Злата всё-таки не удержалась.

— А вы за каждого пациента так беспокоитесь?

— За каждого, они — моя ответственность, а иначе никак.

— Тогда вы очень хороший врач.

Короткий вывод и такой же короткий ответ.

— А вы не очень хорошая пациентка.

Они замолчали, видимо, не понимая, что ещё нужно сказать. Злата прижала телефон к уху, закрыла глаза, набираясь смелости и всё же решилась произнести то, что давно хотела.

— Прости за то утро, — тихо на грани слуха, и так непохоже на всегда бойкую и решительную Злату. — Мне нужно было уйти, я не могу сказать причину, не сейчас. Но... если бы я могла, я бы осталась, потому что ни о чём не жалею.

— Знаю. — Спокойно ответил мужчина. В целом, он с самого начала не сомневался в том, что она ушла не сама, но всё же волна облегчения позорно пробежала по телу.

— Не слишком самоуверенно? — Добавила Злата, пытаясь свернуть на привычную дорожку мягкого юмора.

— Слишком, — согласился Павел Аркадьевич. — Зато правда.

— Правда, — подтвердила бывшая пациентка, решаясь на новый крохотный шагок в его сторону. — А ещё я очень соскучилась. Глупо звучит, да?

— Глупо, — высокомерно заметил врач, хотя сам еле удержался от улыбки. Он тоже хотел её увидеть и спорить с этим желанием было бессмысленно. — Правда, меня это сильно не бесит.

Злата рассмеялась, чувствуя, как внутри с ускоренной силой начинает биться сердце. Тот самый Павел Аркадьевич, который в первую неделю смотрел на неё как на враг народа, сейчас фактически говорил ей о том, что она ему нравится? Одно это осознание заставляло её теряться как маленькую школьницу.

— Звучит почти мило, — шепнула Злата в трубку, невыносимо жалея о том, что уже нужно было уходить. — Мне пора. Доброй ночи, хорошего дежурства вроде не желают, да?

— Не желают. Но посыл понятен, — усмехнулся Павел Аркадьевич. — Позвоню завтра. Доброй ночи, принцесса в башне.

Он отключился, расслабленно укладываясь на диван и закрывая глаза. Ему было иррационально хорошо, спокойно и уютно, и хотелось, как можно дольше продлить эти давно забытые ощущения.

Только вот больше поговорить со Златой мужчина так и не смог. Ни через день, ни через два, ни через неделю. Телефон не отвечал, а страница в социальных сетях была удалена.

Девчонка как будто исчезла и осталась только в его воспоминаниях.

13. Простите, что не справилась

Возвращаться домой после лечения было невыносимо тяжело. Настолько, что фактически каждый шаг давался девушке с огромным трудом, представляясь падением в пропасть. Таким же вынужденным и таким же отчаянным.

И хотя Злата знала, что рано или поздно ей пришлось бы вернуться домой, в моменте она оказалась до дрожи в коленках к этому не готова. Совсем неудивительно. *Привыкший к ласковому солнцу всегда поразительно быстро замерзает на севере.*

Впрочем, родители *так радовались* её возвращению, что даже взяли отгулы на работе, чтобы провести время с дочерью. Такая забота должна была бы тронуть, но Злата уже давно не страдала наивностью и прекрасно понимала: это лишь попытка подсластить пилюлю.

Ожидаемый гром разразился за ужином, когда они сидели за семейным столом, стараясь поддерживать обстановку семейного вечера.

Родители шутили, не забывая многозначительно смотреть друг на друга и делать какие-то только им понятные знаки. Жаль только, что в этой конспирации не было смысла, потому что Злата уже давно вела свой личный обратный отсчёт.

Пять. Четыре. Три. Два. Один.

— Мы очень за тебя испугались, — торопливо начала мама и сильнее сжала вилку в ладони, как бы ища точку опоры. — И... ты можешь злиться, не соглашаться с нами, но все принятые меры необходимы для твоей безопасности. Ты переходишь на домашнее обучение, с университетом мы вопрос решили.

Злата тоскливо улыбнулась, стараясь не заплакать. Она знала, что всё будет именно так, но до последнего надеялась на чудо, которого в очередной раз не случилось. Кажется, давно было пора перестать в него верить.

— Мама, то, что произошло... было случайностью и не повторится, не нужно домашнего обучения, я в состоянии...

Договорить девушка не успела: мать выразительно стукнула кулаком по столу, прерывая её на полуслове. Лицо женщины поразительно покраснело, а глаза тут же наполнились ещё более воинствующим настроением. Злата видела, как сильно трясёт мать, и понимала, что у него просто нет ни единого шанса её отговорить.

— Ты о нас с отцом подумала? Что будет с нами, если с тобой что-то случится? — Женщина встала, оперлась руками о стол и подалась вперёд, возвышаясь над потерявшей даже надежду Златой. — Мы уже хоронили одного ребёнка, ты хочешь заставить нас снова через это пройти?

— Нет, — девушка зажмурилась, сжалась, пытаясь подобрать нужные слова, но после последней брошенной матерью фразы всё казалось неуместным и лишним. Хотелось и смеяться, и плакать, и кричать. Она покосилась на отца, но тот смотрел на неё ровно таким же осуждающим взглядом. — Но запирать меня дома не выход, даже тут может что-то произойти.

— Хватит переводить стрелки! Дома ты под ежечасной охраной и *нам с папой* так намного спокойнее. Не нужно драматизировать, ты ведь уже была на домашнем обучении. В этом нет ничего...

— *Я девять лет училась так и не хочу больше!* — Крик, бессмысленный, но такой искренний. Как и уставшие глаза с застывшими в них слезами. — Мама, я не могу! Я не хочу

жить в клетке. Я хочу жить, как нормальный человек: в конце концов, жить, радоваться, учиться! Со мной больше ничего не случится, не нужно постоянно переживать и генерировать негативные сценарии!

— Мы отпустили тебя, и что произошло? Еле откачали, и я не собираюсь больше ничего слушать! — Мать смотрела на Злату как на врага и не желала ничего слушать. Её трясло, тело ходило ходуном, а лицо всё продолжало затягиваться багровыми пятнами. — Иди к себе. Когда успокоишься, поймёшь, что мы правы! До этого времени я не собираюсь с тобой разговаривать.

Злата горько усмехнулась и, глотая обиду, в ту же секунду встала из-под стола, правда, напоследок не забыла посмотреть на своих родителей. Однако, на удивление, в этом взгляде больше не было ни злости, ни обиды только бесконечная усталость и разочарование.

Не хотелось больше ничего, но, как оказалось, это было лишь начало её очередного личного витка ада.

Дни до первого звонка Павла Аркадьевича потянулись бесконечной серой чередой: тупо и бессмысленно. Настолько, что оставляя свой номер на странице социальной сети, Злата ни на что всерьёз не рассчитывала. Огонёк веры в ней просто затух и не желал разгораться вновь.

Впрочем, после её поступка надежды на то, что мужчина забудет об обиде и сделает первый шаг, фактически не было. С другой стороны, поступить иначе она просто не могла, ведь радость после их близости в тот вечер была совсем недолгой, а слова навязчивой медсестры оказались слишком доходчивыми.

В ту ночь она пришла к ней в палату и нагло потребовала оставить Павла Аркадьевича в покое. Естественно Злата рассмеялась, однако, когда Лена показала их совместное с мужчиной фото в ординаторской, ей резко стало не до смеха. Сдержаться и не выдать своего страха тогда оказалось невыносимо тяжело.

— Ты хочешь, чтобы я уехала из больницы? — холодно спросила Злата, скрестив руки на груди. — Допустим. Правда, тебе это в попытках его очаровать несильно поможет.

— До твоего появления здесь у нас всё было хорошо, мы собирались пожениться, так что как только ты свалишь, всё действительно наладиться, — не без злорадства заметила Лена.

На эту реплику Злата только закатила глаза.

— Не носи чушь. Павел Аркадьевич и свадьба, я скорее поверю, что завтра конец света, — иронично заметила девушка, мысленно призывая все свои силы. Держаться так нахально, когда внутри бешено колотилось сердце, стоило ей больших трудов. Страх и переживания за любимившего врача потихоньку начинали сводить с ума. — Фотки, правда, сделала хорошие, тут не спорю. Хотя в них не было необходимости, я всё равно завтра собиралась сваливать. Зря трудилась.

— Думаешь, я поверю в этот бред? — Медсестра насупилась, но во взгляде всё-таки проступило сомнение. — Ты как клеишь к нему прицепилась, но ничего я отцеплю. Если не свалишь, покажу это твоим предкам, и плохо резко станет всем.

— Топорно и глупо, потому что, если бы ты любила его так, как кричишь, то никогда бы не смогла причинить ему вред, несмотря на все его прегрешения, — Злата склонила голову набок и внимательно посмотрела в глаза Лены, отчаянно пытаясь что-то в них увидеть. — В тебе же только желание обладать не более того. Его ты не стоишь.

Выдержатъ этотъ диалогъ тогда оказалось не просто. Однако дать понять Лене, что в еѣ рукахъ находится настоящій рычагъ власти было равносильно самоубийству. Злата смогла сделать равнодушный видъ и убедить еѣ в нелепости собственныхъ угрозъ, но уехать, несмотря на это, всё-таки пришлось.

Рисковать Павломъ Аркадьевичемъ девушка бы ни за что ни стала. Ведь в отличие от Лены она, действительно, им дорожила.

А онъ, кажется, почувствовалъ это и сделалъ первый шагъ, позволяя ей увидеть немного больше, чемъ другимъ. Наверное, потому что тоже чувствовалъ ихъ какое-то нереальное притяжение на духовномъ уровне. Такое, что постепенно даже ихъ телефонные разговоры превратились в необходимость. *Его голосъ и внимание* позволяли окончательно не сойти с ума.

От родителей получить это было нереально, а вотъ Павелъ Аркадьевичъ давалъ ей всё это в такомъ количестве, что становилось страшно. Она любила слушать его, садится на подоконникъ и смотреть в окно. В такие моменты ей становилось по-настоящему тепло и больше ничего не хотелось.

Однако и это в тюрьме оказалось неслыханной роскошью. Злата поняла это, какъ только увидела, что еѣ телефона в комнатѣ больше нетъ, а на полкахъ появились лишь новые фотографии сестры в рамкахъ.

Они и такъ всегда украшали еѣ комнату, только вотъ сейчасъ ихъ стало ещё больше. Изъ каждого угла комнаты на неѣ смотрела улыбающаяся девушка, которую она не смогла спасти. Красивая, счастливая, та, что заслужила жить в отличие отъ неѣ.

С детства Злата росла в окружении этихъ фотографии, которые напоминали о невыносимомъ чувстве вины, ломавшемъ спину. Родители всегда с такой любовью говорили о еѣ сестре, что невозможно было этого не заметить и не узнать. Они фактически жили ей, продолжая каждый день вспоминать любимые вещи, игрушки и увлечения.

Носить имя умершей и еѣ вещи для Златы с самого детства стало нормой, также какъ и видеть галерею из сотни снимковъ в каждомъ уголке дома. Сейчасъ на столе девушки стояла та самая фотография, которая каждый разъ душила еѣ, заставляя чувствовать себя убийцей.

Последний снимокъ сестры в больницѣ. Измученная, бледная девушка с красными глазами и белымъ платкомъ на головѣ, похожая на скелет.

— Значит, всё узнали... — усмехнулась Злата, опуская взглядъ в пол. — Зря я родилась сестра, да? Зря... Ни смысла, ни боли... Ничего. Всё зря...

Дождаться родителей ни в этотъ вечеръ, ни в следующие такъ и не получилось. Злата не выходила из зала целыми днями, надеясь застать ихъ и поговорить. Не потому что хотела этого, а потому что боялась за своего врача, прекрасно понимая, что они могутъ с нимъ сделать. Однако и этимъ вечеромъ домой никто такъ и не пришѣлъ. Привычный молчаливый игноръ, знакомый с детства. *Каждый разъ один и тот же ритуалъ, когда она делала что-то не такъ.*

Нахамила гостю, сказала, что хочетъ в обычную школу, подружилась с дочерью друзей отца.

Сестра сделала бы всё лучше. Она бы справилась, никого не огорчив, если бы выжила. Если бы Злата оказалась подходящимъ доноромъ. Если бы случилось то, чего не произошло.

Удушливая волна тоски окончательно погребла Злату под собой.

В доме уже не горелъ светъ, и темнота, какъ никогда, лучше укрепляла невесѣлые мысли.

Злата устало поднялась с дивана, растерянно смотря по сторонам. Было пусто и было страшно.

Охрана ждала за дверью, не давая даже малейшего шанса выйти. Впрочем, девушка больше этого и не хотела. *В один момент руки просто опустились.*

Она просто тихо поднялась по лестнице и зашла в ванну. Посмотрела в зеркало и улыбнулась своему отражению. *Всё закончилось, пришло время прощаться.*

Девушка осмотрелась вокруг, спокойно набрала ванну и вытащила давно припрятанное тоненькое лезвие. Колебаний не было, сомнений тоже. Провести лезвием по венам на руках оказалось поразительно легко.

Даже вид крови её совсем не испугал, напротив, вселил какое-то облегчение. Злата выдохнула и тихо забралась в наполненную ванну. *Хладнокровно. Как робот.* В душе было пусто, а перед глазами стояла последняя фотография сестры.

— Простите меня... — шепнула она в пустоту и закрыла глаза, чувствуя как подкатывает сон. Вода уже полностью окрасилась в красный цвет. — *Простите, что не справилась...*

14. Дальше разберёмся

Павел Аркадьевич никогда не любил ночные дежурства. В принципе как и любой нормальный врач.

Куча внезапных больных, вопящие в приёмном покое люди, нависшая атмосфера паники и полнейшего хаоса. Бесконечные истерики родственников, к которым Павел Аркадьевич хоть и привык за годы работы в больнице, но всё-таки по возможности предпочитал их не видеть.

Сегодня была не его очередь дежурить, но он, вопреки логике, почему-то решил остаться. Видимо, всё-таки поддавшись назойливой просьбе коллеги. Как оказалось, не зря, потому что именно этой ночью к нему привезли ту пациентку, которую он ждал особенно сильно.

Однако не в таком состоянии.

Павел Аркадьевич едва не пошатнулся на ногах, когда увидел, как бледную насмерть Злату с перебинтованными кое-как руками везли на каталке. В один момент в его голове всё спуталось, а противный холод всё же пробежал по спине. Фактически не анализируя, он оттеснил неведомо откуда взявшегося коллегу, крикнув что-то вроде привычного:

— Я возьму!

Холодный ум врача понимал, что помочь Злате необходимо в рекордные сроки, иначе трагические последствия, тень которых уже начинала пролегать на лице, девушку окончательно добьют. Она явно потеряла слишком много крови, и сердце билось фактически кое-как. Нужно было реанимировать и запустить. *Снова.*

— Я тебя и с того света вытащу, идиотка, — злобно шепнул он, смотря на не приходящую в сознание девушку. Двери операционной были уже совсем близко. — Реанимирую и заставлю в глаза посмотреть!

Злата приходила в себя медленно. *Слишком медленно.* Настолько, что даже хладнокровного Павла Аркадьевича постепенно начинало сковывать напряжение.

Он старался не показывать своего волнения, держаться максимально спокойно, но всё внутри один фиг все равно отчаянно клокотало от одной только мысли о возможных последствиях. Мужчина не был дураком и прекрасно понимал, *что сейчас в принципе могло и ещё может случиться.* Впрочем, размышления об этом приносили больше вреда, чем пользы.

Паниковать Павел Аркадьевич не хотел, поэтому просто отчаянно ждал конца своего дежурства, чтобы вернуться в палату девушки и убедиться, что с ней в порядке. Ему было не в чем себя упрекнуть как хирургу, но как человеку... *Вопросов к своей совести было много.*

Сейчас смотря на измученную Злату, Павел Аркадьевич искренне понимал, насколько сильно ошибался, считая её избалованной мажоркой. *Кого угодно он мог считать таковой, но только не Злату.* По крайней мере теперь. Ведь только дурак бы не сложил два плюс два.

Злата просто оказалась маленьким, никому не нужным и выброшенным ребёнком. С ней не считались и, похоже, на постоянной основе игнорировали, поэтому оставшись в изоляции в очередной раз, её нервы не выдержали и... *Случилось то, что случилось.*

Мужчина устало выдохнул. Выводы обо всём ему пришлось делать самому. Домработница, вызвавшая скорую, так толком ничего ему и не объяснила. Сказала, что

просто нашла её в ванной в таком состоянии и всё. Ни сколько она там пролежала, ни почему. Ответов не было, а Злата в себя так и не приходила, добавляя Павлу Аркадьевичу седых волос.

Дурочка. Порезы такие глубокие сделала, что почти шансов себе не оставила. Если бы он не поменялся дежурством с криворуким коллегой, взятым в клинику по блату... Страшно представить, что могло бы произойти.

Мужчина сидел напротив Златиной койки, пытаясь осмыслить всё и прийти в норму. Он устало опустил плечи, потёр переносицу, кожей почувствовал, как по телу пробежали очередные волны дрожи. *Та всё ещё его не отпускала.*

— Мхмхм...

Невнятное бормотание заставило приподняться и взглянуться в начинающую просыпаться Злату. Заметив нужные реакции, Павел Аркадьевич вздохнул с облегчением, ощутив, как внутри что-то постепенно отлегло

Приходила она в себя долго: взгляд всё никак не фокусировался, а о речи вообще говорить было сложно. Первые десять минут девушка фактически мычала, не в состоянии выговорить хотя бы слово, потом понемногу начала сбивчиво говорить по слогам хоть и заплетающимся языком.

— Видишь меня? — снова спросил врач, вглядываясь в лицо пациентки. Он раз за разом искал осмысленность во взгляде, только вот находил её там фактически по крупинкам.

Павел Аркадьевич просто не знал, что ему делать в этот момент. Хотелось и сжать её руку, и просто прибить.

Впрочем, Злата выглядела настолько обессиленной, что даже сердце вредного Павла Аркадьевича от её измученного вида сжималось в комок.

— Угум...

— Значит, видишь, слышишь — это хорошо. Чувствуешь себя как? Совсем паршиво?

Вопрос, как бы сказал сам мужчина, на дурака. Как она ещё себя может чувствовать? *Радостно и хорошо?* Мужчина покачал головой, видимо, сам признавая собственную тупость, но девушка вдруг неожиданно начала что-то слабо лопотать. Разобрать получилось не с первого раза.

— Пппп-аааа... ввве, — Злата испуганно пыталась позвать его и хоть как-то зацепиться за мужскую фигуру взглядом, но выходило не очень. — В-велллл Ааааа-рррр...

Тихий, но такой по-детски отчаянный шепот заставил сжаться. Она искала его глазами, звала и выглядела такой... *Такой, что...* Злость за её поступок, боль переживании стремительно таяли.

— Здесь никого нет, кроме меня, — ответил врач и, подойдя ещё ближе, нежно сжал её пальцы. — Просто Паша, не напрягайся.

Все действия мужчины выходили на интуиции, хотя выполнить их без привычных колебаний было непросто. Но пока она продолжала просто смотреть на него *так*, он продолжал поступать не свойственно даже для самого себя.

— *Дурочка,* — произнёс мужчина, взглядом касаясь следов порезов на худых руках. — *Прибить тебя сейчас хочу. Просто не представляешь как.*

Ему показалось, что в ответ на его реплику Злата едва-едва улыбнулась. *Грубоватые, конечно, слова для той, которая несколько часов назад пыталась покончить с жизнью.* Но по-другому мужчина не умел.

Да любой психолог сказал бы, что он всё делает неправильно, но по каким-то своим

внутренним ощущениям Павел Аркадьевич чувствовал, что опасность отступила. Говорить о случившемся сейчас просто не поворачивался язык. Он всё узнает, но, разумеется, не сейчас...

— Я... я не хотела, — по слогам проговорила Злата, прикрывая глаза, и сильнее сжала его пальцы, будто боясь, что он уйдёт. — Я п-просто...

— Неважно, — отмахнулся Павел Аркадьевич и осторожно присел на корточки, не отпуская девичьей руки. — Главное — ты здесь. Дальше разберёмся. *Только больше так никогда не делай. Никогда, иначе я просто чокнусь.*

15. Помощь пришла, откуда не ждали

Больше он не мучил её вопросами.

Просто сидел рядом и поглаживал большим пальцем ладонь. *Спокойно. Размеренно. Успокаивающе тихо.* И вместе с тем, настолько ласково и нежно, что в уголках глаз Златы непроизвольно скапливались слёзы. *Она молчала, грелась, смотрела на него своими печальными глазами ровно до того момента, пока не провалилась в сон.*

Такая изломанная, такая усталая. Такая, что... от одного только взгляда на неё в груди у врача что-то противно обрывалось. Павел Аркадьевич никогда не был сентиментальным, не умел нормально сострадать людям, но даже *он*, хладнокровный и чёрствый, сейчас ощущал все те волны боли, потоком исходившие от девчонки.

По сути, она просто не справилась с обстоятельствами, оказалась загнанной в один угол, из которого не видела выхода. В такой ситуации никто не знает, как себя поведёт. Взрослый уравновешенный человек и тот не факт, что выдержит, а уж эмоциональный ребёнок тем более.

Впрочем, понятно было только одно: её родители и сейчас попытаются всё испортить. Обязательно приедут, разыграют драму и любыми путями заберут домой.

Позволить им это сделать значило подписать Злате смертный приговор.

Один раз она уже вены перерезала, грань страха перешла, и второй раз решиться на подобное явно сможет без особых сомнений. Только в следующий раз скорая может не успеть. *И он просто её потеряет. Мысль об этом сковывала и заставляла думать на опережение,* но как предотвратить опасность, мужчина не знал.

Что делать? Куда бежать? Кого убеждать?

Ответов на эти вопросы не было, времени на раздумья тоже фактически не оставалось. Заткнуть рот влиятельным людям в городе мог только кто-то повыше, но никак не рядовой врач с зарплатой в сорок тысяч.

Связался же с девочкой из богатой семьи на свою голову... И бросить же теперь не мог, точнее не хотел. Слишком многое они пережили, чтобы просто так сдаться. Судьба предоставила шанс и его надо было максимально использовать.

Единственным стопроцентным вариантом было привлечь внимание прессы, но без согласия Златы он не бы сделал этого даже под дулом пистолета. Не каждый согласится стать мишенью журналиста даже ради свободы.

Голова разрывалась от мыслей, перед глазами раскручивались множественные варианты событий.

В дверь постучали. Павел Аркадьевич выдохнул, морально приготовившись увидеть родителей Златы, но *прервавший тишину* внезапно оказался тем чудом, на которое мужчина не мог и рассчитывать.

Единственный человек, магическим образом помогающий всем и всегда.

Из-за двери на него поглядывала старая приятельница и жена его несносного одноклассника — *Милена*. Она выглядела, как всегда немного растрёпанной и растерянной, но при этом вполне счастливой. Павел Аркадьевич участливо кивнул ей, молчаливо обещая подойти. Женщина зеркально отразила его действие.

И хотя оставлять Злату одну сейчас хотелось меньше всего, разговор с Миленой был тем немногим, что сейчас, действительно, могло помочь. Скрепя сердце, врач вышел из кабинета

и т ут же наткнулся на удивлённый, но всё же ласковый взгляд.

Старая знакомая выглядела так, как будто знала всю их историю в мельчайших подробностях. Впрочем, Павел Аркадьевич прекрасно знал, что в течение пятнадцати минут сам поведает ей всё в мельчайших подробностях. Ведь Милена, на самом деле, была одной из тех редких женщин, которые не задавали лишних вопросов, но которые магическим образом располагали к открытости.

Даже его вредный одноклассник Булат не устоял, ему и пытаться бессмысленно. Но из природного упрямства и гордости мужчина всё же попытался.

— Так, рассказывай, что беспокоит? — начал Павел Аркадьевич, отводя взгляд в сторону. — На раннем сроке, судя по твоим анализам, проблем быть не должно.

— Их и нет, — отмахнулась Милена, закатывая глаза. Недомогающей она и, правда, не выглядела, скорее, на лице просто пролегла небольшая усталость. — Но ты знаешь Булата, паника и всё такое. Если несложно выпиши мне бумажку, что я здорова, а то он с ума сойдёт. Не хочу, чтобы он переживал.

Мужчина кивнул. С того момента, как Милена забеременела, Булат постоянно держал руку на пульсе. *Даже чересчур.* С другой учитывая их непростую историю, врач его понимал: рисковать жизнью любимой женщины после стольких сложностей мог только дурак.

— Паш... как там та девочка? С ней же всё в порядке? — После непродолжительного молчания осторожно уточнила Милена. — Выглядит бледной. И да, прости, если помешала.

— В порядке всё, попытка суицида, — безэмоционально пояснил мужчина, но от женщины не ускользнула лёгкая нервозность в голосе. Его пальцы слегка дрожали, и не заметить это было трудно. — *Я просто устал, клиническая картина сложная и...*

— И она уже давно не просто пациентка, — спокойно закончила за него приятельница и мягко улыбнулась. — Я тебя не первый год знаю, рассказывай, что случилось. Одна голова хорошо, а две лучше. Если что Булата подключим, его мозги стоят двух меня.

Павел Аркадьевич усмехнулся и скрестил руки на груди. Любого другого человека бы уже послал, а вот Милену не мог. Ведь в её тоне не было ни намёка на издёвку или самодовольство, врач знал, что она лишь в очередной раз хотела помочь.

— Ладно, давай присядем напротив палаты, — женщина кивнула. — Всё равно же отстанешь.

— То есть они, по сути, держат её в четырёх стенах и не выпускают? — уточнила Милена, искренне офигея от происходящего. Её глаза распахивались всё шире, но каждый раз оказывалось, что это ещё не предел. — Сами Зотовы? Влиятельнейшие люди, на них бы никто никогда не подумал. К тому же у них первая дочь погибла, кажется, из-за болезни.

— Злата должна была стать донором их первой дочери, но не смогла, — высказанное добавление многое объяснило.

— И они на ней...

— *И они,* — подтвердил Павел, и Милене оказалось этого достаточно, чтобы понять. Лишних вопросов не требовалось. — Если заберут девчонку сейчас, второй раз я её не откачаю. Всё понятно как белый день по формальным основаниям препятствовать им у меня нет. Пару недель я смогу продержат её здесь, списав на сердечные осложнения и невозможность транспортировки, но это всё при условии, что они не притащат к неё другого специалиста и сразу же не договорятся с начальством, чтобы её увезти.

— Без согласия Златы не смогут, она — совершеннолетняя, поэтому имеет право на то, чтобы остаться. — Уверенно ответила женщина и откинулась на спинку стула. Задача, действительно, была со звёздочкой. — Но ты прав, это только временный выход. Скандал, шумиха?

Мужчина тут же ошетинился, а в глазах тут же загорелся огонёк раздражения.

— Она не мартышка в цирке, — строго отчеканил Павел, резко отсекая возможность дальнейшего обсуждения этого варианта. Но, вспомнив, что перед ним сейчас находится беременная женщина всё же немного смягчился. — Злата нестабильна, как это на ней скажется, не может предположить даже психолог. Рисковать здесь нельзя.

Милена кивнула, не обращая внимания на грубоватый тон. Она несколько лет знала Пашу и сейчас прекрасно видела, как он переживает. Женщина очень хотела ему помочь, но, как назло, в голове не было ни одной здоровой идеи. Тем более, Золотовы были связаны с администрацией города, чтобы противодействовать им нужен был козырь в рукаве.

— Подожди, — догадка вспыхнула, как искорка, и стала улетать, но Милена резко ухватилась за неё сознанием. — А что... если вынудить Зотову вывести девочку в свет? У мэра через пару дней что-то вроде приёма, и кто-то мог бы "случайно заговорить" о Злате и привлечь к этой теме внимание.

— И ты думаешь они сразу раз и выведут девочку в свет? — Скептически уточнил Павел, устало усмехаясь. — Они несколько лет её держали на домашнем обучении, *все уже давно* успели привыкнуть, так что шума здесь не будет.

— Шума не будет, но сплетни поползут, — согласилась женщина, но со знанием дела продолжила рассуждать дальше. — Ты не варишься в этом котле, Паш, поэтому не знаешь нюансов. Если я правильно помню, отец твоей Златы сейчас работает в тесной связке с администрацией нашего города, в которую скоро будут выбираться представители. Они будут вынуждены вытащить Злату, потому что лишняя возня здесь им совсем не нужна. И, если при всех сделать их дочери предложение поработать в каком-нибудь из фондов или чём-то подобном, Зотовы не смогут отказаться. Имидж в таких делах штука важная, а, попав в фокус внимания, Злату запереть так просто не получится.

Врач слушал раскрученную женщиной логическую цепочку и искренне удивлялся. Всё выглядело складно, но как-то слишком по-киношному, и мужчина не верил, что подобное бывает и в жизни. С другой стороны, Милена, говоря всё это, выглядела очень уверенно, да и другого варианта по факту у него не было.

— Тебе нужно как-то продержат её здесь пару дней, — резюмировала женщина, усиленно хмурия брови и что-то обдумывая. — Дальше попробуем сделать так, как задумано. Пока это единственный вариант.

Павел устало выдохнул. Бессонная ночь, усталость и рой мыслей в голове всё-таки давали о себе знать. Впрочем, факт оставался фактом, идея Милены была толковой и нужно было пробовать. И думать.

Мужчина на минуту повернулся и всмотрелся в знакомое лицо. Вполне себе милое, добродушное, однако, именно с таким вот лицом эта женщина, как оказалось, и прокручивала всякие опасные многоходовки. Удивительное существо: в жизни на неё не подумаешь, а в итоге именно у неё роль серого кардинала.

— На вас это негативно не скажется? — спросил Павел. Он не был дураком и понимал, что впрягаться за кого-то просто так чревато последствиями. Да и быть должным не хотелось.

— Всё будет нормально, к тому же ты — наш друг, — отмахнулась Милена, поднимаясь на ноги. И хотя история их взаимоотношений тоже была довольно насыщенной, она, действительно, считала его другом семьи.

— Спасибо, — устало отвел врач, а потом всё же решил кое-что прояснить. — А у знала-то как, мать Тереза? Местные донесли?

— В зеркало посмотри, — Милена улыбнулась и склонила голову набок. — Впервые вижу, чтоб у тебя так глаза горели, и да-да я верю, что это только потому что ты давал клятву Гиппократу и обещал всех спасать.

Мужчина закатил глаза, насмешливое выражение её лица и ирония в голосе заставляли чувствовать себя неловко. Всё-таки прав был Булат: жена у него тот ещё несостоявшийся следователь. *Бедные её ученики.*

— Не ухмыляйся сильно, зайдёшь на неделе — заставлю все анализы пройти, — буркнул Павел и тоже поднялся на ноги. На телефон собеседницы пришло сообщение, и мужчина даже не сомневался, что это Булат. — Иди уже, а то твой муж уже извёлся, наверное.

Милена что-то буркнула в ответ, но, посмотрев на дисплей, действительно засияла. Наскоро попрощавшись и обменявшись ещё парочкой подколов, они разошлись, но всё-таки в душе у мужчины, наконец, зародилась надежда на то, что всё будет хорошо.

Оптимизм подугас, когда Злата, окончательно пришла в себя. Разбитая и дезориентированная, она всё больше замыкалась в себе. Девушка не хотела ни с кем говорить, не хотела есть, не хотела просто ничего. Впервые за всё время их взаимоотношений Злата выглядела настолько подавленной.

Павел старался не тревожить её в течение дня, но вечером напряжение достигло апогея, и он всё-таки не выдержал. Когда мужчина зашёл, Злата никак на него не отреагировала, продолжила смотреть в потолок, как бы игнорируя его присутствие. Врач же привычно придвинул стул к её постели и занял место напротив.

Они молчали. Сначала минуту. Потом пять. Потом десять.

— Ты здесь из жалости, да? — голос в тишине раздался настолько резко, что Павел от неожиданности даже вздрогнул. — Хорошие врачи не бросают утопающих в беде?

— Хорошие врачи всегда равнодушны к своим пациентам, — ответил мужчина, склоняя голову набок. Он старался казаться уверенным и невозмутимым, но от такого измученного вида Златы, всё внутри позорно скручивало. — А я с тобой всю врачебную этику нарушил, так что врач из меня, как выяснилось, не очень.

— Прости, — тихо, на грани слуха пропищала Злата, но врач всё-таки её услышал.

Не нужно было быть психологом, чтобы понять, девочку как-то надо было выводить другие эмоции. Причём, срочно. Самокопание сейчас только усугубит и без того подавленное состояние.

Хороший врач бы, наверное, подобрал нужные слова, предварительно взвесив каждое, а Павел просто говорил то, что приходило в голову. *Говорил то, что хотелось сказать.*

— За что? Ты же невиновата, что меня к тебе тянет, это физика на пару с химией, — усмехнулся он, а потом вдруг совершенно неожиданно для себя положил голову ей на живот. — Но вообще... вот нафига ты появилась? Я жил спокойно, никого не трогал, а сейчас слишком много нетипичных эмоции.

Послышался короткий девичий смешок, заставивший мужчину усмехнуться. *Он смотрел*

на неё, видел улыбку и чувствовал, как сердце пропускает гулкий удар. Рука Златы неуверенно потянулась к его, а потом хрупкие пальчики всё-таки зарылись в жёсткие волосы.

— Значит, нетипичные эмоции? Только вы, товарищ доктор, можете так криво признаваться в том, что кто-то вам небезразличен, — девушка старалась шутить, но Павел видел, как глаза начинали влажно блестеть, а потом она вдруг тихо спросила. — *Правда?*

Вопрос такой детский и в любой другой ситуации врач назвал бы его глупым, но Злата спрашивала об этом по-настоящему искренне. Не из хитрости, не из желания самоутвердиться, а просто потому что не верила, что может стать хоть кому-то нужной. Никто и никогда ей этого не говорил, а Павел Ар...

Нет... Паша... Он сделал это так просто и без рисовки искренне. Смотрел ей в глаза и был рядом: не подбирал слова, не разговаривал, как с больной или сумасшедшей. Мужчина дорожил ей, и девушка впервые видела это чувство в чьём-то взгляде. *Т акое неприкрытое и такое настоящее.*

— Правда, — уверенный мужской ответ не оставил сомнений. — Ещё раз такое выкинешь, прибью, и оленьи глазки не помогут.

Павел говорил строго, но при этом так доверчиво прикрывал глаза от почти невесомых девичьих поглаживаний, что только за одно это Злата могла бы снова влюбиться в него без памяти.

— Я не хотела, мне... мне было так страшно, и никого не было рядом, я чувствовала себя такой виноватой, и... Я боялась, что родители про всё узнали и причинят тебе вред, — впервые заговорила обо всём Злата, тут же начиная шмыгать носом от переполнявших эмоции. — А ещё я думала, что больше тебя не увижу. Мне было плохо, страшно, я понимаю, что это не оправдание, но...

— Тебе не нужно оправдываться, — прервал её сбивчивую речь мужчина. Пальцами свободной руки стирая слёзы с девичьих щёк. — Всё будет хорошо. Ты ни в чём не виновата.

— Я...

— Ты ни в чём не виновата, — снова повторил Павел, пытаясь окончательно закрепить эту информацию в её мозгу. Мужчина приподнялся, крепко охватил ладонями худые плечи и требовательно посмотрел в глаза. — *Они не правы, и ты это знаешь.* А я, как видишь, цел и невредим, лишних дырок не появилось.

Злата обессиленно улыбнулась и устало уткнулась лбом в мужское плечо.

— Завтра родители будут здесь, — шепнула она, внутренне сжимаясь.

— Я что-нибудь придумаю, — ответил Павел и провёл ладонью по её спине. Немного подумал, чертыхнулся, а потом всё-таки бережно притянул к себе, чтобы обнять. — *Обещаю.*

16. Кажется, холодно...

Родители Златы приехали в клинику через несколько часов. Взбудораженные, нервные, готовые разорвать всех и вся на своём пути. Они ругались с персоналом, орали, кому-то постоянно звонили, но при этом выглядели настолько перепуганными, что их становилось жаль.

Всем, кроме Павла Аркадьевича, который не хотел даже смотреть в их сторону. Ему было слишком противно находиться рядом с ними. С теми, кто так красиво "проявляет" сочувствие, а потом также красиво доводит собственного ребёнка до суицида. Несмотря на попытки, мужчина не мог забыть, как её такую слабую и почти не дышащую привезли в отделение.

Голубем мира он не был, но и сволочью тоже. Впрочем, когда разъярённые родители встали перед дверями палаты, все эти рассуждения перестали иметь значение. С другой стороны, морально к этому Павел Аркадьевич подготовиться успел.

Мать Златы привычно трясло, её лицо было багровым, и с минуты на минуту врач ожидал угроз, требований и, разумеется, проклятий. Отец же девушки стоял за спиной жены, явно готовый поддержать любую идею. Взгляд его был тяжёлым и явно не обещал ничего хорошего.

— Наша дочь? Что с ней?! До чего ты её довёл? — от женского крика, больше походившего на вопль, заложило уши. — Где она? Как...?

— Ваша дочь была доставлена к нам в больницу с попыткой суицида, — сухо отчеканил Павел Аркадьевич, скрещивая руки на груди. — Сейчас состояние стабильно-тяжелое, будем наблюдать.

— Она... не могла, вы что-то путаете, — уверенно заявил отец Златы, поднимая голову вверх. Врач неожиданно заметил, как мужчина резко сжал талию жены и притянул к себе. Раньше он за ним таких "проявлений нежности" не замечал. — Моя дочь не могла совершить суицид, она очень любит жизнь и своих родных. Она бы никогда такого не сделала.

— И тем не менее её привезли сюда из-за попытки суицида, — Павел Аркадьевич интонационно ярко выдел последнее слово, хотя прекрасно понял к чему клонит отец Златы. Однако никто из них уступать не хотел, и каждый всматривался в глаза другого с отчаянным презрением. — Она вскрыла себе вены и села в наполненную водой ванну. Чудо, что её привезли сюда живой.

Врач не сдерживал едкость в голосе и не пытался быть вежливым. Хоть умри, он не видел перед собой любящих родителей. Туповатых и эгоистичных баранов — да, но, увы, не более того. Ведь вместо того, чтобы прорываться к дочери, они доказывали ему, что невиноваты. От этого Павлу Аркадьевичу просто становилось противно.

— Это ошибка, вы что-то путаете, — твёрдо и настолько сухо, что врач устало усмехнулся. — Нам сказали, что у неё отравление. Главврач.

— Ах, ну раз главврач, то конечно, — согласился Павел Аркадьевич, иронично пожав плечами. — Видимо, у меня и у всего персонала слишком рано начались провалы в памяти. Но вам, конечно же, видней.

— Вы ещё смеете ёрничать, — шикнула женщина, магическим образом вырываясь из хватки мужа. — Из-за вас наша дочь была в таком состоянии последние дни! Мы

успокаивали её всей семьёй, а вы... Вы...

— *А я спас ей жизнь,* — ставя мать Златы на место, ледяным тоном ответил Павел Аркадьевич. Жёстко, хлёстко и отрезвляюще, отбрасывая весь сарказм и иронию. — *Как и бригада скорой помощи.* Если бы её привезли хотя бы на десять минут позже, она умерла бы прямо на операционном столе. *Вы вчера могли потерять вашу дочь.*

Мужчина намеренно говорил холодно и фактами. Возможно отчасти потому что ему подсознательно хотелось, чтобы родители снова прочувствовали этот животный страх потери и хотя бы попытались понять что-то своим куриным мозгом. Но стена явно была толще, чем он предполагал.

Две пары глаз напряжённо смотрели на него, и вот осмысленности там, как не было, так и не появилось.

— Не несите чушь! — Едва дослушав мужчину, прокричала мать Златы. — Это всё нелепое стечение обстоятельств. Вам просто выгодно, что мы сейчас в таком положении и не можем... Но не думайте о себе бог знает что! *О ваших приставаниях нам всё известно, и это дойдёт до главврача!*

Багровые пятна на лице женщины по ходу её речи багровели всё больше и больше и тем самым невольно придавали её лицу ещё более суровое выражение. Врачу же устало подумалось, что этой мадам явно стоило проверить гормоны.

— То есть, мне выгодно, что ваша дочь лежит здесь? — Наигранно участников уточнил мужчина. Впрочем, на лицах родителей Златы даже тени понимания не читалось. Всё-таки метать бисер перед свиньями дело неблагодарное. — А насчёт приставаний, пожалуйста, где кабинет главврача вы знаете, не забудьте только доказательства взять с собой. Кстати, к дочери, если хотите можете зайти. *Вас никто не задерживает.*

Толкнув его плечом и, видимо, не найдя, что сказать, женщина устремилась в палату. Отец девушки, напротив, остался стоять перед ним. Ненависть, исходившую от него, было невозможно не почувствовать.

— *Будешь дальше так язвить, я от тебя докторишка мокрого места не оставлю,* — спокойно заметил мужчина. Совершенно без эмоции. Так, как будто речь шла об испорченной рубашке, а не о его собственной дочери. — Не лезь туда, куда не дорос. Я ведь могу и разозлиться.

— Идите к дочери, — ледяной тон врача послужил достойным отражением атаки. — Она же цель вашего визита, а не угрозы в мою сторону.

И хотя мужчину буквально разрывало от желания пройти в палату, он всё же остался за дверью.

Злата просила его об этом, если даже не умоляла.

Обещание не влезать далось ему сложно, но он достойно выполнял данное слово, даже тогда, когда из поля зрения исчез ненавистный отец девушки. Ведь врач прекрасно понимал, что ей самой нужно всё с ними обсудить.

И пусть Павел Аркадьевич считает её решение лишним геройством и недооценкой сил противника, он должен его принять и заодно просчитать возможные последствия.

Морально Злата в течение всего вчерашнего дня готовилась к приходу родителей: *продумывала слова, объяснения, манеру поведения и изо всех сил старалась успокоиться.* К сожалению, выходило не очень.

В голове всё перемешивалось, язык заплетался, а ладошки потели. Кажется, если бы не

внимание и поддержка своего лечащего врача, она бы точно совсем сошла с ума, ожидая их появления. Страх и ожидание ещё с детства сводили её с ума, превращая в малолетнюю дурочку.

Однако, когда мама зашла в палату, Злата была готова ко всему: к крикам, к слезам, к истерикам, к причитаниями. Наверное, ко всему, кроме равнодушия. Только вот женщине в очередной раз удалось её удивить.

Мать решительно зашла в палату, осмотрелась, оперлась на стену и скрестила руки на груди. При этом говорить что-то она явно не собиралась: ограничивалась лишь строгим взглядом на перепуганную дочь. Подошедший чуть позже отец, впрочем, занял такое же положение и последовал примеру супруги.

Тактика игнора. Ты должна сама понять, что сделала не так и извиниться.

Ожидаемо, только вот, несмотря на это, от такой родительской реакции Злате захотелось заплакать навзрыд, как маленькому ребёнку. Она всё-таки верила, что они поговорят, а по факту её снова ожидал "укорительный игнор", знакомый до боли.

И хотя это было предсказуемо, Злате до последнего не хотелось в это верить. Почему-то она думала, что её суицид, страх потери хоть что-то между ними изменит, но, увы, ничего и не думало меняться. Всё оставалось по-прежнему на своих местах: она — ненужная дочь и пора с этим смириться.

— Привет, — неуверенно начала Злата, когда находиться в молчании, стало уже практически невозможно. Тишина давила на мозги хуже звука работающего перфоратора. — Давно приехали?

— Как только домработница позвонила, так и приехали, — холодно отозвалась мать. — *Как самочувствие?*

Прозвучало как дежурный вопрос. Как будто справка о погоде.

— Я в порядке, — также безразлично заметила Злата, по-детски притянув колени к груди. Ей хотелось спрятаться домике, но его не было и приходилось снова мёрзнуть в холоде.

— *Врач сказал, что ты едва не умерла,* — голос отца разрезал молчание настолько неожиданно, что Злата от испуга невольно подскочила на месте. Отец, в принципе, редко с ней разговаривал, и обычно его слова не приносили ничего хорошего. — Знаешь, у нас с мамой один вопрос: *зачем? Чего тебе не хватает?*

После повисшей паузы и напряжённой переглядки взглядами, Злата всё-таки решила ответить, хотя собственный язык слушался совсем плохо. На секунду, только на одну секунду ей вдруг подумалось, что они могут понять, почувствовать, если она объяснит, поделится...

— *Мне было плохо и страшно, я была совсем одна,* — тихо призналась Злата, собираясь с силами и выбирая нейтральную формулировку. Сказать — вы довели меня до этого — она как любящая дочь просто бы не смогла. — *И я... больше не могла с этим справиться. Повсюду были те фотографии, и я чувствовала себя...*

— Не смей даже говорить про фотографии! — Даже не пытаясь дослушать сбивчивую речь дочери, грубо отрезал отец. Его взгляд был гневным настолько, что, казалось, ещё слово, и он убьёт её прямо здесь. *Злата поняла, что только что сказала о святом. О том, о чём нельзя было говорить. Никогда. А главное не ей.* Тон мужчины обдавал её холодом хуже ушата ледяной воды. — Твоя сестра бы никогда так не поступила. Она в отличии от тебя за жизнь боролась, верила до последнего, а ты... ничтожество. Злата никогда бы так не поступила, так могла поступить только такая, как ты: бесполезная эгоистка!

— Я знаю, что...

— Нет, *ты прекрасно знаешь, что мы не можем сидеть с тобой круглые сутки*, — голос матери тут же вклинился в разговор. Он был таким ровным, примерно таким же, каким она любила разговаривать с прислугой. В палате, кажется, скопилось слишком много холода. — *Или ты думаешь, что деньги растут на деревьях, как и твои гаджеты и прочее?*

Слова били больно, впрочем, на это и был весь расчёт.

Хотя ничего из озвученного никогда по-настоящему Злате было ненужно.

Они это знали, и она это знала.

— Одиночество? Слово-то какое нашла, монстров из нас сделала: заперли дочь в башне — сволочи. А что же ты про состояние своего здоровья забыла. Вылетело из головы, что, если тебе станет плохо в стенах университета, тебя просто не успеют спасти, — продолжила давить мать, привычно искажая и подтасовывая факты. От очередной лживой мантры Злату начинало воротить как от тухлого пирожка. — Извини, мы не хотим потерять дочь, особенно после того, что пережили, а ты эгоистично проезжаешься по мне с отцом. *В то время как твоя сестра бы в лепёшку расшиблась, чтобы нас не бросать*, а ты... просто...

— Вы же знаете, что всё это неправда. Вы же знаете, что я не виновата и ничего не могла сделать, — беспомощно прошептала Злата, чувствуя, как глаза наливаются слезами. Она хотела закрыть уши руками и исчезнуть из этого мира. *Было больно. Настолько, что не хотелось дышать*, а их слова снова били в одну точку. Прицельно и на поражение. — *Уйдите, пожалуйста... Уходите...*

Но родители уходить не собирались и продолжали добивать её взглядом, в котором, как никогда чётко, читалось утверждение того, что она — ничтожество. Они продолжали стоять так десять минут, а потом ушли. И после их ухода Злате от боли и отчаяния снова захотелось вскрыть себе вены.

После визита родителей Злате не хотелось никого видеть. Эта встреча, кажется, отняла у неё последние силы. *Усталость, стресс, разочарование* снова навалились на девушку с новой силой.

Жалко, что она никак не избавится от синдрома обманутых ожиданий. *Действительно, чего Злата ждала?* Того, что мама бросится к ней, обнимет, извинится и поймёт, что была не права? *Бред же...*

Но надежда где-то в глубине души всё равно оставалась.

Теперь не было уже и её. Чувство собственной ненужности раздирало изнутри, а на глаза наворачивались слёзы. Было пусто, плохо и не хотелось совсем ничего.

— *Всё в порядке?* — знакомый голос, разрезавший тишину последних нескольких часов, прозвучал как-то непривычно и совсем инородно.

Девушка не обернулась, просто посильнее натянула на себя одеяло, отчаянно сжав пальцами его край. Она почему-то думала, что незваный гость уйдёт, однако вместо это раздались тяжёлые шаги и скрипнул отодвинутый стул.

— Настолько плохо? — логичный вопрос, ответом на который служит тяжёлый выдох. — Впрочем, и так вижу. Ладно, чувствуешь себя как? Ничего не болит?

— Нормально, — отозвалась Злата, прикрывая глаза. — А ты почему здесь? У тебя же работа: пациентки, обходы, старушки.

Павел Аркадьевич усмехнулся. Привычная ирония, хоть и прикрытая безграничной усталостью и печалью, всё же радовала.

— Да вот пришёл домогаться одну пациентку, а то её родители так об этом просили, что я просто не мог им отказать, — Павел Аркадьевич язвительно улыбнулся и откинулся на спинку стула. Мысль поддразнить её всегда приходила мгновенно, прямо как к какому-то сопливому мальчишке-школьнику. — Но она, видимо, не в настроении, так что пойду попристаю к блондинке с большой грудью из третьей палаты. Её как раз недавно привезли...

Сначала послышалось небольшое шебуршание, а потом пациентка с нахмуренными бровками, наконец-то, повернулась к нему лицом. Такая шутливо-недовольная, что врач не сдержал очередной широкой улыбки. *Как подросток, честное слово.*

— К какой ещё блондинке ты собрался? — недовольно фыркнула Злата, стараясь выдержать суровый тон и серьёзную мину. Получалось плохо, потому что в глазах уже танцевали бесенята. — Резко полюбил пышные формы?

— Моя любовь к ним и не пропадала, — отмахнулся мужчина, прищутив глаза и оглядывая пациентку. — Как говорят, женщина должна вызывать желание её съесть, а не накормить. Кушать, кстати, хочешь?

Павел Аркадьевич слегка поиграл бровями, выделив интонацией последний вопрос, а Злата вдруг не выдержала и задорно рассмеялась, уткнувшись лицом в подушку. Несмотря на горечь сегодняшнего дня, ей вдруг стало так неожиданно легко, что стало даже страшно.

— Хочу, — просмеявшись ответила Злата и посмотрела на него каким-то таким ласковым взглядом, что в сердце мужчины что-то внезапно закололо. — *Еду не хочу, а тебя хочу.*

Мужчина усмехнулся, а потом вдруг протянул ей руку, в которую она вложила свою. Он ничего не спрашивал, но она и без этого всё понимала.

— Даже порез вен не помог, — заметила она, сжав его руку сильнее. — Ничего не изменилось. *Чувствую себя мусором, дурой и вообще... не хочу сейчас об этом.*

— А надо, — вьедливо произнёс мужчина, игнорируя недовольное хмыканье. — Злат, тебе нужно поговорить с психологом. Знаю, что тебе захочется сейчас мне врезать, но тебе, действительно, нужно поговорить со специалистом.

— Считаешь меня больной? — Злата опустила подбородок и внутренне сжалась. Девушка как-то сразу некстати вспомнила, что неудавшихся самоубийц обязательно ставят на учёт в психушку. Тело сковало холодом, как и мысли. Но мужской палец, поглаживающий ладошку, незаметно придал сил.

— Считал бы больной, позвал к психиатру. А я говорю про психолога, — жёстко отсёк мужчина, не позволяя женской фантазии свернуть куда-то не туда. — Без него ты с такими родителями сойдёшь с ума, даже мне после них понадобится мозгоправ. Они всегда такие вьедливые?

Злата тихо засмеялась и снова посмотрела на него, но уже без тревоги во взгляде.

— Думаешь, что всё-таки нужно к психологу? — спокойно спросила Злата, и врач положительно кивнул.

— Знаю.

Некоторое время они просто смотрели друг на друга, а потом девушка вдруг решила немного понаглеть и сделать щенячьи глазки. Павел Аркадьевич мгновенно просёк, что у него сейчас что-то попросят, но в тоже время осознал отсутствие шансов отказать.

— *Я погулять хочу, можно?* — и тон такой просящий с характерной хитрецей.

Врач покачал головой.

— Можно, — всё-таки согласился Павел Аркадьевич, не отпуская её руку, — у меня

смена заканчивается через несколько часов. Потом можем пройтись по территории больницы или можешь прогуляться с медсестрой, я могу договориться.

— Хочу с тобой, — перебила его Злата. Видеть кого-то ещё не было ни малейшего желания.

— Ладно, договорились, тогда попозже зайду. — Врач мягко отпустил её руку и встал со стула, собираясь уйти. — Отдыхай.

— Паш...

— Что?

— Спасибо.

Мужчина замер на месте, подумал, резко качнулся на пятках и в момент снова направился к Злате. Буквально секунда понадобилась, чтобы наклониться к ней и чувственно поцеловать капризные губы.

— Свалилась на мою голову!

Довольная ухмылка Златы, кажется, осветила всю палату. В очередной раз Павлу Аркадьевичу подумалось, что *она* — редкая лиса. Но, с другой стороны, пусть лучше улыбается, чем впадает в состояние депрессии.

— Иначе бы ты слишком счастливо жил. — Заверила девушка, вглядываясь в его глаза. — Расскажешь, что придумал?

— А с чего ты решила, что я буду что-то придумывать? — уточнил мужчина ироничным тоном. Да всё-таки с выводами о наивности этой девочки Павел Аркадьевич погорячился.

— Я успела тебя узнать, — не стала раскрывать всех карт Злата, решая сохранить интригу. — Расскажешь на прогулке?

И снова этот просящий кота из "Шрека" и снова какая-то нелогичная возможность с ней не согласиться.

— Расскажу.

— А я буду ждать...

17. Прогулки и признания

Гулять с Павлом Аркадьевичем оказалось неожиданно приятно. Мелкими шагами изо дня в день они бродили по аккуратным дорожкам, наслаждались теплым воздухом, украдкой смотрели друг на друга и отчаянно пытались поговорить о том, что на самом деле было важно. *Выходило это, правда, криво*, потому что никому из не хотелось признаваться в настоящих причинах собственных поступков.

— Мои родители не оставят тебя в покое, — выдохнув и собравшись духом, объявила Злата после довольно долгого молчания. — Я их хорошо знаю, они злятся.

— Если бы они собирались сделать что-то серьёзное, уже сделали бы, так что не накручивай, — отмахнулся мужчина, неторопливо идя вперёд. Конечно, он то и дело сам думал о возможных последствиях, но пугать ими Злату не стал бы даже под страхом смертной казни. — Тебе лишь бы дать себя понакручивать.

Злата закатала глаза. С одной стороны, самоуверенность лечащего врача доводила до чёртиков, с другой — понимание того, что он ни в чём её не винит по-детски окрыляло.

— *А тебе лишь бы поворчать*, — добавила девушка, подстраиваясь под мужской широкий шаг. Удивительно, но при всей сложности характера Павла Аркадьевича, именно с ним ей легко было обсуждать даже самые тяжёлые вещи. — Я просто переживаю. Хотя мой психолог тоже сказала, что я по жизни страдаю ерундой.

— Она не так сказала, не ври, — заметил врач, усмехаясь. Девушка насупилась, мужчина же, заметив это, иронично добавил. — Этика.

Злата демонстративно-удивлённо приподняла брови, скрестила руки на груди и едко усмехнулась. Невольно ей вспомнились первые встречи с врачом. И вот где-где, а там врачебной этикой явно не пахло. Ну, вот ни на грамм.

— У тебя значит тоже есть врачебная этика? — елеинно-мило уточнила девушка, в глазах которой черти уже вовсю начинали водить хоровод.

Павел Аркадьевич сухо кивнул, невольно засматриваясь в тёмные омуты этой маленькой ведьмы. Он знал, что поддаётся на шутливую провокацию, но ничего не мог с собой поделать. С этой девчонкой ему почему-то хотелось быть строгим и суровым доктором.

— У меня всё есть, *этика в том числе*, — тон мужчины был пропитан иронией настолько, что её не заметил бы только глухой. — И, кстати, не только врачебная.

— Странно, при нашем знакомстве я не заметила ни той, ни другой, — девушка пожалала плечами, прищурила глаза, явно пытаясь воссоздать иллюзию припоминания, и снова усмехнулась краешком красивых губ. — Видимо, они крепко спали? Не выспались после дежурства?

— Видимо, кто-то в них несильно нуждался, — ответил врач. — Бывают ли знаешь такие пациентки — маленькие врушки.

Злата в который раз за день наигранно закатила глаза. Павел Аркадьевич тоже умел вовремя припоминать её прегрешения. Увы, их тоже было немало. И теперь вот они как два дурака постоянно что-то шутливо вспоминали друг другу.

— Я кардиолог, а не психолог. — Резонно заметил мужчина в продолжении своих слов. — Твоему сердцу мой тон до лампочки, а её важен для психики.

— *Вообще-то если мне чей-то тон и важен, то твой*, — тихо ответила Злата, склоняя

голову набок. Её интонация была шутливой, но в её голосе мужчина уловил лёгкую дрожь. Впрочем, и красноту, пробежавшую по бледным щекам, не заметить было бы трудно. — Что? Чего ты на меня так смотришь?

— Знаешь, только ты так можешь признаваться в симпатии, — Павел Аркадьевич расслабленно улыбнулся, а Злата в очередной раз подумала, что в своём накинутом на плечи халате он выглядит просто потрясающе. — *Завуалированно.*

— Ты вот вообще никак не признаёшься, я же молчу, — хмыкнула девушка. Её вид был вроде бы расслабленным, но мужчина понял, что на этот раз, *в женской шутке лишь доля шутки.*

— *Я терплю твою мать, которая четыре дня подряд выносит мне мозги. Это даже больше, чем симпатия.*

Минуту они сдерживались, сохраняли серьёзность, смотрели друг на друга, а потом всё-таки рассмеялись, и неожиданно на душе у обоих внезапно стало как-то совсем хорошо.

— Совсем достала? — всё же спросила Злата, когда смех между ними стих.

— *Терпимо. Не заморачивайся,* — врач снова отшутился, не желая, рассказывать весь масштаб проблемы. Волновать девушку лишний раз не хотелось, тем более она только недавно начала приходить в себя.

Устав наматывать круги возле больницы, они сели на лавочку и как-то, не сговариваясь, решили поговорить. Обсудить нужно было много, только вот времени было категорически мало. *Завтра намечался сложный и по-своему решающий день.*

Злата смотрела вперёд и думала, как правильно сформулировать свои мысли и чувства. Идея Павла Аркадьевича казалась ей хорошей, хоть и авантюрной, но... *При этом она безумно за него боялась.* Девушка прекрасно знала, какими бывают родители, если что-то идёт не так.

В такие моменты преград для них просто не существует.

— Думаешь, у нас всё получится? — неожиданно даже для самой себя спросила Злата. — Приём этот и всё остальное?

Павел Аркадьевич уверенно кивнул. Все эти дни он и сам старался бороться со страхами и сомнениями. Мужчина знал, нюансов было много, сложностей — тоже, однако он просто не имел права показывать свои переживания Злате, которой сейчас намного сложнее, чем ему.

— Всё получится, — больше для себя, чем для неё повторил Павел Аркадьевич. — Милена уже подготовила почву для твоего эффектного появления в свете и, судя по реакции твоей матери и её частым визитам, сделала это идеально. Завтра вечером она при всех сделает тебе предложение поработать в фонде, ты согласишься, и это уже выведет тебя из основного удара. Дальше будем смотреть по обстоятельствам. В преддверии выборов твой отец рисковать отказом не будет. Так что, паникёрша, не устраивай лишнюю панику. Поблистаешь завтра на приёме, и дело с концом, главное в обмороки там не падай, а то спасать тебя мне уже надоело.

— Ты умеешь поддержать, — усмехнулась Злата, откидываясь спиной на лавочку. — Кстати, хотела спросить... *Милена?* Это твоя хорошая знакомая или...?

Вопрос простой, заданный как бы между делом, но мужчина совершенно без труда считал в нём ревностный посыл. *Всё-таки в каких-то вещах Злата выдавала вполне себе детскую реакцию.* С другой стороны, она не истерила, а просто спрашивала. Это подкупало.

— Это жена моего одноклассника, — уточнил врач, повернувшись лицом к девушке.

Понаблюдать за её эмоциями на лице было, действительно, интересно.

Злата же, явно неудовлетворённая ответом, недоверчиво хмыкнула, закусывая щёку изнутри.

— Нечасто жёны одноклассников помогают. Видимо, она — очень *добродушная женщина*, — от последних слов девушки настолько веяло иронией, что Павел Аркадьевич едва удержался от смешки. — Наверное, я и в её фонде буду работать? — Врач кивнул. — Тогда да... просто спасительница. Нужно будет её поблагодарить.

Не закатить глаза стоило Павлу Аркадьевичу больших усилий. Обычно такое проявление ревности мужчина не терпел, но то ли Злата ему настолько нравилась, то ли делал скидку на возраст... В общем, спустил он это всё на тормозах, решив только немного поддразнить.

— Ну, Милене, действительно, только дай кому-то помочь, — спокойно заметил врач. — Хотя это и удивительно при её статусе. Вот решила старому другу помочь.

— Так... получается ты с ней дружишь? — Мужчина снова раздражающе кивнул, и Злата почувствовала, как внутри что-то настойчиво начинает тарабанить от едкой ревности. — Ясно. Ну, видимо, она... прям хорошая женщина, раз тебя выдержала. Она твоя ровесница, получается?

— Младше, — не без удовольствия ответил Павел Аркадьевич, наблюдая, как лицо Златы стремительно краснеет. — А ещё замужем, так что хватит спрашивать, а то вскипишь, как чайник. Человек пытается нам помочь, а ты ищешь поводу для ревности.

— Я просто поинтересовалась, — пожала плечами девушка. Умом она всё это, конечно, понимала, но... где-то в глубине души всё-таки жил противный такой червячок сомнения или банального страха.

— А я просто ответил. Не ищи подвох там, где его нет. Иногда огурец — это просто огурец, — употребил свою любимую присказку мужчина. Уловив на лице Златы секундное сомнение, он осторожно щёлкнул её по носу. Девушка нахмурилась. — Не гоняй в голове ерунду.

— Не привыкла я просто, чтобы помогали просто так, — всё-таки высказала свои сомнения Злата. — Не бывает так, тем более с таким риском для самого *помогающего*. Поэтому мне и кажется, что она либо в тебя влюблена, либо чокнутая.

— Чокнутая, — согласился Павел Аркадьевич. — Она даже мать своего бывшего мужа, которая организовала на неё нападение, не сдала. Ребёнка из-за этой женщины потеряла, а писать заявление не стала.

Мужчина устало усмехнулся, вспоминая этот случай. Тогда Милену, кажется, никто, кроме его одноклассника так и не понял. Сам же Павел Аркадьевич так для себя и не определился: то ли это благородство души, то ли комплекс "жертвы".

Злата же ненадолго замолчала, обдумывая всё, а потом вдруг неожиданно выдала, всё также не отрывая взгляда от своего врача:

— *Я бы сдала.*

— *Я бы тоже,* — согласился с ней Павел Аркадьевич. Девушка улыбнулась, а потом протянула ему свою ладонь. Немного подумав, мужчина обхватил её своей, делая заключение, — поэтому мы с тобой сидим здесь, а она с моим одноклассником.

— И что её муж тоже такой добрый и милосердный товарищ? — уже чисто из интереса спросила Злата. — Он вроде какая-то влиятельная шишка в нашем городе.

— Он — лапочка, *но только для своей жены*. Никогда не думал, что Булат так сильно

сможет кого-то любить, в школе он был максимально закрытым, а сейчас едва ли пылинки со своей жены не сдувает. — Пока мужчина говорил, Злата устало привалилась к его плечу, сильнее сжимая шершавую ладонь. — Милена — хороший человек. Ты с ней поладишь.

— Надеюсь. И я ещё хотела спросить... — Злата немного замялась, задумалась, но потом всё-таки скороговоркой выдала. — Потом, когда всё получится, ты приедешь ко мне?

Девушка не смотрела на него, однако испуганное выражение её лица мужчине представить было нетрудно.

— Конечно, приеду, — уверенный голос отдался лучшей мелодией в её сердце. — *Зря я тебя спасал что ли. Не бойся, всё пройдёт, как надо.*

18. План выполнен

Возвращаться домой *снова* было трудно, хотя Злата всеми силами пыталась гнать из головы дурные мысли и ассоциации. Она постоянно напоминала себе слова Паши, цеплялась за них, как за опору, и старалась верить, и *ни капельки ни сомневаться. Только вот делать это всё в присутствии своего врача было намного легче, чем без него.*

Без Паши все её страхи как-то слишком сильно обострились, а бороться с ними в одиночку Злате с каждым днём становилось всё тяжелее и тяжелее. Всё-таки за время, проведённое вместе с ним в больнице, девушка умудрилась привыкнуть к его грубоватой заботе и поддержке. *И теперь ей катастрофически этого не хватало.*

Обстановка дома, на удивление, стала спокойнее. С родителями Злата почти не виделась: они приходили домой под вечер, обменивались новостями за ужином и периодически напоминали о приёме. В общем, вели себя так, словно ничего не произошло.

В принципе, ничего другого Злата и не ожидала.

Надеялась, но не ждала. Психолог бы, наверное, в очередной раз укорил её за пустые надежды, только вот по-другому она не могла. *Просто потому, что где-то в глубине её души всё равно жила маленькая девочка, которая отчаянно хотела папиной любви и маминого внимания.* Жалко лишь, что у Златы не было ни того, ни другого.

Зато рядом с ней как-то совсем неожиданно появился *Паша*. Такой сложный и одновременно близкий, и, если честно, девушка до сих пор не понимала, как они пришли к тому, к чему пришли. К этой симпатии, бесконечным разговорам, поддержке и, кажется, отношениям.

И пусть чёткого определения того, кто они друг другу, у неё не было, она чувствовала, что нужна мужчине, иначе не носился бы он с ней, не поддерживал и не целовал до болезненной аритмии внутри. *Да все эти слова, признания не его конёк, но ведь Паша ни разу не врал ей и не использовал, а это куда важнее самых пафосных слов. С чего у неё вообще взялись все эти глупые мысли подозрения?*

В какой-то момент все эти мысли и бесконечные анализы, наконец-то, привели к тому, что девушка решила просто ему довериться и не сомневаться. Пусть всё идёт, как идёт. *Если вместе, значит, вместе, если нет... Значит, она будет благодарна ему и за это.* А выносить мозг и требовать определений — это не в её стиле. Захочет — обозначит всё сам. К тому же давить на него после всего того, что было, просто подло.

После того, как Злата решила это для себя, стало немного легче. И единственным оставшимся фактором, подливающим масло в огонь, остался *день X*. Сегодняшний приём, который заставлял девушку дёргаться, нервничать и истерить.

Она с нетерпением ждала его и в тоже время боялась.

План своего поведения, придуманный Миленой, девушка уже давно заучила наизусть, однако мерзкий страх, что всё пойдёт не так, всё равно присутствовал. К тому же раньше Злата никогда не была на приёмах и теперь жутко боялась не совладать с волнением.

Приём был назначен на восемь вечера.

Горничная принесла ей платье и провела к визажисту около шести, передала пожелания родителей и тихо исчезла, больше ничего не говоря. Визажистка довольно быстро закончила с ней и помогла надеть платье. В конечном итоге Злата была полностью готова и собрана в половине седьмого.

Правда, узнать себя в зеркале у неё получилось не сразу. Красивое голубое платье на одно плечо со свисающей назад лёгкой тканью. Аккуратно уложенные в объёмный пучок волосы и мягкий макияж. Слишком потрясающе, как будто совсем не для неё.

Она выглядела, словно принцесса, но почему-то совсем себя ей не чувствовала.

Ещё немного покрутившись перед зеркалом, Злата взяла в руки свой телефон и решила сделать несколько фотографии и посмотреть со стороны. Удивительно, но на фото она тоже выглядела, будто сошедшая с обложки журнала модель.

Красиво и дорого. *Интересно, Паше бы понравилось?* Повоевав со своей нерешительностью, Злата всё-таки скрестила на удачу пальцы и отправила ему несколько самых удачных фото. Сообщение было отправлено, но не просмотрено. Видимо, её врач опять кого-то спасал или оперировал. *Да, кажется, говорил, ей, что сегодня дежурит.*

Девушка усмехнулась. К чему, к чему, а к работе она его, действительно, ревновала. Паша постоянно был занят и безгранично уставал, и порой Злата просто не понимала, откуда он берёт силы и энергию на всё это. Ведь порой мужчина реально работал в режиме двадцать четыре на семь.

Однако, несмотря на загруженность и усталость, время для хотя бы одного сообщения для неё, он всегда находил. *И это внимание грело лучше, чем тысячи слов.* Маленькое смс, от которого весь день с её лица могла не сходить улыбка. Кстати, телефон-то именно он Злате и подарил, *чтобы снова не оставить её одну.*

— Держи, — грубо сказал Паша и протянул ей мобильник.

Брови Златы удивлённо взлетели вверх, а само выражение её лица говорило о полном непонимании.

— Что это? — уточнила она, аккуратно забирая "презент" из его рук.

— Телефон. — Равнодушно ответил мужчина и закатил глаза. Ему подумалось, что сообразительность Златы он явно переоценил.

Впрочем наполненный язвительностью ответ, долго не заставил себя ждать.

— Это я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь? — Паша "непонимающе" нахмурился, сдерживая улыбку.

Вообще всё было слишком очевидно и ванильно понятно, поэтому озвучивать это в открытую мужчине не хотелось. Да, он не хотел снова потерять с ней связь и гадать, что происходит. И да, ему хотелось хотя бы говорить с ней, если нет возможности увидеть и почувствовать знакомую вредную дурочку рядом. Но ей вот знать обо всём этом необязательно.

— Понять хочу, зачем ты мне телефон даришь, — суетливое щебетанье Златы донеслось до него не сразу. — Ещё и устаревшая марка. Кошмар!

Девушка покрутила телефон в руках и широко улыбнулась. Догадаться было несложно, но пошутить всё-таки хотелось. Тем более закатанные глаза и наигранно хмурое выражение лица того стоили.

— На навороченные смартфоны будешь папиков на приёме разводить, — отозвался Паша, наклоняя голову и заглядывая в невероятно хитрющие глаза. Почему-то мужчина уже давно был уверен в том, что пару лет спустя Злата станет той ещё стервочкой. — С простых врачей спрос не велик, так что будешь учиться ставки.

— Буду, — девушка кивнула и мягко отразила его улыбку своей. — Спасибо, мой храбрый врач.

Она сделала маленький шаг к нему, а он к ней, и так, пока никакого расстояния между

ними не оказалось. Мужчина опустил руку на её спину и вплотную прижал к себе. Не грубо, но крепко. Именно так, как ей хотелось. Его губы до боли знакомо коснулись её губ, заставляя сердце снова зайти в рваном ритме.

— Обязательно пиши, я буду отвечать по возможности или, когда освобожусь, — отстранившись попросил мужчин, ласково гладя большим пальцем её висок.

Злата кивнула, а потом снова потянулась к его чуть обветренным губам.

Вот и сейчас она терпеливо ждала мужского ответа. Если не в ближайшие часы, то после приёма он обязательно ей напишет. *Злата так знала и так чувствовала.* И ей сейчас просто надо собраться с силами, успокоиться и сделать всё так, как они обсуждали.

Её мужчина в неё верит, и значит она тоже верит в себя.

Первое её появление в свете показалось девушке каким-то поразительным. Ведь как только она в сопровождении родителей появилась в большом банкетном зале, все взгляды вдруг резко обратились на неё. Так, как будто бы она была *внезапно воскресшим приведением.*

А Злата просто не знала, как правильно реагировать: осматривалась и офигевала. Родители же стремительно к кому-то направлялись, не забывая по пути здороваться с множеством знакомых. Они умело уклонялись от вопросов, но девушка видела, как им всё это неприятно, особенно отцу.

Его неестественно широкая улыбка заставляла её внутренне сжиматься, впрочем, как и недовольный взгляд матери. По мере возможности Злата держалась уверенно и старалась рассмотреть окружение.

Множество незнакомых лиц рябило перед глазами, однако, в общем и целом, все походило друг на друга: *мужчины с непроницаемым взглядом в строгих костюмах, изумительно накрашенные женщины в элегантных платьях.* Злата улыбнулась, неожиданно для самой себя сегодня она тоже стала частью этого общества, хотя совсем ничего не понимала в его механизмах.

Единственной узнанной персоной для девушки стал мэр, к которому, видимо, и направлялись её родители. Значит, скоро всё должно было произойти. Злата затаила дыхание, как-то она совсем не рассчитывала на такую поспешность событий. Однако всё ещё оставался вариант того, что девушка не до конца что-то поняла.

— Игорь Витальевич, здравствуйте, — улыбчиво поздоровалась мама Златы с мужчиной. Отец пожал ему руку, а Злата просто прямо посмотрела в его глаза. Взгляд мэра показался ей заинтересованным и даже удивлённым, хотя возможно она просто себя накрутила.

— Ваша дочь? — вежливо поинтересовался он, прищурившись. — Нехорошо такую красоту прятать от света. Очень приятно.

Мужчина кивнул Злате, и она отзеркалила его действие. Несмотря на все неприятные ощущения, девушка старалась держать лицо с выражением почтенной стойкости и благородного равнодушия. Любимый врач совершенно точно мог бы сейчас собой гордиться, потому что этот ледяной взгляд она позаимствовала именно у него.

— У нашей дочери большие проблемы с сердцем, — в ответ на завуалированный намёк пояснила мама Златы. — Только недавно удалось забрать её из больницы. *Хотя чего только не поговаривали...*

Они говорили ещё о чём-то, её мама смеялась, но Злата не вникала. Согласно плану,

где-то сейчас должна была появиться Милена и привлечь внимание мэра. Однако знакомой Паши нигде не наблюдалось.

Девушка чувствовала волнение, но всеми силами призывала себя успокоиться: вводные могли измениться, скорее всего, женщина будет действовать по обстоятельствам, поэтому пока нужно просто ждать и доверять. Хотя не озираясь и не искать знакомую Паши глазами было чертовски сложно.

Чтобы не делать этого, Злата каждый раз напоминала себе, что должна выглядеть максимально естественно и никуда не лезть. Только в самом крайнем случае. Вдох. Выдох. Всё пройдёт так, как задумано. Обязательно.

Тихий стук каблуков за спиной через пятнадцать минут прозвучал как спасительная сирена. Девушка не обернулась, хотя интуитивно почувствовала присутствие нужного человека.

— Здравствуйте, Игорь Витальевич, — раздался мелодичный женский голос, похожий на перелив колокольчика. — К вам сегодня не прорваться.

Мэр усмехнулся и благосклонно кивнул головой, симпатичная женщина подошла ближе. Взглядом Злата отметила тёмно-синее платье, о котором ей говорил Паша, и мысленно выдохнула.

Только вот неожиданно для всех мэр протянул ей свою руку, она отточенным движением подала свою, и он тут же её поцеловал. Лица её родителей из равнодушных тут же превратились в невероятно озлобленные. Было видно, что появление Милены их максимально взбесило.

— Булат здесь, надеюсь? — Уточнил мэр, взглядом осматривая пространство. Женщина кивнула. — А то смотрите приревнует.

— В моём положении уже не ревнуют, — рассмеялась Милена и тепло улыбнулась мужчине. Тот ответил ей сдержанной, но какой-то действительно искренней улыбкой. — Оу, я вижу здесь очаровательную юную собеседницу. Не представите меня ей, Игорь Витальевич?

Злата видела, как женщина в лёгкую кокетничает с мэром и удивлялась его реакции. Больше приятельской, нежели интимной. Почему-то мужа Милены не было рядом, но серьёзного значения этому девушка не придала. На уровне восприятия эта симпатичная женщина не вызывала у неё отторжения.

— Злата — дочь четы Зотовы, обворожительная девушка и в будущем талантливый специалист, — заметил Игорь Витальевич, кивком указывая на девушку. — А это Милена Юрьевна — глава одного из наших фондов. Без её руководства у нас сфера, связанная с детским досуговым образованием, просто разваливается.

— Очень приятно, — ответила Злата.

— Мне тоже очень приятно, — Милена улыбнулась, а девушка поймала себя на мысли, что мэр представил её не как чью-то жену, а как отдельную фигуру. Необычно для этих мест. — Хотя меня явно переоценили. Злат, а чем вы занимаетесь?

Суровый взгляд матери долетел до девушки мгновенно. В машине ей уже называли список допустимых ответов. Здесь импровизация могла впоследствии выйти ей боком. Оставалось уповать на мудрость Милены и собственную удачу.

— Сейчас учусь на экономическом, — ответила девушка. — Практики не хватает, конечно, но я справляюсь.

Время для решительного шага, наконец, наступило. Злата затаила дыхание.

По выражению бессильной агрессии в глазах родителей девушка понимала, что те до безумия хотят её увезти, но при всех сделать этого просто не могут. Момент был выбран идеально, к мэру для приветствия как раз подходили новые люди, и круг любопытных зрителей увеличивался.

— Подождите, вот с практикой я могу вам помочь, — Милена азартно улыбнулась и пробежалась глазами по присутствующим. — Не хотите поработать в моём фонде? Наберётесь опыта с делами.

— Н-не знаю, — Злата показательно замялась и прикусила губу. Они шли по острому льду, и она это чувствовала. — У меня опыта нет и...

Милена закатила глаза и рассмеялась, обращаясь взглядом к мэру, который из вежливости наблюдал за разговором.

— Игорь Витальевич, хоть вы повлияйте! — Шутливо потребовала женщина, всплёркивая руками. — Сама знаете, какая у меня нехватка кадров, мне кажется, я уже сама просто ничего не успеваю. Скоро буду на рабочем месте спать, а у меня, между прочим, муж и ребёнок! Он меня так из дома выгонит!

Она говорила это всё настолько весёлым и шутливым тоном, что окружающие не могли сдержать улыбок. Комедия в лицах и наигранное ворчание позабавило даже мэра, который явно питал к женщине какую-то особую симпатию. Он сделал шаг вперёд и обратил внимание на Злату.

— Златочка, помогите этой женщине и спасите меня от её праведного гнева, и семью от развода! — Вдруг спокойно попросил её Игорь Витальевич и прижал руку к сердцу. Ближний круг рассмеялся, и только двум людям рядом с ней было не до веселья. Гневный взгляд отца девушка ощущала даже спиной. — А с родителями вашими я договорюсь. Уж мне не откажут.

— Тогда, конечно, — согласилась Злата, плутовски улыбаясь. — *Ваше желание для нас закон. К тому же такому мужчине, как вы отказать просто невозможно.*

Всеобщий смех волнами прокатился по залу, и девушка, наконец, выдохнула с облегчением.

— Тогда скажите мне, Милена Юрьевна, когда и куда я поступаю в ваше распоряжение.

Финальная точка прозвучала уверенно и, кажется, действительно удалась. Злата почувствовала, как отлегает от сердца. Милена ободряюще ей улыбнулась и каким-то удивительным образом отвела в сторону.

Девушка уже собиралась что-то сказать, поблагодарить, но неожиданно увидела, как на лице у её спасительницы застывает неловкость. *Милена прикусила губу и опасно вжала в голову в плечи.* Сначала Злата ничего не поняла, но потом увидела перед собой строгого мужчину с сурово сдвинутыми бровями. В его руках был стакан сока и женская сумочка.

— Б-булат, — тихо пискнула Милена.

— Он самый, — самодовольно отозвался мужчина и протянул ей свою руку. — *А ты иди-ка сюда, аферистка.*

19. Решительность и осознание

Увидев перед собой незнакомого и воинственно настроенного мужчину, Злата растерялась.

Конечно, она сразу догадалась, что это Пашин одноклассник, однако выдохнуть спокойно у неё всё равно не получилось. *Несмотря на красоту, статность и "ледяное" спокойствие на лице*, от этого мужчины слишком сильно веяло опасностью. Энергетика Пашиного приятеля показалась Злате невыносимо тяжёлой.

Такой, что от неё захотелось вжаться и втянуть голову в плечи. Почему-то в присутствии Паши она никогда не чувствовала столь парализующего оцепенения и страха, даже в самые неприятные моменты их знакомства, когда казалось, что он был разъярён до предела.

Девушка насторожилась и немного взволнованно перевела взгляд на Милену. *Она не знала, чего следует ожидать дальше: провала их плана, криков, ударов, какого-нибудь акта абьюза?* Злата напряглась, готовая к любому повороту событий, однако все эти ожидания перекрыла лёгкая улыбка Милены, которую она заметила уголком глаза.

Женщина смотрела на своего мужа совсем без испуга; в выражении её лица сквозила, скорее, стыдливость, нежели страх или серьёзное переживание. Она просто сделала шаг к Булату, забрала из его рук сумочку, а потом осторожно накрыла мужскую руку своей, пробегая по ней пальцами. *Её муж нахмурился, грозно сведя брови, но при этом даже не дёрнулся, напомнив при этом девушке грозного тигра.*

— Прости, — шепнула Милена, ласково прижимаясь лбом к его плечу. В её позе и взгляде было столько нежного, щемящего и по-настоящему любящего, что Злате показалось — она сама сама видит и ощущает *эту волну безграничного чувства на кончиках собственных пальцев.*

У Булата тоже устоять не получилось. Девушка видела, как неожиданно расслабилась его напряжённая спина и плечи, а ладонь уверенно легла на поясницу. Он устало выдохнул и закатил глаза. *Дома он обязательно с ней поговорит и выскажет всё о её безалаберности и никакие "уловки" не помогут.*

Впрочем, мужчина всё равно был абсолютно уверен в том, что рано или поздно эта женщина сведёт его в могилу своим желанием помочь всем и вся. Ему хотелось отчитать её, объяснить, пусть и не при посторонних, как опасны такие аферы в её положении. *Он обещал ей, что сам всё решит, но Милена, как всегда разработала свой план, в который его решила не посвящать.*

— Запрещённый приём, — проворчал Булат, ласково поглаживая её часто ноющую поясницу. Милена разве что не закатила глаза от удовольствия. Мужчина хмыкнул, никогда он не умел злиться на её доверчивые и любящие карим глаза. Всё про их хитрость знал, но всё равно каждый раз позволял вить из себя верёвки. — *Ещё раз полезешь в пекло, я не знаю, что с тобой сделаю...*

Женщина кивнула, показушно задумалась, а потом вдруг внезапно коснулась губами мужской шеи. И пусть, вокруг почти не было прицельно смотрящих на них людей, подобная выходка всё равно была более чем экстравагантной.

Злата удивлённо охнула и округлила глаза, инстинктивно наблюдая за реакцией мужчины. Она приготовилась к выражению бешенства и гнева, но тот лишь едва заметно

улыбнулся уголками губ.

— *Согласна, я заслужила наказание,* — наигранно невинно не стала спорить Милена, явно наслаждаясь его реакцией. Она провела пальчиком по белой мужской рубашке и плутовски прикусила губу. — *Дома ты обязательно меня накажешь.* Очень жестоко и очень доходчиво.

Булат усмехнулся, подумав, что обязательно *накажет*, только вот вряд ли в этом будет хоть какой-то прок. С самого начала их знакомства эта вздорная женщина творила, что хотела и переубедить её возможным не представлялось. *Проще было принять и полюбить.*

На секунду мужчина зацепился сознанием за последнюю мысль, усмехнулся, а потом вдруг привычно коснулся губами виска супруги. Милена вздрогнула, чувства, как сердце в мгновении сжалось. *Такие жесты на глазах публики Булат почти никогда себе не позволял, оставаясь в глазах общества максимально сдержанным мужчиной.*

Впрочем, привыкнуть к его проявлениям любви было невозможно, потому что каждый раз *это* поражало и заставляло заново в него влюбляться. *Рядом с ним Милене было так хорошо, что даже порой становилось страшно.*

Её глаза блестели и смотрели на мужа с такой любовью и обожанием, что у стоящей рядом Златы не получилось скрыть улыбку, а поразительное открытие внезапно накрыло с головой.

Насколько холодным и опасным Булат был одиночестве, настолько же расслабленным он становился в присутствии жены. *При её появлении рядом он, как будто бы начинал светиться изнутри, хотя и сохранял вид напускной суровости.*

Эта перемена была простой, но в тоже время удивительной и заставила задуматься. *Так ли уж важны слова, признания и чётко обозначенные границы, если людям хорошо друг с другом?* Если тебя любят, то этого нельзя не заметить и не почувствовать, а если не любят, то и все слова цены не имеют.

Злата устало улыбнулась, неожиданно почувствовав, как в небольшой сумочке завибрировал телефон, оповещая о сообщении. Сердце девушки пропустило гулкой удар, заставляя замереть. Почему-то даже не видя на экран, она была уверена в том, что это Паша.

Руки тут же начали чесаться от зуда и желания достать мобильник, чтобы посмотреть сообщение. *Происходящее вокруг мгновенно стало совершенно неважно.* Девушке просто хотелось домой, в единственное место, где можно было ощутить присутствие человека, который стал ей дороже, чем все прочие.

Однако уйти сама она не могла, и от этого Злате по-детски хотелось расплакаться. Было скучно, помпезный колорит вечера стал стремительно надоедать, да и усталость от эмоционального внезапного всплеска всё равно брала своё. Видимо, так и выглядела взрослая обеспеченная жизнь. *Приличия, увы, превыше всего.*

Девушка посмотрела в сторону родителей, которые оживлённо обсуждали что-то в своём кружке, и поняла, что скоро отсюда не уйдёт. Оставалось только запастись терпением и ждать, стараясь не коситься на сумочку и не выдавать себя с головой.

— *Всё в порядке?* — послышался мелодичный голос сзади, заставивший обернуться. На неё мягко смотрела Милена, о присутствии которой она уже успела забыть. — *Выглядишь немного бледной. Не переживай, всё хорошо.*

Злата кивнула, покосившись на парочку. Мужчина стоял на спиной жены, не выражая ни малейшей заинтересованности их диалогом. *Холод и опасность снова заняли своё*

привычное место. Милена же, напротив, излучала какую-то доброту и желание всех понять. Иррациональное, но очень тёплое.

— Завтра в одиннадцать часов я попрошу водителя за тобой заехать, — после недолгого молчания заметила женщина. — Он привезёт тебя в фонд, и мы обсудим сферу твоей деятельности. Я постараюсь, чтобы тебе было нескучно. Паша сказал, что тебе интересна сфера экономики?

— Скорее нет, чем да, я всего полгода проучилась на экономическом факультете, — пожалала плечами Злата, чувствуя неловкость. — Но я...

— Разберёмся, — не стала делать акцент на этой информации Милена. — Без практики всё равно трудно чему-то учиться, поэтому посмотрим, что у нас получится. Не переживай, спину ровнее, и всё будет отлично.

Девушка кивнула, пытаясь воспроизвести подобие улыбки и непрерывно оглядываясь.

— *Потерпи ещё минут сорок,* — шепнула женщина, видя замешательство и усталость на лице Златы. Девочка, по педагогическому опыту, показалась ей вполне милой, хоть и с зачатками непростого характера. Впрочем, как раз под стать Паше. *Тот тоже был тем ещё талантливым "сокровищем".* — Скоро все постепенно начнут расходиться. Но не советовала бы тебе сейчас с кем-то знакомиться, твоим родителям и нашего разговора достаточно для гнева и раздражения. Постой здесь, скоро они сами подойдут, чтобы тебя забрать. И важно, когда поедите домой, не выдавай, что что-то знала. *Веди себя спокойно и равнодушно.* Завтра я сама с ними свяжусь, и всё разрулю.

Милена говорила всё это уверенно, однако без лишней жёсткости. Было видно, что женщина не преследовала цели что-то ей припомнить или запугать. И хотя Злата до конца не понимала, зачем ей всё это нужно, чувствовала искреннюю благодарность. Не только за то, что Милена вытаскивала её из-под удара родителей, но и за то, что сейчас не бросала её одну в незнакомом месте, заставляя стыдливо стоять в углу.

— Спасибо, — выплывая из своих мыслей, отозвалась девушка.

— Не за что, — отмахнулась Милена, отточенным движением заправляя за ухо локон непослушных волос и шутливо продолжая. — Должны же люди помогать друг другу, иначе мы все выйдем, как мамонты!

Как и предсказывала Милена, минут через сорок её родители медленно начали со всеми прощаться. Они сохраняли радушное выражение лиц, ссылались на усталость дочери, раздавали советы и принимали их в ответ, создавая атмосферу семейной идиллии. Однако Злата знала, что как только они сядут в машину, от этого напускного спокойствия не останется и следа. Всё же свою семью она знала неплохо.

— Не понимаю, какого чёрта эта Милена примоталась к нашей дочери, — недовольно выплюнула мама Златы, закрывая дверцу чёрной элитной машины. Рядом с ней занял место отец, взгляд которого не обещал ничего хорошего. — Она же специально всё это сделала, знала, что никто не сможет ей отказать. Ещё и к мэру подошла, со своим прошлым... а тот и рад!

Мужчина сухо кивнул, едва сдерживая выражение откровенного гнева на лице. Ощущение, что его обдурили, как дурака, не отпускало и заставляло злиться. А главное — кто? *Девочка-преподаватель, непонятно каким способом захомотавшая богатого завидного холостяка?* Он до сих пор не понимал, как такой серьёзный бизнесмен как Булат Аланович мог повестись на эту... даму. Тем более после той истории с собственным деловым

партнёром.

— Больше всего в этой ситуации напрягает расположение к ней мэра и привлечение широкого внимания к нашей семье, — после некоторого размышления резюмировал отец Златы. — Рычаги влияния у неё есть, глупо это отрицать, и, видимо, она по каким-то своим причинам хочет испортить нам жизнь и перекрыть доступ к ключевому посту города. Нужно понять её мотивы, а пока Злату придётся туда отпустить. *Будет заодно сообщать всё об это фонде, уверен найти там "теневые" отчисления будет несложно.*

Супруга от мысли о том, что дочери придётся уйти из-под домашнего контроля, в раздражении напрягла челюсть. Её грудь во всю ходила ходуном, лицо краснело, а от взгляда, полного болезненной злости, Злате становилось просто жутко.

Она молчала и просто слушала, как и советовала ей Милена. На счастье, лично ей ничего не говорили, в очередной раз игнорируя присутствие. Разве что только мать не отводила от неё пугающего взгляда. Они продолжали свой наполненный ядом диалог, а Злата с каждой секундой понимала, что *всё больше и больше хочет сбежать от этой семьи и никогда не возвращаться.*

*Не только не хочет, но и сделает всё, чтобы это получить. ****

Вернувшись домой, Злата, наконец, почувствовала покой и облегчение. Напряжение всего сегодняшнего дня, скопившееся в каждом уголке тела, начинало потихоньку её отпускать.

Она не спеша сняла с себя выбранные родителями вещи и приняла душ, стараясь гелем для душа и уверенными касаниями смыть с себя весь гадкий осадок после родительского разговора в машине. *Получалось не очень, но девушка старалась.*

Отравляющие слова, угрозы не выходили из головы, заставляя переживать и обдумывать всё происходящее. Ей было обидно, что её родители так говорили о Милене, а ещё обидней было то, что она сидела и молчала, даже не заступившись за человека, который из-за неё, похоже, влезал в конкретные проблемы.

Укор от собственной трусости не отпускал и заставлял ёжиться, но Злата отчаянно пыталась с ним справиться.

Так было нужно. Позже она всё исправит. Со всем разберётся и решит.

Ей просто нужно время, информация и Паша.

Последняя мысль внезапно кольнула так болезненно остро, что Злата фактически пулей вылетела из душа и подбежала к сумочке. *Как она могла забыть!* Сердце снова заколотилось в бешеном ритме, руки задрожали, а улыбка расплылась на губах стоило ей увидеть сообщение от того, кого она так сильно ждала.

Ещё накануне приёма она прислала ему смс с фотографией платья, спрашивая оценку "эксперта". Впрочем, Паша не был бы собой, если бы не ответил в своём врачебном стиле, который попеременно вызывал у Златы то раздражение, смех.

"Так себе, на операционном столе ты выглядела лучше"

— Дурак, — тихо усмехнувшись, произнесла Злата и отправила ему сообщение примерно такого же содержания.

Вроде бы ничего не сказал, а на душе как-то мгновенно стало тепло. Их привычные подколы уже давно стали для неё чем-то спасительно-нужным. Наверное, во многом Паша и нравился ей тем, что не рассыпался в комплиментах и не оценивал женщин только по красивому наряду. Сегодня она получила ещё одно доказательство собственных выводов.

Стоило ей отправить ему сообщение, как телефон зазвонил знакомой мелодией. Злата

удивилась, почему-то она была уверена, что Паша в такое время уже отдыхает после тяжёлой смены. С другой стороны, чувство всепоглощающей радости мгновенно перекрыло недолгое удивление.

Девушка ответила на звонок и тут же услышала знакомое ворчание в трубке. Даже не видя мужчину сейчас, она с лёгкостью могла представить выражение его лица и позу.

— Дураков в нашей клинике не держат, — нахально заявил Паша с явной усмешкой в голосе. — Правда, среди пациентов встречаются, но уж точно среди врачей.

— На что-то намекаешь? — Елейно-мило уточнила девушка, даже не стараясь сдерживать улыбку. — Аккуратнее у меня сегодня острый маникюр, за такие слова могу и поцарапать.

После тяжёлого дня Злата даже не знала, откуда у неё брались силы на эти лёгкие шутки и словесные пикировки. Наверное, желание говорить с ним превышало усталость, обеспокоенность и невесёлые мысли.

— Угрожаешь? — наигранно серьёзно поинтересовался врач.

— *Может быть*, — девушка старалась сделать свой голос бодрее и шутливее, но Паша всё равно ощутил преобладающие нотки в настроении девушки.

Впрочем, мужчина не был дураком и умел складывать дважды два. Обо всём, что произошло на приёме, он уже знал от Милены, а о том, как родители вынесли мозг Злате после догадаться было нетрудно.

По этой причине он и не ограничился сообщениями, а дождался пока она выйдет в сеть, несмотря на сильнейшую усталость. *Паша не хотел оставлять её одну, боялся, что очередной стресс может спровоцировать всё, что угодно.* Всё же Злата была ещё не до конца психологически стабильна, а её родители были той ещё "поддержкой".

— Сильно устала? — его голос прозвучал почти равнодушно и буднично, но Злата с лёгкостью уловила в нём лёгкое дребезжание, выдававшее мужское волнение с головой.

— Есть такое, просто вымоталась, а ты?

Паша улыбнулся — её вопрос прозвучал, почти на грани слуха и сна. Его самодовольная мажористая пациентка от переизбытка эмоции, кажется, сейчас была готова уснуть прямо с телефоном в руках.

— Очень. Сейчас как раз пойду спать, — пояснил Паша, зевнув. — Я хотел сказать... — Мужчина ненадолго замаялся, но потом всё-таки решился договорить. — *Я приеду послезавтра в фонд. Днём.*

Не дав девушке ответить, Паша отключился, а потихоньку начинавшая засыпать Злата вдруг окончательно проснулась. Волнение пробежало по телу, словно ток, заставляя вспыхнуть.

Он придет к ней? Чтобы увидеть? Послезавтра?

Неужели... она зря боялась, что он потеряет к ней интерес и исчезнет? Он хотел увидеть её и не собирался бросать?

Злата почувствовала, как в уголках глаз скапливаются слёзы. Оказалось, что нужна была всего лишь одна брошенная им скользь фраза, чтобы окончательно избавиться от всех своих сомнений и страхов. Ведь для Паши этот шаг был настолько нетипичным, настолько весомым. Значит, никаких границ между ними нет и значит....

Она ему нужна.

От этого осознания чувство счастья разгорелось внутри девушки, как самый яркий пожар. Она невольно вспомнила приём и пару, на которую обратила так много внимания,

складывая весь паззл воедино.

Да Милена не была красавицей, уступала Булату во внешности и, наверняка, в деловой хватке, но он любил её, а она — его, несмотря на мужскую сдержанность, граничащую с равнодушием. *Они любили.* И это чувствовалось в каждом их касании, взгляде и просто жесте.

А чем она — Злата — хуже? Чем они с Пашей хуже? Да, у неё много проблем с родителями, со здоровьем, но она умеет любить, заботиться и бороться за то, что ей дорого. И, если Паша до сих пор рядом с ней, значит, тоже готов идти навстречу, преодолевая выстроенные в собственной голове границы.

И только полная дура позволит себе упустить шанс из-за страхов, сомнений.

Немного подумав, Злата улыбнулась, а потом вдруг решила дать волю когда-то давно посещавшей её мысли. Она всё ещё сидела на кровати, завёрнутая в полотенце, с мокрыми после душа волосами и лихорадочно блестящими глазами. И это положение, как нельзя подходило к девичьему плану.

Злата немного приспустила полотенце, слегка открывая полушария соблазнительной груди, откинула волосы назад и навела на себя камеру мобильного телефона. Нужный кадр, на удивление, получился легко, и Злата не стала медлить, боясь передумать.

Девушка прикусила губу и нажала "отправить", не забывая оставить маленькую приписку:

"Ммм... Надеюсь после этой фотографии ты будешь спать также крепко, как и я после твоей последней фразы. Доброй ночи:)"

20. И приехал к тебе

Первый день работы в фонде показался Злате тяжелым и бессмысленным.

Поступая на "стажировку" она, конечно, не ждала, что ей сразу же доверят что-то серьёзное, однако к работе с детьми всё равно оказалась совершенно не готова. Они раздражали её, не слушались и постепенно девушка начинала думать, что вот-вот сойдёт с ума от их вопросов и поведения. Кажется, если бы не помощь Милены она сдалась бы ещё в самом начале.

Женщина была не только максимально терпелива и к ней, но и к детям. И хотя Милене в большинстве своём было некогда возиться с маленькими подопечными, она всё равно старалась уделить им внимание, органично лавируя между всякими организационными вопросами, которые сыпались на её голову как снежный ком.

Впрочем, подобные наблюдения внезапно позволили Злате сделать один полезный вывод: *её начальница была совсем не так проста и примитивна, как хотела казаться всем окружающим.* Милена, скорее, сознательно включала "дурочку", а потом резко её выключала, когда перед ней вставала необходимость решить реально серьёзные проблемы.

Однако, несмотря на все сложности, второй день стажировки проходил намного легче. Может быть, потому что Злата стала меньше реагировать на недовольство детей, а, может, потому что она отчаянно ждала Пашу, который обещал приехать. Только вот время близилось к вечернему, а её доктора так и не появилось на горизонте.

Ни его, ни звонков, ни сообщений.

Здравый смысл говорил, что это нормально, но усталая грусть и липкая обида всё равно разливались по телу. Умом девушка понимала, что у Паши может быть куча дел, помимо неё, однако неприятный осадок внутри всё равно оставался. *Справиться с ним было сложно, не показать его ещё сложнее.*

Наверное, поэтому Злата так искренне обрадовалась вечерней пересменке и фактически выбежала на улицу, чтобы продышаться. Глупо, но, несмотря на собственные уговоры, несбывшееся ожидания калёным железом сдавливали все внутренности.

Она так готовилась, так старалась, *хотела быть для него красивой и самой-самой лучшей,* только вот всё в который раз пошло по одному месту. Устало выдохнув, девушка присела на небольшую лавочку во дворе, вытянула ноги и прикрыла глаза, пытаясь отогнать неприятные мысли. *Хотелось и плакать, и кричать, и всё вместе.*

— Он врач, и порой нормировать свой график не может, — знакомый голос за спиной раздался настолько неожиданно, что Злата мгновенно обернулась. — Не злись.

— Я не злюсь...

Девушка хмыкнула, невольно наблюдая, как Милена опускается на лавочку рядом с ней и тоже вытягивает ноги. *Удивительно спокойная и в тоже время какая-то поразительно уверенная.*

— Ты так сжала в руке этот бумажный стаканчик, что он скоро просто лопнет, — заметила женщина, ласково усмехнувшись. Она накрыла своей рукой ладонь Златы, стараясь сгладить напряжение, которым, кажется, успел заразиться весь воздух. — *Выдохни.*

Девушка нахмурилась, но руку расслабила. Разговаривать с кем-то ей, если честно, не очень хотелось, но почему-то в один момент слова как-то сами сорвались с губ.

— Я просто хотела, чтобы он приехал. — Тихо выдала Злата, подаваясь вперёд и

опуская локти на колени.

Со стороны девушка напоминала Милене одновременно расстроенного ребёнка и обиженного котёнка, которого хотелось пожалеть и которому в тоже время хотелось объяснить кое-что важное.

— Обычное желание для влюблённого человека, но... оно не всегда всё сбывается в момент пожелания, — Милена попробовала начать, аккуратно подбирая слова. Сейчас было важно не быть грубой, а направить мысли девушки в другое русло. — Он очень хотел приехать, просто, видимо, не смог. Работа у него такая... *не всегда всё внесёшь в план*. Придётся всегда это учитывать, ведь все мы немного помешанные, когда дело касается любимого занятия.

Злата закатила глаза. Задумывалась она об этом, просто... *слишком соскучилась*. Как ни крути, девушка настолько привыкла, что Паша всегда рядом: пишет, звонит, интересуется, поэтому сейчас, вопреки всем доводам разума, она чувствовала себя одинокой и несчастной. Когда пропадает единственный человек, которому есть до вас дело, это как-то не располагает к здравому осмыслению ситуации.

— Я уверена: он приедет, когда сможет, — после неловкого молчания внезапно продолжила Милена и чуть крепче сжала ладонь Златы, как бы стараясь поддержать и вместе с тем достучаться до её сознания. — Я понимаю, что тебе трудно без Паши, сама влюблялась и знаю, что это такое, но... растворяться в только в нём тоже не стоит. Он — твой любимый мужчина, *а не отец* — *не перекладывай на него эту роль*, иначе и сама измучишься и его оттолкнёшь.

— Как будто вы что-то знаете о моих с ним отношениях, — обиженно буркнула Злата, отводя голову вбок, чтобы не смотреть на Милену. *Т о, что она говорила девушке не нравилось и вызывало отторжение*.

Все хорошие качества Милены в этот момент для неё отошли на второй план. Злата сжалась, отдернула руку, прищурила глаза, напряглась, кажется, каждой мышцей своего тела. Сказанные недавно слова вгрызались в её сознание и заставляли видеть в женщине врага. Анализировать получалось *плохо*, а вот инстинкт защитницы начинал срабатывать сразу и вполне *неплохо*.

Перемену в девушке Милена уловила сразу, устало выдохнула и снова попробовала объяснить. Такую реакцию Златы было легко понять, но принять её означало бы потворствовать стагнации, этого женщина делать совсем не планировала.

— Ты права, я не знаю всего о ваших отношениях, — согласилась Милена, чтобы не провоцировать новую гневную вспышку. — Но я знаю кое-что о тебе. Ты — очень сильная девочка, у которой в жизни было очень *мало личного и любящего*... *Т ы хочешь любить, и это нормально, только при этом надо бы ещё любить себя: свои мечты, планы, цели, взгляды*. У тебя так много способностей и возможностей, что подумать о себе лишним не будет. Паша — твой любимый человек, но не единственный источник мотивации, понимаешь о чём я?

— Пока только понимаю, что вы — неплохой мозгоправ, — отмахнулась Злата, вставая на ноги. Её выражение лица выражало крайнее недовольство и отчуждённость. — Может быть, посоветуете почитать литературу на заданную тему.

Девушка фыркала, по-детски язвила, однако Милена не обращала на это внимание и совершенно не злилась. Она знала, что постепенно её слова зародят в голове Златы правильные мысли. Нужно только подождать.

— Почитай "Наташину мечту", — пожал плечами, ответила начальница.

Равнодушный взгляд послужил женщине ответом.

— *Обязательно.*

Постепенно Злата, действительно, начала задумываться над словами Милены. Сначала она злилась, кляла начальницу на чём свет стоит, воспринимала всё в штыки и игнорировала любые замечания, а потом невольно стала ловить себя на том, что в каких-то вещах она говорила дельные, хотя и обидные вещи.

Если задуматься, то она ведь, и правда, сознательно всё своё время концентрировала только на Паше. *У неё не было хобби, увлечений, желаний, далеко идущих планов и словом... вообще ничего, кроме мыслей о любимом враче.*

Может быть, раньше это всё когда-то и было, но за столько лет пребывания в изоляции и одиночестве... *от прежних мечтаний осталась только пыль и пепел.* Девушка приучила себя не желать ничего по-настоящему сильно, потому что разочаровываться из раза в раз в какой-то момент стало просто невыносимо.

А теперь вдруг появился шанс. *Такой неожиданный и странный*, что Злата просто растерялась. Ей нужно было начинать всё сначала: вспоминать прошлое, бороться за настоящее, но... она не знала "как". Страхи никуда не уходили, занимали всю ту же львиную долю чувств и мыслей, и поделиться этим было не с кем.

Злиться на Пашу, кстати, уже не получалось, потому что она... *просто не могла на него злиться и безумно скучала.* И почему-то верила в скорое появление своего врача. Ждала его, старалась думать о своих планах и выживала в новых условиях. Даже прочитала "Наташину мечту", в восторге не осталась, но пищу для размышлений, действительно, получила. И подумав, решила, что обязательно обсудит это с Пашей, когда он вернётся.

Следующие дни потянулись спокойно: дети как-то внезапно к ней привыкли, а Милена начала давать первые организационные поручения. Безумно простые, на уровне — *подай, принеси*, но их выполнение почему-то девушку радовало. Как-то неожиданно для себя она стала чувствовать, что хотя бы на что-то способна.

Злата начинала ориентироваться в базовых ситуациях, накапливать знания и понемногу выявлять собственные интересы. Например, работа с детьми явно была не её призванием, как и поручения, предполагающие непрерывные контакты с людьми вживую. Интроверт в ней в такие моменты бился головой о стену и отчаянно плакал, прося оставить его в покое.

Смешно, но именно сейчас, Злата, как никогда хорошо, стала понимать поведение Паши в больнице. *Все эти его уходы и заскоки.* Действительно, постоянный наплыв людей: их эмоции, истерики и крики... совершенно не располагают к расслабленности и состраданию. Девушка улыбнулась и в который раз за день достала телефон, который всё ещё молчал. Настроение снова упало вниз.

И ровно в этот момент к ней, как на зло, подошла Милена. Попросила встретить нового посетителя и свалила. Однако неожиданно вместо очередной важной шишки в холле стоял её невыносимый доктор. *В своей чёрной куртке, потёртых джинсах и знакомых очках.*

Такой уставший, но всё такой же красивый, ищущий её взглядом мужчина.

Злата замерла. Вместе с этим своим странным пучком на голове, кучей папок в руках и ошалевшим взглядом. Кажется, за пару секунд девушка успела сотню раз чертыхнуться: *хотела же встретить его по красоте, а получилось...* Снова через одно место. Злата выдохнула, пытаясь привести мысли в порядок.

Бросаться ему на шею сразу она не собиралась. Слова Милены всё ещё противно зудели внутри, да и желание показать, какая она крутая и самостоятельная тоже вдруг вылезло из ниоткуда.

Однако держать лицо стоило таких усилий, что от перенапряжения у девушки, кажется, стали подрагивать даже кончики пальцев. Пытаясь выбросить из своей головы навязчивое желание прижаться к нему, Злата прикусила губу и задержала дыхание. Она всё также продолжала молчать и наблюдать за реакцией Паши, мысленно гипнотизируя его на какие-то действия.

Только он, похоже, занимался тем же самым: пожимал плечами, ничего не говорил, и вдобавок руки на груди скрещивал. Минуты две они играли в молчанку, не решаясь переступить свою гордость, а потом Паша вдруг просто закатил глаза, махнул головой в сторону одного из кабинетов на первом этаже и... расслабленно улыбнулся. Открыто настолько, что всё внутри девушки неожиданно налилось светом.

И вот что ей оставалось делать? Какая уж тут принципиальность и вид серьёзной женщины, когда сердце колотится, ладошки потеют, а любимый врач стоит буквально в нескольких шагах?

Девушка сильнее сжала ладонями жёсткие папки, выдохнула, признав поражение, и быстренько пошла вслед за Пашей, чувствуя, что ещё немного и точно завизжит от переизбытка эмоции.

Она знала, что ей нужно было собраться, серьёзно обо всём поговорить и всё узнать, однако стоило двери за ними закрыться, как весь первоначальный план полетел к чертям. Злата не думая, на голых эмоциях сделала шаг, придвинулась к нему вплотную, потянула вниз за ткань куртки и пылко поцеловала.

Так просто и отчаянно жарко, что Паша едва не покачнулся на пятках от её напора и знакомой порывистой резкости. Все слова, которые он прокручивал по дороге сюда, внезапно стали неважными, теряясь в этом горячем вальсе тел.

Они касались губами губ друг друга, прижимались ближе, сплетались языками и чувствовали, как постепенно дышать становится нечем от переполняющих изнутри эмоции. Паша привычно зарывался ладонями в её русые волосы, прикусывал губы, тут же зализывая раны языком. В присутствии Златы его постоянно накрывало целым набором нетипичных эмоции, и он совсем ничего не мог с этим поделать.

Не мог и не хотел, потому что рядом с ней было слишком хорошо.

Злата отстранилась также внезапно, как и всегда; привычно начала внимательно всматриваться в его глаза своим затуманенными. От переизбытка эмоции её всё ещё немного трясло, и мужчина в который раз подумал, что такая реакция на его прикосновения нереально тешит самолюбие, и какое-то давно забытое ощущение в душе. Главное только, чтоб опять в свою раковину из неуверенности и страхов не уползла.

— Вообще я тоже соскучился, — внезапно для самого себя шутливо выдал Паша, когда взгляд девушки стал максимально пристальным. Она вредновато хмыкнула, хотя по выражению лица было видно, что она совсем на него не злится, а тоже кайфует.

— Не особо заметно, — привычно фыркнув, отмахнулась Злата, при этом опускать на стопы. Её лицо горело было краснее помидора, а сердце стучало, как у перепуганной птицы. Собственные смелые жесты кружили голову, заставляя чувствовать как-то странно. И вроде бы ей и обнять его сейчас хотелось, а вроде и характер показать, чтоб не думал о себе, невесть что... *Хотя кому она врала? Сама же влюбилась по уши.* — Я вообще-то

обиделась...

Девушка выразительно отвернулась, а Паша вопросительно приподнял бровь, а потом просто усмехнулся. Глупо, но он, действительно, по-настоящему успел по ней соскучился. *По вот этим вот поспешным реакциям, решительным действиям и детским обидам.* Она была такой замороченной, совершенно неподходящей, но почему-то к ней постоянно тянуло, словно примагниченного, и он всегда возвращался к этой нереально сложно мадаме.

— И сильно обиделась? — Наигранно серьёзно уточнил мужчина, большим пальцем поглаживая её худую спину. Хоть и фырчала, но не отстранялась. — По десятибалльной шкале?

— Семь, — немного подумав, ответила Злата. — И то, три балла скосила только за красивые глаза.

Мужчина улыбнулся, глядя на свою хмурую фурию. *Красивая, влюблённая, но такая упрямая.* Ненадолго он отнял руку от её талии, чтобы расстегнуть куртку, немного подумал, а потом всё же достал из внутреннего кармана небольшую коробку.

— Подумал, что цветы некуда будет поставить, а это хотя бы вкусно, — сказал Паша, сразу же отвечая на невысказанный вопрос в удивлённых девичьих глазах. — И без сахара. Не злись.

Врач осторожно вложил в её руки коробку вкуснейшей пастилы и улыбнулся уголками губ. Злата невольно сжала подарок пальцами, отчего-то почувствовав себя в этот момент маленькой принцессой. Может быть, дело было в неожиданном знаке внимания, а, может быть, просто в мужском взгляде. *Родном и совершенно искреннем.*

— Хорошо, теперь обижаюсь на четыре балла по шкале, — неожиданно после повисшей паузы резюмировала Злата, поднимая взгляд на Пашу. Сейчас к нему хотелось просто прижаться и ни о чём не думать. — *Ну и что ты смотришь так... Поцелуй уже меня — я тоже соскучилась!*

Паша усмехнулся, в излюбленной привычке склонил голову вбок и, обхватив девичью талию, притянул Злату к себе, в который раз за день, думая о том, насколько же она невыносима.

Только вот при всём при этом ему, действительно, нравилось её целовать: страстно или, как сейчас, медленно, ласково или с напором. Всё это не имело значения, потому что в моменты их близости по телу начинало разливаться нереальное тепло, а разум требовал продолжения.

Мужчина неторопливо ласкал её губы своими, гладил пальцами шею и чувствовал, как напряжение последней недели начинает понемногу его отпускать. *Хотел же к ней, хотя бы просто увидеть, но не получалось.* А она ведь, действительно, имела право обижаться, но, кажется, почему-то совсем на него не злилась.

— *Обвал в области, оперировал без перерыва почти несколько суток,* — шепнул Паша, постепенно отрываясь от нежных губ и прижимаясь своим лбом к её. — Прости, что не предупредил. Если честно, вырубает на ходу.

Паша усмехнулся, а Злата вдруг осторожно провела узенькой ладонью по его щеке. Он невольно прикрыл глаза, совсем ненадолго позволяя себе уплыть в мягкость её прикосновения.

— *Так устал, но приехал ко мне?* — тихо спросила девушка, невольно задерживая дыхание. Сердце в груди забило так сильно, что даже дышать в одно мгновение стало трудно.

Паша привычно пожал плечами, а потом чуть отстранившись, заглянул в её глаза, сделав тактическую ошибку. *Это были не просто карие глаза, это был затягивающий океан, к которому его тянуло,* словно путника в пустыни. Сейчас он бы с лёгкостью сказал ей всё, что чувствует, и сказал бы правду, но вместо этого честно ответил на искренний вопрос — *И приехал к тебе....*

21. А стыд остался за пределами комнаты

Паша знал, что наглеет и совершенно точно, без зазрения совести пользуется добротой Милены.

Она-то, разрешая ему приехать в фонд, подразумевала скоренький визит, не сильно отвлекающий Злату от работы, или на худой конец просто какой-нибудь скомканный диалог с оправдательным извинением.

Однако вместо этого он вместе со своей бывшей пациенткой не просто занял свободный кабинет, а внаглую разлёгся на диване и притянул несопротивляющуюся Злату вплотную к себе. *Им нужно было поговорить, и тихое место без лишних ушей подошло, как нельзя, кстати.* Минуту каждый из них подбирал слова, думая, как начать диалог.

Почему-то в этот момент все возможные варианты вопросов показались им обоим такими глупыми, мелкими и неловкими, но... внезапно после повисшего молчания девушка вдруг осторожно заговорила *обо всём и ни о чём сразу*. Она не продумывала фразы, не выстраивала красивые обороты, не пыталась что-то приукрасить и в чём-то кого-то упрекнуть: девушка просто делилась с любимым мужчиной тем, что за всё это время накопилось у неё внутри.

Злата рассказывала ему про свою работу в фонде, про то, как тяжело ей было привыкнуть к такому большому количеству детей, про Милену, с которой она недавно поссорилась, про родителей и про всё остальное: *важное и не очень*. Истории лились из неё бурным потоком, а глаза, видя Пашино внимание, и вовсе наливались светом, озаряющим счастьем всё вокруг.

Ей было приятно, ведь мужчина уже давно стал для неё тем единственным человеком, с которым можно было говорить обо всём и ничего не бояться. *У кого-то для этого есть родители, сёстры, братья или друзья, а у неё был Паша.* И она, вопреки опасениям окружающих, теперь совсем не чувствовала себя одинокой и никому не нужной.

Пусть Паша не совершал каких-то красивых киношных поступков, не фонтанировал признаниями и не клялся любить её вечно, он делал неоценимо большее — он заботился о ней и ценил, и Злата ощущала это даже кончиками изящных пальцев.

Даже сейчас, несмотря на усталость, он не перебивал её и не задавал надоедливых вопросов, напротив, мужчина лишь внимательно слушал, *позволяя девушке выговориться и вспомнить всё, что наболело*. В этом они, кстати, тоже идеально дополняли друг друга: Злата любила говорить, а Паша любил молчать и слушать.

Она всегда заполняла тишину, а он не давал ей чувствовать пустоту.

Иногда врач даже думал, что именно этот факт тянул их друг к другу в самом начале. Наверное, это и правда было так, но, на удивление, именно в присутствии Златы ему хотелось говорить: *неожиданно для него самого колкости в больнице перешли в спокойные диалоги, желание избавиться от надоедливой подопечной в "я скучаю"*.

Мужчина не идеализировал девушку и знал, сколько сложностей и проблем несёт взаимодействие с ней, но, при этом, чувствуя, как девичья ладонь, то ли от радости, то ли от волнения всё крепче стискивает его пальцы, не испытывал ни злости, ни раздражения.

Да и было всё-таки что-то интересное в наблюдении за эмоциональной женской реакцией: в том, как Злата хмурилась, кусала губы, махала руками, голосом передразнивала Милену и смотрела на него своими *счастливыми карими глазами*.

Совсем не такими, как в больнице. Другими.

Теми, из которых, наконец, ушло затравленное выражение загнанного в уголок зверька. И пусть в них всё ещё была неуверенность и отражение пережитой боли, но в них больше не было страха.

За одно только это мужчина был бесконечно благодарен этому фонду и немножечко себе. В *едь, если допустить то, что могло произойти той ночью, не будь его смена...* Паша невольно тряхнул головой, отгоняя дурацкие мысли.

Как ни крути, избавиться от страха и опасений до конца, он всё ещё так и не смог, поэтому, несмотря на относительное затишье в борьбе девушки с родителями, он заранее попросил Милену в случае негативных изменений в поведении Златы сразу же экстренно сообщать все детали ему.

Понимал, что глупо и отдаёт контролем, но ничего не мог поделать, потому что, кажется... *Действительно, боялся её потерять.* Особенно, когда между ними всё только стало налаживаться. *Или он просто чересчур по ней соскучился?* Паша усмехнулся, стараясь абстрагироваться и вслушаться в монолог Златы: *явно же не только он один тут скучал.*

— В общем, она вроде бы права, а вроде бы и нет, — заключила девушка, довольно прикрыв глаза от Пашиных поглаживаний по волосам. — Но всё равно как-то обидно. Не настолько уж я по тебе страдала, чтобы бить тревогу.

Злата немного обиженно фыркнула и в поисках защиты по-детски притянула колени к груди. Она злилась на себя за последнее добавление, однако не могла уже ничего исправить. Впрочем, признать правоту начальницы *при Паше* она не смогла бы ни за что на свете.

Девушка знала, что это было глупо, но ничего не могла с собой поделать: показывать ему, насколько он ей важен, она по-прежнему упрямо не желала. Ну, и, если быть до конца честной, всё ещё *немного на него обижалась. Самую малость.*

— Думаю, последнее, что она хотела, это тебя обидеть, — расслабленно ответил мужчина, невольно зевнув. Злата слегка напряглась в его руках, но, получив, заботливый поцелуй в макушку, выдохнула, решив, что просто полежать с ним рядом она сейчас хочет больше, чем спорить. — Милена всего лишь беспокоиться за тебя. Я знаю её сто лет: задеть тебя она не хотела, просто пытается тебя таким образом направить на путь самостоятельности и любви к себе. Психологический момент в поведении педагога.

— Можно подумать, я сама этого не хочу и не двигаюсь в этом направлении! — Злата закатила глаза, некоторое время помолчала, а потом поражённо пожала плечами. — Да и не злюсь я на твою Милену... *Просто всё навалилось как-то... Всё новое, тебя рядом не было.* Я успела так себя накрутить, что сама стала сомневаться в своей адекватности. И понимаю же, что у тебя работа, и я не твоя головная боль, но всё пошло как пошло. Не думай там о себе невесть что, я просто была немного напугана, растеряна и никого не знала.

Паша улыбнулся, чуть приподнявшись на локтях, чтобы внимательнее посмотреть в эти явно лукавящие глаза. Злата же хоть повозилась на месте, положение менять не решила, всё также обнимая мужской торс. Было хорошо и уютно, но девушка чувствовала, что ещё немного, и они явно повздорят. *Может, мелко, может, крупно, в общем, как пойдёт.*

— Как будто я бы куда-то от тебя делся, — шутливо заметил Паша. — Впрочем, ты всегда видишь тайные знаки там, где их нет, как и любая представительница женского пола. Вы всё переворачиваете с ног на голову, пытаетесь найти новый повод для страдания вместо прямого вопроса.

В последних словах мужчины было столько иронии, что юношеская гордость Златы тут

же вспыхнула ярким огнём. Всё-таки его высокомерие и снобизм всегда немало подбешивали девушку, изменить этого не в силах оказалась даже влюблённость. Обида, тщательно спрятанная внутри, стала рваться наружу, и Злата больше не посчитала нужным её сдерживать.

— Вот не надо тут занудствовать, — заметила девушка елеинно-милым тоном. Она всё же привстала, забралась на мужские колени, предварительно поставила руки по обе стороны от крепких бёдер и высокомерно посмотрела в эти наглейшие глаза. Раскаяния в них заметно не было. — Твоё *"отнесение"* к мужскому полу, например, не отменяет того факта, что ты... *эгоист*. Мог бы позвонить, не целые сутки же оперировал! Так что, дорогой мой врач, потешить себе самолюбие, потрепав мне нервы, ты тоже любишь!

Безбашенный вызов в карих глазах показался мужчине прекрасным.

Девушка хмурила брови, в раздражении поджимала губы и смотрела на него с таким огнём во взгляде, что спор мужчину стал заботить мало. Ему вдруг резко захотелось сделать с ней *кое-что другое*.

Неприкрытое желание, вызванное близостью желанного тела, прострелило в голове и не собиралось отпускать. Дышать стало трудно, джинсы в одно мгновение стали узкими, а в голове не осталось ни единой благоразумной мысли, кроме одной, стучащей отчаянным набатом: *оттолкни, потому сам я уже не могу остановиться*.

Злата же не отстранялась, напротив, продолжала испытывать своего врача взглядом, разгорая ещё больше. Она видела, что *он же совершенно внаглую смотрел на её нервно вздымающуюся грудь и покусанные губы*. Видела, что он игнорирует даже её вежливое покашливание.

Видела — и ей это нравилось.

Нравилось, как простая игра постепенно переходила во что-то нестерпимое жаркое и заставляющее гореть. Злата ещё шире распахнула глаза, а потом вдруг совершенно бесстыдно повела бёдрами: настойчивым движением вверх и вниз, за минуту ощущая мощь мужского желания.

Паша закинул голову назад, проигрывая в этой молчаливой битве; он, как мальчишка стиснул зубы, сдерживая стон, но в следующую секунду опустил ладони на сводящую его с ума задницу Златы и отчаянно сжал, вырывая из маленького тельца тихий, полный ожидания всхлип.

Кажется, и его, и её понятие о стыде и неловкости остались далеко за пределами этой комнаты.

Где-то минуту они продолжали тупить, как два идиота, чего-то выжидая и борясь с собой... А затем Паша сдался, настойчивым движением притягивая Злату к себе настолько близко, чтобы она ощутила жар его тела, силу желания и ритм бешено колотящегося сердца.

Девушка тоненько простонала и тут же от тянущего напряжения приоткрыла губы, стараясь захватить, как можно больше воздуха, но её рту Паша мгновенно нашёл, куда более интересное занятие. *Самое невинное из тех, что крутились у него в голове.*

Его обветренные и сухие губы прижались к её губам так быстро, что Злата, даже если бы захотела отстраниться, просто бы не успела этого сделать. *Ей не оставили и шанса.*

Но она и не хотела: мужской напор подчинял волю, заставляя вчерашнюю скромницу нетерпеливо ёрзать на нём, словно голодная кошка. Злата слишком сильно хотела ощутить его снова, внизу живота неконтролируемо разгорелся знакомый пожар и казалось, что ещё немного и только от Пашиных касаний она взорвётся нестерпимым удовольствием.

Этот мужчина будил в ней какие-то совершенно дикие чувства и заставлял совершать совершенно несвойственные вещи, игнорируя неловкость и стыд. Она седлала его бёдра, обвивала руками шею, сжимала ногтями кожу шеи, стаскивала мужскую водолазку и настойчиво направляла его пальцы к сосредоточению своего удовольствия.

Ещё немного, всего пара касаний. Плевать, что через тонкую ткань трусиков. Злата всхлипнула, выгнулась дугой, ощущая настойчивые поглаживания именно там, где нужно. Она постанывала, царапала ногтями Пашину спину, стискивала колени, игнорируя неудобство и скрип дивана. Ещё чуть-чуть... Совсем немного.

— Пааааша, — отчаянный всхлип, смешанный со стоном, разлетелся по кабинету, мешая соображать и окончательно срывая в голове мужчины все предохранители. — *Паши-аааа....*

Острая вспышка удовольствия накрыла оглушающе настолько, что, кажется, у Златы даже подогнулись пальчики на изящных ступнях. Сердце застучало, как бешенное, а глаза, кажется, на минуту перестали видеть. Девушка прикрыла их, пытаясь прийти в сознание, но, будто через пелену услышала нетерпеливый мужской рык, а потом ощутила пальцами что-то мокрое. Она бы обязательно покраснела от пришедших в голову мыслей, если бы были силы... *Если бы...*

— Кхм-кхм! Кхм-кхм!

Раздавшееся настойчивое покашливание дошло до них, кажется, минут через пять после его начала. Злата непонимающе прищурилась и качнула головой, почему-то не понимая, где находится источник звука. Наверное, такая заторможенность объяснялась тем, что у неё просто не было сил на анализ: мысли скакали в голове, словно кузнечики, дыхание усиленно старалось прийти в норму, и единственным, что в этом расслабленном ощущала девушка, было тепло в районе плеч. Только с опозданием до неё дошло, что, видимо, так Паша прикрыл её своей курткой.

Минуты через три слегка расфокусированный взгляд Златы всё же уловил фигуру начальницы. Стало неловко, а сердце от волнения и стыда начало тарабанить с усиленной скоростью. Даже краска активно прилегла к щекам и явно не собиралась сходить: Злата чувствовала жжение в щеках и начинающийся лёгкий зуд в районе ладоней. *Так бывало всегда, когда она нервничала.*

Спасла её от проницательного взгляда Милены и собственных самобичеваний, кажется, только быстрая реакция Паши. Он совершенно спокойно приподнялся на локтях, без суеты застегнул на перепуганной девушке куртку и расстёгнутые джинсы, усадил на свои колени и уткнул свою юную ромашку лицом в крепкое плечо.

Её нервозность он ощущал кожей, поэтому, вопреки привычкам и нелюбви проявлять чувства на людях, мужчина успокаивающе сжал пальцами худенькое женское бедро. Он собирался что-то сказать, но Милена, едва сдерживающая смех всё-таки успела его опередить.

— Так, дорогие мои, — шутливо начала начальница, скреживая руки на груди. Она пыталась строить серьёзную грозную мину, чтобы сдержаться от дикого хохота, только толку в этом ни оказалось никакого. От слова совсем. — Вижу, что переговоры прошли успешно, но, ребятки, без обид... Не лучшая локация. Во-первых, здесь дети под дверями пробегают, а, во-вторых, лишние уши. Так что... Злата, доделай последнее поручение с папками и идите-ка радоваться жизни домой. Завтра жду на работе.

Женщина подмигнула Паше, на лице которого ни дрогнул ни один мускул, попрощалась

со Златой, так себя не пересилившей и не посмотревшей ей в лицо, и просто тепло улыбнулась. Как ни крути, видеть старого друга таким расслабленным и спокойным было чем-то из рода фантастики: так что пускай едут и отдыхают, а то скучают так, что от искр между ними, того и гляди, вспыхнет пламя.

— Какой позор... — шепнула Злата, качая головой. Смелости, несмотря недавний концерт, не хватало даже на то, чтобы поднять взгляд на Пашу.

На минуту девушка представила картину, представшую глазам начальницы: она, сверху сидящая на мужчине, покрасневшая, кричащая, безумно растрёпанная... *Да-а-а-а*. Милену явно впечатлило, впрочем, девушка и сама от себя такого не ожидала. Что-то просто перегорело и как пошло... *Ох...*

— А вообще, — девушка на секунду задумалась, а потом всё-таки проговорила пришедшую в голову эгоистичную мысль. — Вроде бы и стыдно, а вроде бы... могла и сделать вид, что не заметила...

В последней фразе Златы было столько детского возмущения, что Паша не сдержался, начиная смеяться в голос. На контрасте с пунцовыми щеками такие заявления были чем-то из ряда вон выходящим. Всё-таки с этой загадкой ему повезло. Права его приятельница, будущая капризная начальница растёт.

— Согласен, — не стал спорить Паша, слыша тихий девичьи смех в ответ. Она обвила его шею своими руками и, наконец, всё-таки нашла в себе силы посмотреть в мужские глаза. В них было столько открытости и теплоты, что на душе сразу стало легче. — *Ладно, поехали домой, а то нас скоро точно убьют за разврат в стенах этого храма любви и детей.*

До дома Паши их всё-таки подвёз водитель Милены, чтобы не привлекать лишнего внимания. Прятали её перед этим, правда, не хуже кинозвезды: надели какой-то восточный платок и из рук в руки передали доверенному человеку, через некоторое время занял место рядом с ней и врач.

Конечно, умом Злата понимала, что подобное поведение сейчас можно вполне счесть легкомысленным, однако, если честно, девушке до этого не было никакого дела. Почему-то все разумные доводы уже давно таяли в её голове стоило Паше появиться в зоне видимости. Желание быть с ним начинало затмевать разум и немного превращало её в дурочку. *Самую малость.*

Впрочем, вопреки киношным представлениям и бульварным романам, Паша не набросился на неё в прихожей, не прижал к стене и не начал шептать вызывающие пошлости. Напротив, он просто спокойно вошёл в прихожую, помог ей снять лёгкую курточку и сразу показал, как пройти в гостиную, при этом позволяя осмотреться.

Мужчина не давил, не прикасался без лишней необходимости, и почему-то эта мелочь вселила в Злату уверенность, что всё будет хорошо. Нервозность прошла сама собой, уступая мест ожиданию.

Руководствуясь любопытством, девушка всё-таки прошла и осмотрелась. Впрочем, рассматривать-то было и нечего. Однокомнатная квартира Паши оказалась совсем небольшой, серой и почти пустой. Из мебели там был только небольшой шкафчик, тумбочка и диван. Интересно, что сама квартира и её интерьер абсолютно ничего не говорили о хозяине.

— *Небогато живёте, Павел Аркадьевич,* — шутливо заметила девушка, опираясь спиной на стену позади себя. — Как-то совсем скромненько.

— В сравнении с дочерьми олигархов живу вообще за чертой бедности, — отмахнулся Паша, пожав плечами, не забыв в привычной равнодушной манере добавить. — Платок свой конспирационный сними.

Злата закатила глаза и потянулась руками назад, чтобы развязать узелок сзади, но с первого раза не получилось. Девушка прикусила губу, попытавшись проделать этот финт ещё раз, но неожиданно, сжалившийся над мужчиной, подошёл ближе.

— Тише, не дёргай так, с моторикой рук вообще беда, что ли? — И хотя его голос звучал, как всегда, грубо и насмешливо, Злата успела почувствовать, как заботливо он развязывает узелок и стягивает платок с её волос, позволяя им в беспорядке рассыпаться по плечам. — Вот и всё.

Однако, несмотря на высказанные слова, Паша замер, всё ещё не отводя от неё своих карих глаз. Мужские пальцы продолжали касаться мягких и немного спутанных локонов. И вдруг открытые, бесхитростные взгляды двух людей как-то неожиданно иначе остановились друг на друге, знаменуя *обратный временной прыжок*. Тот, в котором всё, словно бы, внезапно для них самих застыло и растворилось, в одно мгновение став неважным. Так, как никогда раньше.

И почему-то ровно в этот момент... им обоим больше ничего было не надо.

Злата опустила глаза первой, чувствуя, что ещё немного, и её сердце, действительно, без преувеличения остановится от накала чувств и эмоций сегодняшнего дня.

— Голодная? — спустя какое-то время спросил Паша, тоже удивительно медленно для себя выходя из привычного наваждения. — Можем заказать что-нибудь.

Злата покачала головой и нежно улыбнулась, а потом вдруг неожиданно вспомнила кое-что и торопливо добавила:

— У меня есть... пастила, будешь?

— Давай, — согласился Паша, совершенно не ощущая голода. Такой был переход от разгорячённого состояния в чужом кабинете до пассивно-расслабленного сейчас настораживал даже его самого, уже повидавшего многое.

Девушка кивнула, аккуратно доставая из оставленного недалеко пакета красивую коробку. Открывать её всё же было немного жалко, но Злата решилась. Запечатлела в памяти симпатичный вид очередного Пашиного подарка, осторожна вынула пастилу и как-то немного боязливо поднесла к губам мужчины. Он усмехнулся, но приоткрыл рот, откусывая кусочек. Особого восторга на лице врача, конечно, не появилось, но то, что он не отстранился уже дорогого стоило.

— Вот, будешь также тухнуть на своих операциях, сама буду приходить под двери больницы и караулить, — проворчала Злата, тоже откусывая кусочек. Глаза от удовольствия прикрылись сами собой — нереально вкусно. Сладко, но в тоже время совсем непритерно. — Кстати, мне же нельзя сладкое.... товарищ доктор?

Невольно вспомнилось, как в начале знакомства Паша отчитал её за шоколадку. Девушка хитро улыбнулась и прищурила глаза, решая его поддразнить, однако любимый врач без труда отбил коварную атаку:

— Она без сахара, так что ешь.

— А вы внимательный, товарищ доктор, — улыбнулась Злата, откусывая новый кусочек.

— А ещё заботливый, — не стал скромничать Паша и из вредности совершенно по-детски *утащил* их её рук выбранный кусочек. — Так что не пытайся меня подловить. Я почти идеален.

— Я бы сказала идеально-вредный, — заметила Злата, снова посмотрела на него своим наивным взглядом, а потом осторожно отложила коробку, вставая на носочки. — Но, несмотря на твои заскоки, я всё равно соскучилась. Прости, что наехала просто... перемешалось всё.

Мужчина улыбнулся, поражаясь терпению столь юной девочки. Можно было бы, конечно, оставить всё так и не признавать, что он тоже накосячил, но это было бы нечестно. И хоть оправдываться он не любил, сегодня решил снова сделать исключение.

— Никогда не замалчивай то, что тебя беспокоит. — Нехотя напомнил Паша, поглаживая пальцами девичью щёку. Его безумно тянуло к тактильному контакту, и он ничего не мог с собой поделать. — Тем более... в своих претензиях ты права. Но за четыре последних дня я спал от силы часов десять и то урывками. Запомни, что чрезвычайные ситуации в работе врача не спрашивают о его возможностях. Обвалы разбирают сутками, не всех везут сразу, к большей части людей надо приезжать и оказывать помощь на месте, чтобы у них был шанс дотянуть до больницы. В этой ситуации практикующих хирургов не спрашивают. Особенно тех, кто когда был связан с неотложной.

— А ты был связан? — непонимающе уточнила Злата, пытаясь быстро уложить в голове всю картину происходящего. О врачах она знала мало, но... — Как в "Склифосовском"?

— Проходил там ординатуру, — закатив глаза, ответил Паша. Вспоминать это время он не любил, много страшных воспоминаний. Злата это заметила и уткнулась носом в плечо. — Поэтому сериалы об этом смотреть без брезгливости и отвращения не могу, но темп работы там показан, действительно, почти реально.

— А что обвалилось? В новостях об этом не писали... - непонимающе спросила Злата, поднимая на него взгляд испуганных глаз. Картины одна хуже другой начинали плясать перед глазами испуганной девушки.

— Это закрытая информация, вина застройщика, имя которого нельзя разглашать, — тут же отсёк Паша, не давая ей даже договорить вопрос до конца. Он не хотел ей врать, особенно глядя прямо в глаза, но соврать тоже не мог. — Об этом вообще нигде не стоит говорить, договорились?

— Договорились, хотя это не отменяет того факта, что застройщик... сволочь, — возмутилась девушка.

— Согласен.

Паша не стал говорить, что весь город уже наполнился слухами о том, что именно её отец виноват в случившемся, однако всем кричащим уже довольно эффективно заткнули рты. Он руководил проектом, только вот сказать всё это Злате сейчас значило вырыть себе и ей могилу. Знать это девушке было не нужно, по крайней мере сейчас, когда её психологическое здоровье хоть немного окрепло.

Злата кивнула, решая не продолжать тему, но один давно мучающий её вопрос задать всё-таки решила.

— Врач — это такая ответственность, почему решим им стать? — уточнила девушка, прикусывая губу. Почему-то подсознательно ей всё время казалось, что именно за выбором профессии стоит какой-то важный момент из жизни Паши, о котором он никому не хочет говорить.

— Не люблю быть беспомощным. — Не стал лукавить мужчина. — А теперь... иди-ка сюда, любопытная Варвара.

Паша усмехнулся, резко и крепко обхватил ладонью талию Златы и вплотную прижал к

собственному телу, настойчиво заглядывая в глаза, в которых плескались только влюблённость и доверие. Мужчина прикрыл глаза, выкинул все пустые мысли из головы и наклонился, чтобы поцеловать эти полные губы, одновременно чувствуя, что этим вечером убежать от собственных желаний не получится ни у кого из них.

22. Срыв

Наверное, всё дело было в том, как Злата на него смотрела. С нежностью, желанием и чем-то ещё настолько *необъяснимо приятным*, что иногда даже дышать в её присутствии становилось трудно. *Ему нравилось просто смотреть на неё, нравилось подшучивать и безумно нравилось видеть, как она краснеет, когда её мысли уходят в стыдливое направление.*

Несмотря на все её остроты, пикировки и проявления инициативы, мужчина прекрасно знал, что под этим образом, на самом деле, скрывается маленькая испуганная девочка, которой хочется любви и внимания. И хотя она старается казаться нетребовательной и рассудочно-взрослой, в действительности это стоит ей огромных усилий и эмоционального напряжения. Паша это знал и поэтому особенно ценил её попытки найти компромисс, на который, к сожалению, большая половина встречавшихся ему женщин была никогда не готова.

Ведь возраст человека не определяет его эмоциональный интеллект и умение дорожить ценностями другого, вопреки собственным взглядам. В этом Злата была куда взрослее него, уже довольно многого повидавшего в жизни: *она всегда старалась понять и принять*, этому Паша в последнее время тоже начал у неё учиться, постепенно смягчаясь и осмысленно контролируя свои высказывания.

Кстати... как оказалось, пар дикого желания они оставили в кабинете Милены, вспышка исчезла также внезапно, как и началась, однако ей на смену пришло кое-что другое. Что-то не менее значимое и ценное. То, что в движениях и взглядах друг друга могут прочитать только двое.

Магия, недоступная другим.

Они смотрели друг на друга, ощущали напряжение кончиками пальцев и думалось, даже сдерживали громкие вздохи, чтобы не разрушить тишину.

Мужчина не хотел её пугать — она не решалась сделать первый шаг.

Стояли, молчали, анализировали что-то, а потом вдруг кто-то из них совсем немного потянулся к другому, едва заметно, *фактически на миллиметр*, но этого оказалось достаточно, чтобы сломать невидимый барьер и позволить опасениям покинуть голову. Выдохнуть и поддаться той нежности, успевшей за это время скопиться в душе и в мыслях.

Паша непривычно мягко гладил ладонями её спину, при этом едва прикасаясь к ней руками. Невесомо, но в тоже время так ощутимо приятно нажимая на самые приятные точки, так Злате иногда приходилось задерживать дыхание от подступающих нежных ощущений. Однако мужчина не давил и дальше, просто продолжая чередовать лёгкие касания с чувственными поцелуями.

Сердце в груди девушки от этих действий колотилось как сумасшедшее. Она отвечала на его ласки, скользила по суховатым мужским губам языком, переплетала их ладони и подавалась вперёд, невербально разрешая ему всё, что он только захочет.

Свободной рукой Паша ласково коснулся её шеи. Он мгновенно ощутил, как усиленно забила пульсирующая жилка. Она хотела, но при этом боялась, и Паша очень хорошо это чувствовал, стараясь быть максимально внимательным. Злата льнула к нему, старалась ни о чём не думать и просто наслаждалась происходящим. Ей хотелось пойти дальше, хотелось испытать всё, но. .. *Страх, сидевший внутри уже очень долгое время заговорил тогда, когда*

она меньше всего хотела его слушать.

Ощущения из детства вернулись к ней настолько быстро, что Злата не успела их оттолкнуть или остановить. Процесс запустился так быстро, что сознание не успело его восприятия в отличии от тела, которое мгновенно сковало. Руки стали дрожать, а дыхание из прерывистого превратилось в болезненное.

Злата прикасалась к его плечам трясущимися пальцами, выдыхала, отчаянно пытаюсь привести своё эмоциональное состояние в норму. *Не выходило.* Картинки и слова в голове играли рефрена, заставляя чувствовать себя беззащитным ребёнком. *К ак тогда. Снова.* Она снова боялась.

Боялась сделать что-то не так, боялась испортить всё какой-нибудь внезапной слабостью или страхом, боялась настолько многого, что трудно было сказать. Боялась сделать недостаточно. Не так, как другие... Она ведь всегда всё делала не так, и они уходили...

Страх заполнял тело всё больше и переходил в сознание, заставляя слёзы скапливаться в уголках глаз. Злата старалась с прежним пылом отвечать на мужские поцелуи, однако душа её была уже не здесь. *Она снова оказалась в клетке и боялась, что дверь из неё больше никогда не откроется.*

Злата мысленно повторяла себе, что сейчас перед ней не прошлое, а Паша. Её несносный врач, который никогда не обидит и не причинит вреда. Если бы хотел, он бы ведь ушёл раньше... Ушёл был?

"Я ему нужна. Он не уйдёт, если я что-то сделаю не так" "Я справлюсь. Не оттолкну. Он останется. Он не бросит. Я верю" "А если недостаточно... Если снова недостаточно, я и..."

Лёгкая шифоновая ткань скатилась по плечам девушки, и в тот же момент Паша от неё отстранился, внимательно глядя в глаза. Уловить напряжение было нетрудно, но его источник явно допускал несколько возможных толкований. Злата снова начинала выглядеть подавленной, *такой же, как в её первое поступление в больницу.* Неживой и перепуганной.

— Прости я...

Она попыталась что-то сказать, зачерпнуть судорожным глотком воздух, но Паша лишь покачал головой, перебивая её. Он знал, что сейчас Злата снова попытается оправдаться и один этот факт ударил его самолюбие больше, чем обычный отказ.

— *Не надо заставлять себя, если не хочешь,* — чётко проговорил мужчина. Так уверенно и спокойно, чтобы она точно услышала. Он провёл большим пальцем по её мягкой щеке и устало улыбнулся. — Я не стану относиться к тебе по-другому из-за этого, что ты к этому шагу не готова. Не мучайся, хорошо? Посмотрим фильм или поедим или...

Услышав последние слова Паши, Злата прикрыла глаза. На глаза начали набегать слёзы и спрятаться от них не выходило. Девушка не хотела срываться при Паше, но её накрыло так, что сбежать не вышло. *Ей хотелось плакать. Плакать. Всхлипывать и рыдать.*

От собственных страхов и главное от того, что в голосе Паши *она так и не услышала недовольства и осуждения, которого ждал* а. Оно сопровождало её всю жизнь, а сейчас мужчина ласково смотрел на неё и даже не выглядел раздражённым. Он ни убегал, ни просил уйти, а просто стоял рядом и держал её за руку, как маленькую девочку.

Паша молчал и ничего не говорил, просто в какую-то секунду внезапно обнял, прижал к себе и дал проплакаться на плече. *Её невыносимый и грозный врач снова утешал и ничего не требовал взамен. Ни раньше. Ни сейчас.* А она снова вешала на него свои проблемы. От

осознания собственного ничтожества и слабости, девушки всхлипнула ещё сильнее.

Злата не считала времени, теряясь в пространстве и продолжая плакать. Она цеплялась пальцами за его футболку, мочила слезами плечо и шептала что-то совсем неразборчивое. Паша не мешал ей, только чувствовал, как девичья боль отдаётся в нём с такой же силой. *Хотелось просто ударить тех людей, которые планомерно доводили собственного ребёнка до такого состояния.*

Врач знал о проблемах Златы и всегда был подсознательно готов к её срывам и истерикам. Психолог советовал проживать это вместе, и они, действительно, старались делать это именно так. Во всяком случае через несколько десятков минут всхлипы начинали стихать, а прерывистое дыхание становилось ровнее.

— Что случилось? — всё же спросил мужчина, когда Злата перестала плакать и по-детски трогательно обняла его за шею, тут же утыкаясь в неё своим холодным носом. — Как ты?

— Я... Я испугалась, что разочарую тебя, — честно выдала Злата слегка дрожащим голосом. — Прости мне просто стало страшно, что ты поймёшь, что я — ущербна и уйдёшь. Я...

Она снова начинала дрожать, а Паша привычно прижимал её ещё теснее, своей реакцией блокируя новый приступ.

— Всё хорошо, игрушка моя, — выдохнул мужчина, шепнув это осторожно на ушко. — Я с тобой... Всё хорошо...

22. Доверие — это несложно

Лежать на его плече и говорить о том, что беспокоит, оказалось совсем несложно.

И пусть сначала слова едва складывались в предложения, внутренности душил стыд и страх, а голос звучал необычайно тихо, всё было именно так, как было нужно именно *сейчас*. Несмотря на опасения, страхи и множество разниц, стоящих между ними.

Конечно, в эти напряжённые моменты Злата чувствовала себя комком нервов: сжималась, тряслась и, кажется, в какой-то момент едва дышала, но тем не менее продолжала идти вперёд, наперекор собственным прежним установкам, *чувствуя при этом пальцами горячую мужскую ладонь и ощущая поддержку каждой клеточкой своего тела.*

Паша не перебивал, не задавал вопросов, а просто слушал, не забывая ласково гладить худую спину. Он мысленно ловил каждую фразу, старался всё обдумать и сделать выводы. Мужчина не был психологом, однако тем не менее внутри него всё равно отчётливо назрело осознание: *этой девочке нужен не столько врач, сколько любящий человек, находящийся рядом и не собирающийся уходить.*

Ребёнок, выросший без любви и внимания, несмотря на отчаянные *их* поиски, не может просто так взять и поверить в чью-то привязанность. *И винить такого человека в этом тоже самое, что винить астматика в его собственной болезни.* Так сложилось в виду объективных причин и теперь остаётся только корректировать последствия.

— Я боюсь не справиться, — после очередного эмоционального всплеска сбивчиво заключила Злата, стараясь сдержать очередной всхлип. — Не справиться с работой и со своими чувствами. Мне *страшно, что мои эмоции снова будут неправильными...* Вдруг я... оттолкну тебя неопытностью, навязчивостью или чем-то ещё, о чём даже не догадываюсь? Я пытаюсь быть сильной и взрослой, но у меня постоянно не получается... Как будто что-то сбивается, и я звоню с претензиями дурочки и требую внимания...

— Боишься, что я уйду, если ты перестанешь держать? — спокойно уточнил Паша, мягко поглаживая большим пальцем руку девушки. Он не старался сделать свой тон притерно-сладким, напротив, сохранял в голосе привычную строгость. И хотя он видел, каких трудов стоило Злате такое *"очевидное для него"* признание, повести себя по-другому было сейчас нельзя. *Грань между жестокостью и жалостью всегда поразительно тонка.* — Злат, ответить-то всё равно придётся, я мысли читать не умею, а вечно бежать от правды не вариант, всё равно накроет.

Девушка прикрыла глаза, ухмыльнулась сквозь слёзы, а потом осторожно кивнула, как бы отвечая на высказанный вопрос. Ещё несколько минут Злата продолжала молчать, всё ещё немного сопя носом и ожидая его реакции, способной или подарить, или отнять последнюю надежду. Своими откровениями Злата раз за разом вверяла ему свою душу и теперь ей оставалось только ждать и верить, что её чувства не втопчут в грязь.

Паша разрушать её опасения не спешил, выжидал паузу, тщательно обдумывая последующие слова. Нужно было взвесить каждое слово, чтобы не сделать хуже и не спровоцировать защитную реакцию девушки. Откат назад в их непростой ситуации стал бы фактическим поражением. Мужчина устало выдохнул, привычно нахмурился, а потом вдруг осторожно притянул Злату к себе и ласково поцеловал в макушку.

Так просто и быстро, что девушке тут же облегло выдохнула. *Дикое желание свернуться рядом с Пашей в клубочек в этот момент, казалось, стало просто*

невыносимым и ощущаемым даже кончиками пальцев. Впрочем, именно это она и сделала, несмотря на напряжённость ситуации.

— Боясь и сдерживая себя во всех порывах ты делаешь только хуже. Ты постепенно убиваешь себя, стараясь стать удобной для остальных, — уверенно ответил на невысказанный вопрос Паша. *Без тактичности, но с искренностью, которую Злата так в нём любила.* Под его приятными поглаживаниями думать о тяжёлых вещах становилось проще. — А ведь те, ради кого ты это делаешь, в большинстве своём недостойные люди. *Даже я...*

Девушка нахмурилась и покачала головой, заставив Пашу усмехнуться. Правда же, хотя приятно, что он нравится ей и таким, какой он есть. Но тем не менее розовые очки тоже надо раскалывать, иначе впоследствии сыграет злую шутку.

— Просто, Злат, я хочу, чтобы ты поняла, при всех моих недостатках я не преследую цели тебя обмануть. Да, эти слова не равны тому, что мы проживём вместе всю жизнь и родим десять детей. Это придётся принять, потому что жизнь устроена так, что ни один врач, экстрасенс или астролог не предскажет тебе все события жизни с точностью до года. — Паша, провёл ладонью по светлым волосам и внимательно заглянул в испуганные глаза. — Ты мне нужна, и я хочу быть с тобой. Однако в будущем может случиться всё, что угодно, при этом счастьем в настоящем ничего не мешает, кроме твоих родителей, конечно. — Мужчина выждал паузу, а она привычно улыбнулась, утыкаясь носом в её плечо. — Они — суший кошмар. Интересно, как у них могла появиться *вполне адекватная ты.*

Злата снова рассмеялась и с лёгкой усмешкой подняла на него взгляд. Она очень внимательно его слушала, но, кажется, как истинная женщина, особенно внимательно запомнила лишь *фразу о том, что ему нравится.* Не то, чтобы остальное было неважно, просто в сотый раз осознавать его привязанность к ней было по-особенному волнительно.

— Между прочим, я не вполне, *а вообще* адекватна, — въедливо подметила Злата, по-детски обнимая его обеими руками. — И всё понимаю, но не хочу домой возвращаться. С тобой так хорошо здесь, что ничего не надо. Да-да ванильные сопли и не начинай ворчать...

Злата закатила глаза, пытаясь перевести разговор в шутку и не дать мужчине шанса испортить её сентиментальное настроение, но Паша снова умудрился её удивить, потому что не стал включать режим брутального и вредного доктора. Напротив, он пробежался пальцами по её спине, притянул к себе вплотную и ласково посмотрел в глаза.

— Вообще, я тоже не хочу тебя возвращать, — признался мужчина, усмехаясь. — Надо, а не хочется. Пропадать не хочется и отпускать тебя фиг знает насколько тоже. Одним словом, Злат, *ты — моя задачка со звёздочкой. С самого начала.*

Паша улыбнулся, а Злата вдруг пересела на его колени и в который раз за день посмотрела в глаза. *Они были такими красивыми, открытыми и ничего от неё не ждали:* не требовали, не принуждали, просто блестели так, словно бы она была самой красивой девушкой на земле. *И за одно только это Злата могла бы позволить ему всё, что угодно.*

Было удивительно, но впервые ей захотелось поверить в то, что даже с красным, опухшим от слёз лицом она всё равно ему нравится. Вот так просто: *ни за что и просто так.* Девушка неловко потянулась к его губам и положила ладони на щёки. Сейчас всё почему-то чувствовалось правильно и почему-то совсем не было страшно. *Просто позволить... Просто не бояться... Просто чувствовать, а не думать...*

И она не перестала бояться.

Не ощущала страха, когда он стягивал её кофту по плечам. Не тряслась, как осиновый лист, когда его жаркие прикосновения, сантиметр за сантиметром ласкали хрупкое тело. *Не пыталась закрыться, когда он увидел её обнажённой.*

Слова Паши всё ещё звучали в голове, били настойчивым набатом, придавая сил. Однако его взгляд сказал всё красноречивей слов. Он подтверждал, что она любима. *На тех, кто не нужен так не смотрят: с обожанием, нежностью и чем-то ещё таким непонятным, что трудно дышать.*

Злата сжимала пальцами сильные плечи, отчаянно целовала Пашины губы, прижимаясь сильнее и растворялась в нём без остатка. Кажется, она кое-как стянула с него ненужные вещи, а дальше память девушки не оставила ничего, кроме его *такого серьёзного взгляда*. Раньше Злата никогда его таким не видела, а сейчас ощущала, как сильно ему важно не навредить ей. *И пусть не было ласкового тона, было кое-что более важное.*

— Будем немного больно, потерпи... — предупредил Паша, опуская ладонь вниз. Злата была поразительно готова, но он медлил. Причинять ей даже случайную боль безумно не хотелось. Кажется, такое волнение сам Паша чувствовал в свой первый раз.

А она почему-то смотрела на него с таким доверием, проводила ладонью по небритой щеке, которую он ловил губами, и улыбалась привычной шутливой улыбкой.

— Всё вытерплю с тобой, мой хирург, — ответила она, видя, как мужчина медлит, выгнулась и подалась вперёд, прикусывая губу. — Вся боль уже прошла...

— Давай без пафоса, я всегда щедро добавляю обезболивающее, — усмехнулся Паша, снова прикасаясь поцелуем к нежным губам, уже распухших от его поцелуев.

— Тогда добавь его... побольше...

И мужчина снова поцеловал её. Терпко, с нажимом и страстью, пытаясь выразить всё то, что накопилось в душе. Руки Паши снова заскользили по телу, обласкали каждый участок и внезапно стало хорошо-хорошо, Злата приоткрыла губы в немом стоне, и в этот момент он осторожно вошёл в неё. *Так просто и нежно*. Девушка тут же инстинктивно обвила его ногами и немного зашипела.

Боли не было, но какое-то непонятное чувство волнами расползлось по телу, Паша, внимательно следящий за её реакцией, сразу же заметил лёгкий испуг в карих глазах. Она храбрилась, но мужчина чувствовал, как сильно ей поддержка. Он прижался своим лбом к её. *И пусть это была ваниль, от которой у него сводило зубы, сейчас он должен был дать ей уверенность в том, что всё в порядке, и она любима. Остальные толкования излишни.*

— Всё хорошо, — шепнул он, целуя Злату в переносицу, перенося вес собственного тела на руки. Он приподнялся и снова посмотрел на неё. В её глазах не было страха, зато была... любовь. *Такая неприкрытая, что, кажется, могла ударить током*. Невольно Паша пообещал себе, что в следующий раз для неё всё будет по-другому: лучше, ярче, без неловкости и испуга.

Злата же ни о чём не думала, просто наслаждалась, готовая принять всё, что он ей даст, потому что верила, что не обидит и не посмеётся.

— Знаю.

А дальше, всё действительно, стало хорошо. С любящими глазами, с жадными стонами, которые она запомнит на всю жизнь... С первым необычным наслаждением: ещё неуверенным, но таким волнительным. *Таким, когда ты настолько дорожишь человеком, что вверяешь ему себя и ничего не просишь взамен.*

Уже после они просто лежали на заново заправленной кровати и тихо говорили. Наслаждались теми редкими часами, когда не нужно было опасаться слезки и страхов. *Скоро это время, к сожалению, должно было истечь.* Однако они старались игнорировать этот факт.

Злата успела принять душ и внаглую прикарманить водолазку Паши. И тот хоть и закатил глаза, но ничего не сказал. Бурчать Паше не хотелось, тем более после всего того, что произошло за этот день, но, видимо, несмотря на его терпение, вопросы девушки сегодня иссякать не собирались.

— А почему ты выбрал меня? — внезапно спросила она, смотря на него своими хитрыми карими глазами. Вопрос прилетел ниоткуда и застал врасплох. — Я всегда задаю тебе этот вопрос, а ты не отвечаешь. Может, пора приоткрыть завесу тайны?

Паша прикрыл лицо рукой, изображая *"крайнюю обескураженность"*: целый день он втолдыкивал ей, что влюблён, а в конце получил утверждение, что этого было мало и заодно вопрос — почему? *Гениально... Как в задачке по геометрии: не только найди решение, но ещё и доказательство приведи.* Да уж... от абсурдности ситуации хотелось смеяться. *Всё же есть минус в этих маленьких соблазнительницах.*

— Вопрос уровня детского сада, — заметил Паша, всё же в тайне надеясь, что Злата отстанет. Слишком много разговоров о чувствах сегодня. Настолько, что его психика уже отказывается это выдерживать. *К тому же, как объяснить то, чего ты и сам не понимаешь?*

Но Злата не думала сдавать позиций, привычное упрямство после недавней истерики снова заработало в штатном режиме:

— *Но всё же... мне интересно, к тому же у нас разговор на чистоту.*

Злата прищурила глаза и требовательно заглянула в любимые омуты напротив. Ей, как ребёнку, важно было слышать подтверждения своей любви и, руководствуясь словами Паши об искренности, она решила быть честной перед ним в своих желаниях. *Хотела знать ответ и спрашивала.*

— Мне хорошо с тобой, и мне не хочется тебя выгонять, — решил отшутиться Паша. — Поверь, это весело для врача, не любящего людей.

Девушка усмехнулась, склоняя голову набок. На романтичный ответ она не надеялась, но и такая шутка, а не гневное молчание уже была шагом вперёд.

— *Звучит как признание в любви.*

— *Это оно и есть.*

Злата покачала головой, сдерживая смех, однако всё-таки в ожидании посмотрела на Пашу. Он тихо чертыхнулся, закатил и подумал, что ещё обязательно пожалеет об этой *капитуляц*ии. Только вот сейчас этот девичьи щенячьи взгляд был таким, что устоять перед ним было фактически невозможно. Впрочем, витиевато отвечать он тоже умел.

— Хорошо, давай пойдём от противного. Ты прекрасно знаешь, что я — занудный высокомерный, вечно занятой мужчина, всё равно остаёшься со мной и любишь, так? — Девушка кивнула, хлопнув ресницами, снова прикусывая губу и превращаясь в ту наивную Злату в больничной палате с глазами карликовой игрунки. — Так. Вот и ты нравишься мне такой, какая ты есть по тому же принципу: решительной, взбалмышной, забавной и такой нерациональной, *что иногда хочется завопить от раздражения, поэтому прекращай искать причины там, где их нет.*

Мужчина тут же провел ладонью по волосам, красиво сворачивая свою аргументацию, а Злата фыркнув сначала приподнялась, а потом забралась на его колени, обняв за талию. В

это был весь Паша: конкретного ответа — нет, а к аргументации не подкопаешься. *Впрочем, с ним было так тепло, хорошо и уютно, что Злата была бы не против провести так несколько дней, несмотря на его старческое ворчание.*

— А вообще кто-то либо нравится, либо нет. Это вкусовщина, — заключил Паша, но от едкой издёвки напоследок удержаться всё-таки не смог. — *Будь у тебя опыт, ты бы это понимала.* А так у тебя просто не было шансов передо мной устоять. Вот ты и ищешь везде подтекст.

Тычок в бок от маленькой мстительницы прилетел тут же, заставляя усмехнуться. Ожидаемо, но по-своему мило. *Если Злата не возразила, она не была бы Златой.*

— У меня были ухажёры в универе. Не ври! — возмутилась девушка, наигранно нахмурившись и сложив руки на груди. *С амодовольство и самоуверенность Паши порой просто выводили её из себя.* — И было их немало, я могла выбрать любого! Просто так сложилось...

Паша засмеялся, с лёгкостью взъерошив её русые волосы. Ему безумно нравилось поддевать Злату, хотя при этом он порой чувствовал себя мальчишкой. *С другой стороны, оказалось, что возвращаться в молодость порой совершенно неплохо.*

— Те самые ухажёры, которые сбежали из больницы, когда я на них рыкнул. Там от ухажёров одно название, — отбил плохо просчитанную атаку Паша, обнимая Злату, чтобы закончить спор. Ухажёров там было порядочно, но против него... *шансов у них не было. Будем объективны. Ни стержня, ни хитрости.*

Злата грустно усмехнулась, клубочком свернувшись под её боком. Спорить в этой ситуации, к сожалению было нечем.

— Можно подумать, что ты бы не ушёл на их месте, — предприняла слабую попытку отстоять свои позиции Злата.

— Я и не ушёл. — Уверенно отчеканил мужчина, отбивая последнюю тень сомнения. — *Ни тогда. Ни сейчас. Остался.*

Паша внезапно прекратил смеяться и заговорил серьёзно. В этот момент для них двоих всё стало понятно. Слов больше было не нужно, хватало взгляда. Злата нежно улыбнулась и потянулась к мужчине за поцелуем, но внезапный звонок совершенно не к месту нарушил планы. Паша чертыхнулся, моментально отвечая на звонок. Однако спустя пару минут Злата увидела, как мужчина поменялся в лице, а потом ответил на немой вопрос в её глазах.

— *Милена в больнице...*

23. Близится развязка

Переход от максимальной расслабленности к состоянию всепоглощающей напряжённости, кажется, произошёл за одну секунду. Он был настолько быстрым, что ни Злата, ни Паша толком не успели ничего осознать.

Они одевались на рефлексах, бежали к машине, пытались прочертить в голове хоть какую-то возможную цепочку развития событий и тут же одёргивали себя, потому что страшные картинки заставляли сердце пугающе сжиматься. Было слишком пугающе думать о том, что может произойти и какие последствия это может иметь.

Злату потряхивало, лихорадило, она постоянно оглядывалась по сторонам, надеясь найти хоть какую-то точку опоры от негативных мыслей — объявление, любящую пару, что угодно. Но, как на зло, ничего не попадалось, а находящийся рядом с ней Паша выглядел настолько потерянным, что девушке становилось физически боли. *Если бы она могла....*

Если бы могла, то осталась бы рядом с ним, поехала в больницу и не уставала поддерживать. *Пусть, глупо и неумело, но просто... не позволила бы ему остаться одному.* Злата по себе знала, что в критических ситуациях оставаться одному просто невыносимо. Навязчивые мысли сводят тебя с ума, а рядом нет никого, кто бы мог поддержать, обнять, сказать, что ты не виноват, взять за руку и остаться рядом, пока не стихнет буря.

Раньше такой опоры Златы не было, разве что когда-то подруга защищала её так, как могла, по мере своих детских сил. Даже воспоминания об этом заставляли Злату сдерживать слёзы и чувствовать благодарность, которая спустя годы становилась только сильнее. Однако с Пашей было совсем по-другому. Не так, как тогда в детстве.

Мужчина не жалел её, не утирал сопли, а именно поддерживал, находя правильные слова, мотивации.

Он раз за разом возвращал к жизни после потрясений, выбивал мысли о слабости и бесхребетности, искал пути необходимой ей самореализации и всегда оставался рядом. А она в очередной раз не могла сделать ничего из этого для своего мужчины, потому что оставаться с ним рядом значило подписать всем смертный приговор.

Дураку было понятно, что её присутствие в больнице рядом с Пашей и Миленой позволило бы всему персоналу сделать слишком однозначные выводы и передать их по своим каналам. Так рисковать близкими Злата просто не имела права. Тем более сейчас, когда ситуация и так становилась всё более и более напряжённой и непонятной.

И фактически единственное, что она смогла сделать, это взять своего мужчину за руку и не отпускать всю дорогу до фонда. В последние недели этот жест начал даваться девушке настолько легко, что оставалось только удивляться, как они пришли к этому.

Всегда равнодушный к проявлениям нежностей Паша не протестовал и не отталкивал, а она, прежде способная испугаться даже комара, не боялась быть собой рядом с ним. Так и ехали почти до самого фонда, переплетя пальцы и не говоря о самых страшных предположениях. Однако через полчаса девушка всё-таки решила нарушить молчание.

— Позвони мне, когда что-то узнаешь, — попросила она, чуть сильнее сжав мужские пальцы, чтобы привлечь внимание. Паша же отстранённо смотрел в окно и, кажется, вообще ничего не слышал, реагируя только на прикосновения. — Всё будет хорошо.

Мужчина устало усмехнулся, покачав головой. К сожалению, он как врач понимал, что любое нервное перенапряжение Милены или травма, могут привести к третьему выкидышу,

с которым женщина так просто уже не справится. Булат и так еле привёл её в себя после второго, когда они из-за бывшего Милены потеряли чудом зачатого ребёнка.

— Знаю, что будет, — отмахнулся Паша, не став грузить Злату своими мыслями. Однако поддержку и попытки привести его в чувство всё же оценил. В этом была вся она, его любящая девушка, и отвечать ей резкостями больше не хотелось. — Бесит, что повлиять никак не могу и не знаю ситуации.

— Паш, ты не всемогущ, — с грустной улыбкой отметила Злата, укладывая голову на его плечо. Гиперответственность Паши за близких всё-таки никогда не устала её поражать, этаким спасателем без сна и отдыха. — С ней сейчас очень хорошие врачи и муж. Всё обойдётся, я уверена в этом. Просто поверь мне, гениальный врач, я чувствую, что всё будет хорошо. А доверие же у нас взаимное, правда? Я верю тебе, а ты мне.

Мужчина покачал головой, но всё-таки согласился. Всё-таки возможно Злата в чём-то и права: иногда вера во что-то тоже полезна, пусть и не также как действия, но всё же. Особенно, наверное, в те моменты, когда не можешь на что-то повлиять. Паша, погладил пальцами нежную щёку и поцеловал макушку.

Интересно, но раньше мужчина не понимал, почему его одноклассник Булат так сильно нуждается в своей жене. Казалось бы, даже в самые незначительные моменты: когда она ненадолго уезжает или когда ложится на обследования. *Вроде бы мелочи, но только с появлением Златы Паша, наконец-то начал его понимать.* Чувствовать желание, чтобы кто-то был рядом.

Оказывается, это совсем не значит, что ты без кого-то слаб или чего-то не можешь, но... просто рядом с этим человеком тебе хорошо и воспринимать сюрпризы судьбы становится немного легче, чем в одиночку.

Подумав об этом и об очередном расставании, Паша инстинктивно потянулся пальцами к её подбородку и посмотрел в карие глаза. Минута — и губы сами потянулись друг к другу, женские пальцы зарылись в мужские жесткие волосы, а сердце привычно забило в равномерно-успокоенном ритме. Они целовались недолго, но настолько нежно, что тело Златы уже успело забиться в сладкой дрожи.

— Беги, а то ещё немного, и мы точно поедem вместе, — отстраняясь от её губ, шепнул Паша, глядя на неё блестящими глазами. — Я позвоню или напишу, когда что-то узнаю.

Девушка устало улыбнулась, долго-долго (насколько могла) посмотрела на него и резко вышла, обрубая желание остаться. Тревожные мысли сразу же начинали заползать в голову, но Злата тут же гнала их от себя.

Только сейчас она, наконец, поняла, какую важную роль в её жизни играет Милена. Она ведь была не только была не только её начальницей и подругой Паши, но и тем звеном, которое отчаянно пыталось прикрепить любящих людей друг к другу, дать им возможность видаться и любить... *А теперь из-за Златы с ней могло произойти....*

Чувство вины скребло под рёбрами, пользуясь секундной слабостью. Теории одна хуже другой рождались в голове, однако кое-что позволяло ей обороняться от этого. *Пашин взгляд, его прикосновения — он не винил её, не укорял.*

Одно это придавало сил, и было настолько непривычным в её жизни, что хотелось плакать. Под аккомпанемент этих мыслей Злата вернулась в фонд, надеясь разобраться с тем, что именно произошло и выполнить возложенные на неё обязанности. Сдаваться и раскисать больше не в её стиле.

В больницу Паша фактически влетел. Он знал, куда нужно идти, двигался уверенными шагами, игнорируя вопросы коллег. Булат сказал, что жену обещали перевести в палату, что ничего не сказали об её состоянии и оставили ждать в коридоре.

Мужчина сохранял выдержку и спокойствие, старался рассуждать рационально, но по его голосу Паша понимал, что он сам напряжён как пружина. Увидев бывшего одноклассника, мнение лишь подтвердилось.

Тот стоял напротив палаты, опустив голову и скрестив руки на груди. Ждал вердикта. Ждал жену и совершенно точно чувствовал себя беспомощным. Подобное состояние Паше, к сожалению, было очень хорошо знакомо. В этой ситуации любые слова были излишни и могли вызвать разве что только раздражение.

Паша подошёл к Булату, сухо кивнул в знак приветствия, раздумывая, что сказать и как спросить о том, что произошло. На ум ничего не приходило, а от молчаливого бездействия уже становилось невыносимо. Мужчина осмотрелся, высматривая кого-то из персонала, но, на удивление, в коридоре было пусто.

— Мне позвонили уже из больницы, я приехал сюда, больше ничего не знаю, — после ещё десяти минут молчания пояснил Булат, видя напряжение на лице друга. — Утром всё было в норме, сейчас к ней не пускают.

Мужчина кивнул, прислоняясь спиной к стене напротив.

— Сколько уже ждёшь?

— Около двух часов, — равнодушно ответил Булат. Ни один мускул на его лице, кажется, не дрогнул, но от тона становилось не по себе. Умом Паша понимал, что, если хоть что-то случится с Миленой, то ровно с таким же каменным лицом друг не оставит здесь камня на камне.

— Судя по тому, что её перевели в палату, состояние стабильное, — попытался рационально заметить Паша, только вот ледяной взгляд Булата показал, что его оптимизма тот не разделяет. — Я останусь здесь, у меня скоро смена, поезжай домой, толку от твоего нахождения здесь всё равно нет.

Булат хмыкнул, покачав головой. Возможно, если бы ситуация не касалась его напрямую, он бы тоже посоветовал кому-то сделать именно так, но сейчас подобное поведение в его собственных глазах выглядело просто предательством.

Узнав о состоянии жены, мужчина отметил все назначенные на сегодня встречи, среди которых, на счастье, не было чрезвычайно важных, и поехал в больницу. Дальше оставалось только ждать и выпытывать информацию у врачей.

— *Уехал бы отсюда, если бы тут была твоя малолетняя заноза?* — внезапно спросил мужчина. Без злобы и лишних эмоций. Сухо по факту. Паша в раздражении сдвинул брови, собираясь ответить, но Булат договорил за него. — Вот и не давай глупых советов, если хочешь помочь, лучше спроси об её состоянии у коллег, тебе они явно ответят что-то более вразумительное, чем мне.

Довод был разумный, и Паше пришлось признать, что он прав. Интересно, что даже в стрессовой ситуации Булат оставался таким же бескомпромиссным и стойким. Не громил больницу, не кричал, просто пытался найти выход в предлагаемых обстоятельствах.

Вернувшись в фонд глубоким вечером, Злата не могла не заметить взвинченности всего персонала. Никто ничего не говорил, но лица всех выглядели настолько шокированными, что это естественно вызывало вопросы. Решив разобраться в том, что случилось, Злата

понимала: нужно действовать осторожно и для начала заняться своими прямыми обязанностями. Проверить все вверенные ей документы, состояние рабочих мест и отчёты персонала о проделанной работе.

Конечно, чтобы выполнить всё должным образом, Злате не доставало опыта, но настойчивость и природный ум, как никогда оказались, кстати. Несмотря на то, что Милена была уверена в своём персонале, девушка знала, что часто во внештатных ситуациях вылезает природная гниль людей, поэтому в первую очередь она проверила рабочий кабинет начальницы на «предмет вмешательства».

Всё было слишком в порядке, никакой суеты, какая обычно бывает в рабочем темпе. Это насторожило, и Злата решила не рисковать, тут же позвонив и заказав записи с камер наблюдения. Одна из них писалась независимо и хранилась в не фирме, другая — здесь. Результаты должны были прийти через пару дней. *Для безопасности.*

Проверив всё остальное, Злата принялась выяснять, что произошло. Обратившись к одной из воспитательниц, она пояснила, что очень переживает за Милену и не понимает, что могло произойти в её отсутствие. Сначала женщина с ней говорить не хотела, опасаясь раньше дичившейся всех Златы, а потом всё же выдала основной минимум информации.

Оказалось, что в фонд приехала какая-то важная дама, начала требовать увидеться с кем-то из персонала, пыталась пробраться во все кабинеты, а потом вдруг... *Никто не успел ничего понять*: Милена упала, хватаясь за живот, вызвали скорую, посетительницу выпроводили. Дальше всё было в тумане.

К сожалению, понять, кто довёл начальницу до такого состояния, не составило труда. Её мать. Больше просто не кому. Получалось, что она хотела найти её, в то время как Злата была у Паши. От этой логичной и единственно возможной мысли захотелось по-детски заскулить. Как же глупо она подставила Милену.

Теперь цепочка событий становилась очевидной, и оставалось надеяться только на то, что эта «сцена» никак не скажется на состоянии и беременности начальницы, потому что иначе хрупкое счастье всех вокруг просто рассыплется.

Однако утешительных новостей от Паши всё ещё не было, пересилив себя, Злата ещё раз всё проверила и решила ехать домой. Ей нужно было ещё раз обо всём подумать, потому что сейчас большинство реакций и действий от шока были заторможенными и безэмоциональными.

Злата понимала: сейчас всё зависит от состояния Милены, узнав о нём, можно будет строить дальнейший план. А пока остаётся только ждать. *Разрушится её жизнь снова или останется прежней.* Оставалось только подумать, как вести себя с родителями. Почему-то в том, что они дома Злата не сомневалась.

Пройти к Милене разрешили через полчаса. Врача, который вёл женщину, Паша прекрасно знал, доверял практически, как самому себе. Суровый, юморной, но толковый. Этот мужчина спас ни одну женскую жизнь и ни одного ребёнка.

Поэтому хотя Егор Степанович и ворчал что-то про то, что беременных надо беречь, всё же максимально успокоил мужа пациентки и объяснил, что с его женой и ребёнком всё в порядке. Правда, отчитал Булата основательно и конкретно.

— Вы — солидный мужчина, а жену с работы практически на скорой увозят, как ни стыдно, — проворчал мужчина, иронично усмехаясь. — Беременная жена должна сидеть и наслаждаться жизнью, оберегаемая не то, что от всякого стресса, а даже от лишнего писка

комара. Максимум нагрузки — новые обои выбрать или цвет стен в детской. А вы? Жену не бережёте, а потом скачите по больнице: как она? Нормально она, спасибо Егору Степанычу, золотой человек, и жена у вас молодец, ангел просто! «Мужу не звоните, он на работе, будет волноваться». Смотрите, мужчина, будете девочку обижать, лично заберу.

Булат сухо кивнул, выслушивать критику в свой адрес было неприятно, особенно, когда с ним разговаривали, как с маленьким мальчиком, но, если разобраться, то говорил врач по делу.

Мужчина сдержал раздражение и сконцентрировался на чувстве благодарности. Как ни крути, Милена Егор Степанович, действительно, помог, остальное было неважно. Главное — в порядке жена и ребёнок.

— Спасибо, — после непродолжительного молчания отозвался Булат. — Всё учту, к ней уже можно?

— Можно, но только положительные эмоции, — дотошно заметил врач. — Паш, проследишь, раз твои знакомые.

Друг кивнул, решив отойти и детальнее обговорив всё с коллегой, а Булат тут же направился в палату. Кажется, впервые в жизни в нём горели настолько противоречивые эмоции. Ему хотелось одновременно обнять и придушить Милену. За эту её самостоятельность, глупость, эгоизм... *Он же без неё уже не...*

— Булат, — карие глаза вспыхнули светом, а губы растянулись в нежной улыбке. Такой родной и знакомой, что у мужчины защемило где-то под рёбрами. — Ты здесь?

Булат закрыл глаза, видеть её такой маленькой на этой больничной койке было выше его сил. Вся строгость в момент испарялась, а желание просто забрать её отсюда и никуда больше не отпускать прогрессировало в геометрической прогрессии. Всё-таки никто не может вить столько верёвок из мужчины, как любимая женщина: ни семья, ни партнёры, ни друзья. Собраться и поговорить стоило сейчас Булату огромных усилий.

— Как видишь, и не надо тут на меня смотреть такими перепуганными глазами. Допрыгалась, — сухо ответил Булат, садясь на стул рядом с больничной койкой. — Рассказывай, кто, что, как и почему? Я слушаю!

Милена ощутила, как голос мужа к концу фразы стал строже, «покрываясь коркой льда». Он сам выглядел, как натянутая струна, а тяжёлый взгляд не обещал ничего хорошего. В гневе Булат, действительно, становился тигром, готовящимся к прыжку. Женщина чувствовала, что мужчина был взбешён, и догадывалась, что косвенно он слышал о версиях произошедших событий. Она выдохнула, прикусила губу и шмыгнула носом.

— *Милена!* — без крика, но требовательно отчеканил её имя Булат. Да так, что захотелось вздрогнуть. — Я спросил.

— А я не хочу разговаривать, хочу, чтобы меня обняли! — Капризно заявила Милена, приподнимаясь в постели и усаживаясь максимально близко к мужу. Лёгкое движение, и женская рука уже легла на его колену, а глаза посмотрели так пристально и с такой лаской, что Булат чертыхнулся. Знала ведь, что использует запрещённый приём. — *И я... я же тебя люблю. Очень... Не кричи...*

Тихо, на грани слуха, а потом женский лоб боднул его плечо, нежные пальчики, опустились на плечо, и любящий взгляд заглянул в душу настолько, что сил сопротивляться — просто не осталось. Стена, как это ни прискорбно, рухнула под действием этой коварной женщины. *Жены.*

Булат, ругая себя за бесхарактерность, осторожно переместился на кушетку, раскрыл

руку и притянул Милену к себе. Чувственно, но осторожно, чтобы чувствовала, как нервно бьётся его сердце от её фокусов. Мужская рука зарылась в русые волосы и немного их сжала, показывая, что он хоть и любит, но ещё и близко не остыл.

— *Прибью тебя когда-нибудь,* — шепнул Булат, ощутив, как полные губы оставили поцелуй на его виске. — Почему ты никогда не слушаешь? Почему в пекло лезешь? Тебе делать нечего — выяснять отношения с этой психопаткой! Дура...

Милена усмехнулась, почувствовав, как за обвинениями, любимый мужчина скрывает страх. Его тело до сих пор потряхивало, а голос звучал совсем не так, как обычно. Слишком обеспокоено. Женщина провела ладонью по его спине, продолжая вкрадчивый шепот, чтобы задобрить зарождающуюся бурю.

— Прости меня, сначала я изображала приступ, а потом уже кольнуло по-настоящему. Но ничего серьёзного, просто прокапали, я попросила немного меня тут подержать, чтоб отвести подозрения, — протараторила на одном дыхании Милена. — Так было нужно. Не злись, той даме и самой, кажется, стало действительно плохо. Она вела себя как-то нездорово.

Булат хотел сделать разумное замечание, но женщина тут же его поцеловала, мешая говорить и скользя пальцами по мужскому лицу. Они прижимались друг к другу, переплетались языками, выражая так всё, что не могли сказать. Стук в дверь раздался где-то на периферии сознания, кажется, Булат только на секунду отстранился, чтобы крикнуть:

— Дверь закрой!

А дальше мужчина снова потерялся в ласках любимой женщины, позорно капитулируя. *Знает же, он сделает всё, что она захочет. Знает, что не может на неё злиться. Знает, что... без неё уже ничего не имеет смысл.*

Паша позвонил Злате уже поздним вечером. Девушка не спала, поэтому ответила сразу. Вся на нервах, усталая, измученная она, кажется, настолько обрадовалась новостям, что едва не заплакала.

— Слава Богу, что обошлось... — Выдохнула Злата, усаживаясь на кровати. Она говорила тихо, потому что родители уже приехали домой и заняли соседнюю комнату, хотя раньше никогда так не делали. Хоть молча мимо прошли, это неизбежно. — Я боялась, что что-то с ребёнком, хорошо, что всё так.

— Всё в порядке, — уверенно подтвердил Паша, успокаивая свою девушку. Теперь они снова поменялись ролями. — Сидит в палате, милуется со своим тигром, едва ли не категория: восемнадцать плюс. Постучал в дверь, а меня внаглую выперли.

Злата тихо рассмеялась, вспомнив, как их недавно внезапно застала Милена. *Как же тогда было стыдно... Как школьникам.*

— Сами милуются, а нас отчитывают, — отозвалась она, не пряча широкую улыбку. Даже звука любимого голоса хватило, чтоб снова соскучиться. — Будем считать, что очередь дойдёт и до нас. Ладно, я... пойду спать и тебе советую, ты сильно устал сегодня.

— Не настолько я стар, чтоб уставать от постельных нагрузок, — усмехнулся Паша, действительно, чувствуя, как подкатывает сон. — Доброй ночи, Злата.

— Доброй ночи, доктор.

Девушка улыбнулась, иногда этот мужчина, кажется, забывал, что он — человек. Просто чудесный доктор. Однако о том, что они оба люди, Злата вспомнила ровно в том момент, когда начала расстилать постель, а в её комнату истерически вбежал отец.

— *Ей плохо... Совсем...*

25. На пороге раскрытия тайны

— *Ей плохо... Она умирает...*

Сдавленный шепот, перепуганные глаза, трясущиеся руки. Хаотичные движения головой и отчаянная попытка понять, что происходит.

Кошмар. Бесконечный кошмар, который кажется чем-то настолько нереальным и чужим, что единственной реакцией оказывается отрицание: *отказ мозга принимать действительность; откат назад к бессилию ребёнка.*

— Кому... плохо? — отрешённый вопрос после внушительного молчания, прозвучал как отчаянный крик непонимания.

Злата всё ещё смотрела не отца и совсем не осознавала, что происходит, мысли пытались пробраться внутрь, но какая-то неведомая сила отбрасывала их назад. Возможно, тот факт, что отец, находится рядом с ней и спрашивает что-то, уже стал сильнейшим шоком и тут же определил происходящее как очередную игру её воображение. *Такого ведь никогда не было раньше, даже, когда она лежала в больнице. Может это сон? Может, она просто начинает медленно сходить с ума?*

— Маме, — гулкий ответ прозвучал пугающе и как-то бессильно. — Она умирает. Едва дышит. Я вызвал скорую, но она... может не успеть. Будет через полчаса.

Мужчина говорил сбивчиво, бледнел как мел и почему-то смотрел на Злату, как на какое-то спасение. Всё это было так странно, что у девушки снова непроизвольно начало стучать в висках. *Взрослый, сильный, властный мужчина, фактически помощник мэра, сейчас... спрашивал у неё совета?*

Этого просто не могло быть. Информация отрицалась её мозгом, а ответы на вопросы мужчины и вовсе не приходили в голову. Его "*запрос*" просто не обрабатывался, провоцируя ступор. Нужно было собраться, что-то сделать, однако девушка никак не могла прийти в себя и сдвинуться с места. *Слишком много стресса за сегодня. Слишком замедленные реакции.*

— Успеет, — заторможенно шепнула Злата, давая себе ещё минуту на оцепенение. Только минуту, дальше нужно было собираться с мыслями. Шестерёнки внутри постепенно начинали крутиться, заставляя думать и мгновенно принимать решения. — Нет, нужно ехать самим... Здесь больница, где я лежала, она рядом и врачи... Спусти её вниз. За пятнадцать минут успеем. Быстрее, я позвоню туда. Быстрее.

Она раздала команды, спокойно начала искать телефон, который раньше прятала, и тут же краем уха услышала, как отец вернулся к собственной спальне. Всё происходящее напоминало какой-то сюр и всё ещё казалось неправдой. Злате безумно, как ребёнку, хотелось схватиться за голову и сбежать, но впервые уходить ей было просто некуда.

Мысли одна за одной цеплялись друг за друга, желая образовать пазл, но всё разламывалось снова и снова. Злата не помнила номер клиники, а искать в интернете сразу не пришло в голову, и в конечном итоге, единственной твердой надеждой остался Паша. *Он — взрослый, он подскажет и обязательно поможет.* Он предупредит персонал в клинике, и им помогут.

Ответил мужчина не сразу, только после пятого гудка. Тогда, когда от волнения Злату уже начало конкретно трясти. Ответственность за жизнь другого человека начинала давить с пугающей быстротой. настолько тяжёлой, что становилось сложно даже нормально дышать: даже сердце в этот момент колотилось невыносимо сильно. Девушка сильнее сжала

пальцами телефон, уже думая, что, наверное, нужно было дожидаться скорой, но... В этот момент Паша, наконец, ответил.

— Слушаю, — сонный голос в трубке тут же заставил испытать вину. Паша явно сдерживал зевки. Злата помнила, что он не спал нормально несколько суток, и беспокоить его снова просто кошунство, однако обратиться в критической ситуации больше было не к кому. — Что случилось?

— *П-паша, мама она... ей плохо, нужна больница,* — скороговоркой начинала выдавать Злата, сильнее сжимая телефон в руках. Прерывистым фразами отчаянно пыталась дать себе время подумать и заглушить панику. Она знала: Паша не любит истерики, только сухие факты. — Помоги, пожалуйста. Позвони в клинику, я не нашла номер, я...

Минуту мужчина молчал, но потом вдруг резко властным голосом пресёк всю панику, волнение и зарождающуюся истерику. Так, как тогда, когда Злата впервые оказалась в больнице. Вместо хаотических размышлений, он снова старательно начал въезжать в ситуацию, не позволяя себе поддаваться растерянности. По опыту мужчина знал, что сейчас главное дать Злате максимально чёткие команды, с которыми она справится и тем самым прекратит паниковать.

— Везите в нашу клинику, я предупрежу и сам скоро приеду, — строго рапортовал Паша. — Успокойся, по внешним признакам я давно предполагал у твоей матери проблемы с сердцем. Время на счету. Успокойтесь и делайте всё быстро. Ты справишься, я всё время буду на связи. Звони, если станет хуже. *Главное — не бойся, я скоро буду.*

Девушка выдохнула и кивнула головой. Как и предполагал Паша, максимально спокойные и методичные указания постепенно уложили всё в голове Златы в нужную картинку. Снова вернулась привычная собранность и холодный анализ ситуации.

Ощущение поддержки немного облегчило груз ответственности и помогло прийти в себя. Вместо паники просто пришло осознание, что ответственность за жизнь человека лежит полностью на ней, и проявить слабость Злата просто не имеет права.

Она должна справиться с ситуацией. Должна и сможет.

Когда они приехали в больницу, Паша уже ждал их в приемном покое. Сонный, уставший, измученный, но, как и всегда, собранный, решительный и уверенный в каждом своём действии. Он координировал других врачей, что-то говорил, пытался бегло объяснить ситуацию отцу Златы, который никак не желал отойти от своей жены.

Во всеобщей суматохе, ему явно было совсем не до девушки, потому что буквально каждый требовал срочного внимания, но на минуту... Только на одну минуту во всеобщем хаосе Паша остановился и посмотрел на девушку, стоявшую в углу.

Не так, как на всех остальных, и Злата сразу же почувствовала этот взгляд. *Мягкий, теплый и поддерживающий.* Такой, что прочесть то, что он хотел им сказать, оказалось несложно.

Всё хорошо. Я с тобой.

Усталый и любящий взгляд карих женских глаз был ему ответом. Перепуганный, но наполненный таким доверием, что у Паши позорно закололо где-то под сердцем. В него, кажется, никто и никогда не верил так, как верила эта девчонка. Искренне и не требуя ничего взамен.

Я тоже рядом. Знаю, что ты сделаешь всё, что можешь.

Минута — и за Пашей закрылись двери, и без его взгляда Злате снова резко стало

холодно. Нахлынувшие было во время сборов силы стихли, оставляя за собой только ожидание и усталость. Не было страха, не было волнения или дрожи. *Все эмоции ужаса остались в доме, где её главной задачей стало спасти человека и довести его сюда живым.* Остальное уже было не в её власти. Она сделала всё, что смогла.

Странно, но страха за жизнь матери у Златы почему-то не было. Девушка беспокоилась, боялась, что сделала что-то не так при госпитализации, однако ровно все те же эмоции она бы испытывала и в случае, если бы в больницу попал просто незнакомый человек с улицы. Как следствие, собственное ощущение безразличия к происходящему провоцировало только чувство вины...

Несмотря на то, что присутствие отца, на душе легче не становилось. Как ни крути, они были друг другу чужими людьми. *Она всё детство любила их, а они не любили её.* К сожалению, так бывает, но, увы, обида от этого не проходит. И в критической ситуации все чувства по отношению к родителям и вовсе разом начинают атрофироваться, будто бы их никогда и не было.

Ни страха, ни злобы, ни обиды — ничего, кроме какой-то потерянности и бесконечной усталости. На минуту Злата задумалась о том, что, наверное, именно знакомство с подругой в детстве и встреча с Пашей помогли ей в некоторой степени избавиться от бездумной детской привязанности к родителям. И дело было не в том, что кто-то из них настраивал её против матери или отца, а в том, что они просто показали ей, какой бывает любовь.

Показали, что любовь — это забота и способность принять тебя таким, какой ты есть. Показали, что любовь — это та история, когда тебе не нужно постоянно заслуживать право быть любимым. Показали, что любовь бывает ответной и может не приносить боль. Показали, что она не дефектная и достойна любви, дружбы и поддержки.

Подумав об этом, Злата устало улыбнулась и посмотрела на отца. Он, кажется, стал выглядеть ещё хуже с того момента, как они приехали в клинику. Дезориентированный, бледный, перепуганный, он вжался в сидение и смотрел в стену перед собой, что-то отчаянно приговаривая.

Кажется, своего положения он не менял около двух часов. Так и сидел, то ли молясь, то ли сходя с ума. Смотреть на это с течением времени добродушной Злате становилось всё более и более невыносимо. *Жалость проникала в сердце и царапала его, словно ржавый гвоздь.*

Девушка знала, что отец очень любит мать, они ведь даже почти никогда не расставались, поэтому отчасти она могла понять чувства мужчины. Случись что-то с Пашей, Злата бы тоже не находила себе месте. Выдохнув и немного подумав, Злата неожиданно для самой себя заняла место рядом с мужчиной и впервые за много лет осторожно попыталась заговорить с собственным отцом, пребывающим в каком-то трансе.

— *С ней всё будет в порядке,* — постаралась максимально уверенно произнести Злата, но мужчина закономерно никак не отреагировал, продолжая смотреть в одну точку. — В клинике очень хорошие врачи, они помогли мне, когда был фактически безнадежный случай, спасут и здесь. Она поправится и вернётся. Успокойся.

Девушка говорила медленно и чётко, проговаривая каждое слово так, словно бы говорила с ребёнком. Ей хотелось достучаться до отца, облегчить его переживания, но *не потому что он был её папой, а потому что...* Злата по себе знала, что переживать страх в одиночку намного сложнее, и хотела помочь.

Она не научилась оставаться равнодушной, видя чужую. Паша всегда подшучивал над

этим её качеством и говорил, что врачом ей не быть. В этом случае любимый доктор точно был прав.

— Тебе нужно успокоиться, врач через пару часов выйдет, и всё скажет. Мне сказали, что случай матери не критичен, и всё обойдётся, — мужчина повернул в сторону Златы голову и остановился на ней взглядом, в котором плескалась надежда. На самом деле, про тяжесть случая ей никто ничего не говорил, но отец выглядел настолько подавленным, что ей просто захотелось его поддержать. — *Она справится.*

Мужчина вымученно улыбнулся, а потом внезапно опустил голову на колени, гулко выдыхая. В его позе было столько боли, что Злате невольно захотелось от неё спрятаться. Несмотря на то, что отец никогда не проявлял к ней сострадание в подобные минуты, она чувствовала по отношению к нему именно это.

Ей просто хотелось помочь ему и поддержать, вывести на диалог, ведь так ощущение боли хоть немного притупляется и постепенно отец, действительно, начал говорить с ней. Немного сбивчиво, путанно, но с каждой фразой всё больше и больше раскрывая свои переживания.

— *Сердце...* Я догадывался, что что-то не так, но твоя мать не послушала, а сейчас... — Мужчина покачал головой, и девушке подумалось, что она никогда не слышала в голосе кого-то столько отчаяния. Он, действительно, чувствовал свою вину и очень сильно боялся потерять свою супругу, потому что любил. — Не могу... Не могу... Всё также, как тогда. Абсолютно. *А я... просто не могу потерять её, как Злату, понимаешь?*

Он прошептал последнюю фразу так, что всё внутри девушки сковало от смеси холода, жалости и боли. Отец обессиленно поднял голову и посмотрел на дочь. *С таким отчаянием, что Злате так по-детски захотелось плакать от жалости одновременно к нему и к себе.*

Ведь впервые за все годы жизни она увидела в глазах папы любовь, *ту самую, которую раньше так сильно искала.* И эта любовь там была, просто не для неё, а для его семьи. Для любимой жены и рано ушедшей дочери, заменой которой она так никогда и не стала и которую он так никогда и не полюбили. Вся его жизнь после ухода *настоящей Златы* сосредоточилась на жене, как на единственном спасении, и теперь её потеря... могла просто его уничтожить.

Это был идеальный момент для злорадства и мести, но девушка испытывала лишь жалость и тоску. Она *жалела* того, кого видела перед собой, поэтому искренне просила Бога, в которого верила, спасти мать. Она *жалела* того, кто потерял любимую дочь и до сих пор не смог отпустить. Она *жалела* человека, но больше ничего не могла сделать.

— Всё будет хорошо, — таким же тихим тоном произнесла Злата, не отводя взгляд от взгляда отца. Огромных сил ей стоило ободряюще улыбнуться и не заплакать от боли, разрывающей её изнутри. Она тоже была живой. Она тоже чувствовала, но к ней никто из них так и не проявил хотя бы толики сострадания. — Ведь её жизнь зависит от врачей, а не от меня. Эти истории не похожи. Всё будет хорошо.

Злата хлопала отца по плечу и встала, направляясь в свободную палату, которую ей с неохотой предоставили на ресепшене. *Говорить ни с кем больше не хотелось.* Все силы и эмоции остались в приёмном покое.

Ей просто хотелось дождаться Пашу: она знала, что он придёт сюда, это было их секретное, всегда зарезервированное место. Нужно было просто подождать. *Совсем немного. Она ждала любящего её человека двадцать лет, подождёт и ещё немного. Он ведь всегда приходит к ней, несмотря ни на что.*

Девушка свернулась калачиком на постели, подтянула колени к груди и невольно заплакала. Она сдерживалась так невыносимо долго, а сейчас просто позволила себе быть собой, как учил любимый мужчина. И, кажется, только в этот момент, плача на этой больничной кушетке, Злата, наконец, по-настоящему поняла насколько сильно она привязана к Паше, ведь он оказался в этой жизни единственным человеком, который любил её, а не кого-то другого.

Она не была для него заменой. Она была для него Златой. Единственной и любимой.

Паша устал настолько, что не мог говорить. Внезапная операция выдалась настолько сложной и забрала столько сил, что мужчина от напряжения едва не валился с ног. Он оповестил отца Златы об успешном исходе, не увидев девушку в приёмном, сразу же достал телефон и посмотрел последние сообщения, догадавшись, что именно там были все объяснения. На то, чтобы всё понять ушло не больше пятнадцати минут, на то, чтобы дойти до палаты примерно столько же.

Только вот, кроме усталости, мозг Паши одолевало кое-что такое, что могло в корне изменить их с Златой жизнь. *Открытие*, которое он предполагал и в котором был почти стопроцентно уверен, будоражило и заставляло кровь кипеть в жилах.

Ведь разгадка *семейной драмы* лежала на поверхности, а он всё время был рядом и не замечал. Не мог даже предположить, что причина ненависти матери к собственной дочери была совсем не в ней и даже не в том, что она не смогла стать донором другому умирающему ребёнку. *Всё было проще и всё было противней.*

Мужчина шёл к палате и отчаянно старался не думать обо всём этом. *Хотелось спать, хотелось к Злате, хотелось забыть весь этот дурдом и уехать ото всюду подальше.* Он тихо зашёл в помещение, затворил дверь и приблизился к узкой кушетке. Злата уже спала: *маленькая, сморённая стрессом, она обнимала себя руками и отчаянно прижималась к краю.* Паша улыбнулся, выдохнул и осторожно улёгся рядом, притягивая Злату к себе.

Он потихоньку засыпал, перебирал девичьи волосы и чувствовал себя вполне счастливым. Внезапно оказалось, что хорошо может быть и так: *когда устал, когда еле стоишь на ногах, но, когда рядом тот человек, от присутствия которого становится уютно.* Когда-то давно *это* было в его жизни.

Ещё в юности, только вот сейчас эти чувства, словно бы стали глубже и ярче. Они прорастали корнями внутрь и пускали мощные ростки, не поддающиеся ни *непогоде*, ни *стихии*. Подумав об этом, мужчина зарылся носом в русые волосы. Как ни крути, в такие моменты Паша полностью понимал Булата, над которым раньше иронизировал.

Если разобраться, то по факту Злата чудила едва ли не больше Милены, но он почему-то всё равно не хотел сбегать от неё на другой континент. *Она нравилась ему, несмотря на весь хаос, который вошёл в его жизнь с её появлением.* Злата, будто бы слышала его размышления, немного поёжилась и удобнее улеглась на мужском плече, прижимаясь максимально тесно.

— *Спи уже, Златовласка,* — шепнул Паша, устало зевая и прикрывая глаза. — *Спи...*

25. Готов к компромиссу

Когда Злата проснулась, то первым делом увидела рядом с собой Пашу. Бледный, с синими от недосыпа кругами под глазами он выглядел настолько усталым и уязвимым, что девушке тут же стало не по себе. Ведь, действительно, из-за неё и бесконечных проблем её семьи Паша, кажется, уже нормально не спал несколько суток, попеременно то оперируя, то успокаивая, то разгребая весь случившийся завал.

При этом, несмотря на всё это, он ни разу не упрекнул и не оставил с проблемой один на один. От мыслей об этом Злата улыбнулась. В этом был весь мужчина: придирается в мелочах, но бороться до последнего в критической ситуации.

За окном уже понемногу светлело; от попадающих лучей Паша уже начинал немного хмуриться и ворочаться. Девушка тоже недовольно поморщилась, ей безумно хотелось, чтобы мужчина отдохнул ещё хотя бы немного, тем более у них ещё был целый час времени, но упрямое солнце этому конкретно мешало. Можно было бы встать, чтобы закрыть жалюзи, только вот от её неуклюжих действий Паша явно проснётся ещё раньше, чем должен.

Злата выдохнула, подняла раскрытые вверх ладони и попыталась укрыть ими лицо своего персонального доктора, получилось, наверное, не очень, потому что ушей сразу коснулось уже родное ворчание. Такое, которое девушка с лёгкостью могла бы цитировать наизусть.

— Я уже не сплю, расслабься, — тихо пробурчал Паша, ещё не открывая глаз и зевая. — Ложись рядом, поваляемся минут двадцать и пойдём смотреть, как твоя маман.

— Мне надо идти, Паш, — печально заметила в ответ Злата, но потом всё же на пару минут улеглась рядом, удобно пристроив голову на плече. — Меня уже, наверное, потеряли. А весь этот визг сейчас... тебе явно на пользу не пойдёт. Я вообще как-то глупо поступила, просто было плохо, и я хотела к тебе. Прости... Ещё из-за этого проблем не хватало тебе только...

Девушка устало вздохнула, как-то против воли сжалась, чувствуя себя не в своей тарелке. Осознание, что приносишь близкому человеку только проблемы, в который раз неприятно кольнуло, заставив ощутить себя обузой. Правда, додумать мысль до конца Злата не успела, рука Паши чувственно погладила плечо, а губы коснулись макушки. Он притянул её максимально к себе, а потом обнял сильно, чтоб не думала ерунды. Мужчина знал, что это лучший способ успокоить: тактильный и без лишних слов.

— Всё хорошо, я знал, что будет непросто, — Паша улыбнулся, замечая, что Злата тут же подняла на него взгляд влюбленных карих глаз. Всё-таки быть личным супергероем для любимого человека иногда чертовски приятное чувство. — А твоему отцу сейчас, извини за прямоту, но явно не до тебя. Он там спит в приённом, ждёт, когда его к жене пустят.

Девушка усмехнулась. Вроде и хорошо, что так, а вроде немного и неприятно. Впрочем, когда Паша ласково поцеловал лоб, перешел на переносицу и замер возле губ, стало не до всего. Какие-то внутренние конфликты перестали иметь решающее значение, и Злата просто медленно позволяла себе быть слабой.

Наслаждаться нежными поцелуями, приятными поглаживаниями, неразборчиво сказанными на ушко словами. *Хотя иногда, в редкие секунды ей казалось, что всё это слишком хорошо, чтобы быть правдой.* Наверное, потому что в последнее время Паша был таким, каким Злата не могла представить его раньше.

Добрый, нежным, понимающим, готовым говорить с ней и слушать, не навязывая своё мнение. При этом, если быть честной, сказать, что в отношении неё мужчина изменился в корне девушка всё-таки не могла.

Ведь в самом начале их знакомства в клинике, по сути, он был таким же, просто приправлял это всё толстым слоем грубости и высокомерия: *пытался помочь, защищал от мамы, слушал и позволял быть собой, разрешил злиться, расстраиваться и впервые выразить своё мнение.* За одно только это Злата была бесконечно ему благодарна, но, кроме благодарности, было и другое...

Чувство с первой встречи, заставляющее её колени подкашиваться, а сердце колотиться с удвоенной силой. Даже сейчас, когда Злата смотрела на него, это ощущение трепета оставалось неизменным, как и какое-то ненормальное постоянное желание касаться, целовать, обнимать. И от этого ощущения не хотелось бежать, наоборот, оно постепенно начинало казаться нормальным... *Таким, на которое Злата имела право.*

— *Запри дверь,* — тихо попросила Злата, начиная осторожно ласкать его шею своими губами. Прикасаться к Паше уже давно стало какой-то личной необходимостью. А чувствовать, как для него это становится невыносимо приятным по тяжелому вздоху было и вовсе за гранью реальности. — *Пожалуйста...*

Мужчина усмехнулся, продолжая привычно скользить ладонями по спине, при этом не забывая ловким жестом задрать кофточку. Кажется, несмотря на предстоящий кошмар, утро сегодня обещало быть по-настоящему добрым и приятным.

— *Уже...* — коварно шепнул Паша, аккуратно снимая со Златы непомерно большую кофту. По блеску в мужских глазах девушка ещё раз убедилась, что её обнажённый вид нравится врачу, куда больше, чем в одежде.

Впрочем, нежный смех Златы от осознания своей привлекательности, действительно, показался Паше милым. Даже ворчать по этому поводу не хотелось. Желание было совершенно другое: *одно и вполне типичное для влюблённого мужчины.*

— *Надеялся на что-то подобное?* — между делом спросила Злата, когда Паша навис над ней, отводя в сторону последнюю тканевую преграду. — *Признавайся, вредный доктор.*

Девушка обхватила ладонями его шею и хитро заглянула в глаза.

— *Не надеялся, а рассчитывал,* — после минутного молчания всё же поправил мужчина, снова целуя полные девичьи губы. Поцелуи с ней с самого начала взрывали ему мозг, а сейчас тем более. Ему нравилось целовать её и чувствовать всем телом такое неприкрытое сумасшедшее желание, как и у него самого. А эти пикировки перед самым сладким десертом только заводили. — *Это было слишком вероятно.*

— *Самоуверенный... Невыносимый... ты...*

Невнятный бубнёж, постепенно превращающийся в стоны, стал последней здоровой мыслью в голове Златы. Всё, что происходило потом, было слишком далеко от рационального, но необъяснимо приятно. Как он и обещал в их первый раз. Злата почему-то верила и чувствовала: *больше боли не будет, будет только любовь...*

Что-то похожее чувствовал и Паша. Мозгом он ещё не до конца верил в успех, но интуиция вопила, что с этого дня всё, действительно, будет по-другому. Оставив Злату в палате досыпать, мужчина всё-таки ещё раз в течение дня перешерстил все бумаги для подтверждения своих догадок. Сначала они казались довольно... смелыми, но тем не менее уже на этапе теории с лёгкостью объясняли весь случившийся кошмар в жизни его девушки.

И пусть поверить в них было сложно, язык фактов всё объяснял.

А разгадка всей этой истории — всё время была у его под носом. *Группа крови.* Банальная группа, на которую он вчера, наконец, обратил внимание, и стала тем ключом, который был ему необходим. Точнее, всё расшифровала концепция совместимости и сделанный им некоторое время назад запрос о случае Златиной сестры.

Третья группа крови. Паша тогда запомнил очень хорошо, но не предал должного значения. Зато теперь вот медленно офигевал от того, что ребёнок с третьей группой крови якобы родился у родителей с первой группой, и никто из врачей ни тогда, ни *сейчас не увидел в этом подвох, не сказал и не "просветил"*.

У Златы ведь была первая группа он точно знал, правильная и генетически объяснимая, а у её сестры — третья. *Именно та невозможная группа у ребёнка, родители которого имеют первую группу крови. Именно та, подтверждающая отсутствие родства между отцом и его первым официальным ребёнком. Именно та, что помогла понять, что у Златы фактически просто не было шансов спасти сестру.*

И в этом никогда не было даже тени её вины. Во всём была виновата только блядоватая мать, перевалившая свои ошибки на собственного ребёнка.

От мыслей об этом Паше стало противно и захотелось отмыться. Он никогда не был голубем мира, но травить ребёнка тупо из-за страха, что кто-то узнает о твоей измене. Конечно, был шанс, что мама Златы об этом не знала, но... чуйка подсказывала Паше, что это неправда. Эта женщина, если и не знала, то догадывалась, просто уничтожая свою семью изнутри.

Чудовище, испортившее жизнь всем своим близким, которые по-настоящему её любили.

Если быть честным, после всего этого "расследования" Паша не хотел ни видеть её, ни слышать, ни разговаривать, несмотря на то, что был лечащим врачом этой женщины. Чувство мерзости, злости просто захватывало всё изнутри. Мужчина от природы обладал хладнокровием, но понимание того, что близкого тебе человека психологически *убивали* из-за собственного блядства... Это просто заставляло кровь кипеть в жилах.

Сдержаться и спокойно зайти в палату стоило Паше больших усилий. Мать Златы уже могла говорить и, в целом, его усилиями чувствовала себя вполне сносно поэтому смысла оттягивать разговор дальше не было. Муж пробыл у неё почти целый день и уехал вместе с дочерью только под вечер, через минут десять, не став тратить время, мужчина сам заглянул к ней.

Привычный высокомерный взгляд заставил его поморщиться. Впрочем, до выкрутасов этой особы ему не было дела. Задача оставалась прежней: расставить все точки и забыть эту историю, как кошмарный сон. Эту страницу нужно было закрыть и двигаться дальше без страха и прятков. *Тем более, что решение само приплыло в руки. Не воспользоваться им мог только блаженный или идиот.*

Впрочем, мама Златы тоже начала не с приветствия. Однако на тёплый приём Паша изначально и не рассчитывал. Эта дамочка была самоуверенна, только вот чересчур, и мужчина мог предсказать фактически каждое её последующее решение или аргумент.

— Я в курсе, что ты спишь с моей дочерью, — противно заявила женщина, стараясь привлечь внимание усевшись на постели. — Подружка твоя из фонда тебя прикрывает, но я всё знаю.

Врач пожал плечами и опустился на стул рядом с койкой. Недовольно мама Златы

отметила, что мужчина совсем не боится её угроз. На его лице было такое спокойствие, что хотелось просто врезать.

Она интуитивно поняла, что он не поведётся на её угрозы, но также внезапно ощутила какую-то сильно исходящую от него опасность. Молчание с его стороны тоже очень сильно напрягало. *И не зря.* Продолжение оказалось по-настоящему разрушающим. Особенно в сочетании с взглядом, полным презрения и превосходства.

— Интересно, а я вот в курсе, что ваш первый ребёнок не от мужа. — Равнодушно в своей излюбленной манере заявил Паша, елеинно улыбаясь. Мама Златы же внезапно побледнела и не заметить это мог только слепой. — Ещё обменяемся интересными фактами? Поверьте, мои подтверждённые, а ваши? Есть чем крыть?

Лёд в глазах и в голосе Паши, кажется, в этот момент мог заморозить мир, однако взгляд, полный горделивого превосходства и победы, был направлен только в одну сторону.

— *И, если не хотите, чтобы об этом узнали все, советую сбавить обороты и выслушать мои условия. Ведь пока я ещё готов на компромисс... Пока...*

26. Финал

Взгляд матери Златы не обещал мужчине ничего хорошего. *Злой, укоризненный, грозящийся перерасти в неконтролируемое бешенство.* Паша знал, что именно с ним в эту минуту хотела сделать эта женщина, но также хорошо понимал, что силёнок у неё для этого не хватит. *Сейчас она загнана в угол, и сама прекрасно это понимает. Выхода нет.*

— Я тебя уничтожу, — прошипела женщина, привставая в постели. От раздражения её лицо покраснело, а ноздри раздулись до пугающих масштабов. — С моими связями от тебя не останется мокрого места. Не бери на себя больше, чем можешь взять. Держи рот на замке, иначе...

— Иначе, что? — нахально уточнил Паша, даже не пытаясь сдержать смешки. Он откинулся на спинку стула и пожал плечами. — Что вы сделаете? Заплатите кому-то, чтоб мне на голову "внезапно" упал кирпич?

— Заплачу да так, что от тебя не останется мокрого места, — властно заметила женщина, задирая подбородок, чтобы жестом обозначить своё превосходство. Однако в данной ситуации, и это привычное действие не возымело никакого эффекта.

Мать Златы слишком сильно привыкла, что всё её окружение панически перед ней трепетало. Достаточно было грубого слова, властного тона, порой просто взгляда, но здесь всё происходящее выходило за рамки привычного уклада.

— Не советую, — только и ответил Паша без тени испуга в голосе и со спокойнейшим выражением лица.

Этот высокомерный врач совершенно не боялся ни её статуса, ни угроз. Он смотрел на нее настолько самоуверенно и нагло, что ей безумно хотелось его чем-нибудь ударить. В этот момент она, действительно, невыносимо жалела, что не раздавила этого змеёныша в зародыше. *Недооценила.* Не думала, что он так рьяно будет отстаивать интересы Златы. Маленький змеёныш стал большой змеей, кусающей на поражение.

— Если со мной что-то *внезапно* случится, мои друзья с радостью превратят *маленький факт* из вашей личной биографии в бомбу замедленного действия. Пресса узнает всё: об измене, об изоляции Златы, о суициде, о смерти первой дочери и её отце. Вас раздавят, и никто не уже спасёт. Поверьте, вашему мужу будет не до вашего спасенья, ведь именно вы пустите его карьеру под откос, поэтому... я бы не советовал трогать меня или Злату. Лучше давайте подумаем, как решить сложившуюся ситуацию. Переговоры, это вроде бы так в бизнесе, называется?

— Ты забываешься, врач, — едко фыркнула женщина, раздражённо сжимая кулак. — Думаешь, я позволю тебе себя шантажировать?

— Уже позволили, — Паша усмехнулся и скрестил ноги, чувствуя, как всё тяжелей и тяжелей становится сдерживать позывы плещущего через край пренебрежения. — Давайте прекращать цирк. У меня к вам всего три требования.

— Требования?

— Если вам удобнее, можете считать это приказами, — врач старался выглядеть равнодушно, однако раздражение то и дело проглядывало на лице. Не заметить подобного женщина не могла, и тоже в раздражении скривила лицо. — Во-первых, вы оставляете меня и Злату в покое во всех смыслах. Во-вторых, отдаёте Злате причитающуюся ей часть суммы на образование, которое так по-скотски прервали, и, в-третьих, не лезете в дела фонда.

Условия простые и сводятся к одному: не лезьте в нашу жизнь, и никто не узнает, что первая ваша дочь была не от мужа, в том числе последний. Он же так вас любит, не расстраивайте хотя бы его.

Женщина закатила глаза и засмеялась. Поиск уязвимого места самоуверенного доктора после его слов почему-то запустился мгновенно, если он на всё готов для Златы, как её собственный муж, то...

— Думаешь, Злата останется с тобой? — высокомерно поинтересовалась женщина, расплываясь в едкой ухмылке. — После того, как она получит всё, что ты требуешь, возле неё выстроится такая очередь, что нищий старый врач перестанет представлять интерес. Окажешься за бортом.

Удар был в яблочко и в самую сердцевину Пашиных сомнений, но, несмотря на это, он сдержался и с привычным хладнокровием сохранил прежнее выражение лица. Мужчина понимал — сейчас ни в коем случае нельзя дать слабину.

— Может быть, главное, что она останется не с вами. — Размеренно отбил атаку Паша, усмехаясь уголком губ. — С людьми, которые из-за собственного бл... — Мужчина ненадолго запнулся, подбирая слова. Мат он не любил, но иногда другие вещи по-другому определить нельзя. Тут слишком сильно захотелось высказаться. — неопределённого поведения убивали собственную дочь, внушая чувство вины. А у неё ведь даже призрачного шанса не было, и вы это знали с самого начала.

Паша покачал головой, почему-то именно сейчас отметив, что никакого раскаяния в уме этой женщины не было. Она не попыталась объяснить, что ошиблась, рассказать. Напротив, мать Златы просто начала торговаться, колотить больней и смотреть на него, как на агрессора. Позыв сплунуть от взгляда на неё был невыносимо высок, но мужчина сдержался.

Конечно, разумнее было бы договориться обо всём, чтобы впоследствии спокойно жить со Златой, но что-то внутри всё равно требовало узнать правду. *Ради Златы, ради себя, ради них.* Ради того, чтобы чувство вины никогда больше ни мучило его любимую женщину. Правда была необходима, даже несмотря на её горечь.

— И знаете у меня один вопрос к вам. Неужели вы не хотели спасти свою дочь? Родили бы от того же мужчины, и был бы шанс спасти ребёнка. А так... — Паша пожал плечами и усмехнулся. Почему-то он думал, что хотя бы сейчас на лице женщины отразиться что-то похожее на сочувствие, но нет... — Сколько бездумных действий, и все ради непонятно чего. Вы же умная женщина, зачем вам это всё? В чём смысл?

Женщина устало свела брови на переносице и потёрла её пальцами. Даже спустя столько лет мать Златы не могла вспоминать об этой истории. *О больном ребёнке, о боли и о другой дочери, которая оказалась бесполезной и из-за которой в её жизни начался бесконечный кошмар.* Однако одна женщина знала точно: она ни в чём невиновата. Всё, что случилось, было именно из-за дочери, оказавшейся неспособной стать донором. Этому врачу не понять. Он своих детей не терял.

— Если бы она подошла как донор, мою Злату можно было спасти, а так... бесполезный ребёнок, — жестко отсекала женщина и покачала головой, едва сдерживая отвращение. За двадцать лет она так и не смогла простить собственную дочь. — Зачем только ты мне мораль читаешь? Один и тот же отец необязателен, органы одного спокойно и часто подходят другому. Шанс был, это она не справилась. Моей вины в этом нет, так что не корчи из себя моралиста.

Самоуверенная ложь. *Настолько уверенная и подлая,* что рвотный рефлекс Паши готов

был активизироваться за считанные минуты. Удивительно, но именно этих мгновений хватило, чтобы понять об этой семье *абсолютно всё*. Даже без лишних слов.

Всё об их тайнах, о причинах ненависти друг к другу, о последующих действиях. Впрочем, подобных историй он видел немало, однако сейчас во всём этом у него был личный интерес. *Красивый и абсолютно ни в чём невиноватый интерес с карими глазами*.

Не было её вины в том, что мать вышла замуж по расчёту, а потом изменяла направо и налево. Не было её вины в том, что отец не хотел проблем с отцом жены и просто соглашался со всеми её решениями. Не было её вины в том, что она не смогла стать донором, ведь мать не оставила ей на это и шанса.

— Знаете, вы со Златой, действительно, не похожи. — Неожиданно философски, словно бы в пустоту, ответил врач, поднимаясь на ноги. Его взгляд казался невыразимо уставшим. Он, действительно, вымотался от этой истории. — Лично для меня загадка природы и генетики, как у такого чудовища как вы, родился человек, способный любить и прощать. Человек, *проклятьем которого стали вы*.

Паша выдохнул и неожиданно направил свой взгляд на лицо женщины. В нём больше не было злобы, только безумное разочарование и искреннее сожаление. Мужчина знал, что мать Златы всё равно ничего не поймёт, но всё же решил сказать то, что накопилось в душе. Хотя метать бисер перед свиньями смысла не было.

— Вместо того, чтобы спасти хотя бы кого-то из своих детей, вы убили обоих. Вы меня не услышите, но... *Это вы родили ребёнка с минимальным шансом на совпадения*, вы требовали невозможного и знали это. Просто признаться в том, что вы — убийца и не знали, от кого ребёнок — вам было не под силу, и вы нашли виноватого. — Мужчина прищурился, внимательно всмотрелся в лицо напротив. Его выражение, напряжённое, обиженное, подтверждало все сделанные выводы. *Судя по анализам, вы знали. Вы консультировались с генетиками почти сразу. Всё это время знали правду, но, чтобы вас не мучило чувство вины, вас не поймал на вранье сгорающий от горя муж*, вы нашли жертву. А с годами вы и вовсе стали считать ложь правдой. И хотя теперь это уже неважно, мне лишь жаль, что от ваших рук пострадал тот, кому ваша любовь была нужнее всего. — Тяжёлый вздох и окончательное решение, спустя секунду, кажется раздалось как выстрел. — Исчезните из жизни дочери. Навсегда. Вы должны бы были сделать это по совести сами, но у вас её... уже давно нет, поэтому напомню ещё раз. Больше повторять не буду. Оставьте нас в покое, иначе ваша жизнь превратится в такой же кошмар. *Я обещаю*.

Женщина усмехнулась, а потом как-то внезапно совершенно иначе посмотрела на мужчину перед собой. Злость никуда не ушла, но к ней добавилось уважение. Такое, которое испытываешь к равному по силе сопернику. *Павел её переиграл, и прояви он такой характер при ней несколько лет назад, она непременно бы сделала его своим любовником*.

— Мог бы попросить сверху денег, — пожав плечами согласилась мать Златы. Представить себе, что подобный мужчина мог любить её наивную дочь было для неё нереальной задачей. Такие отношения долго не живут, молодость всегда берёт своё. Это женщина знала по себе. — Она всё равно тебя бросит, когда получит свободу. Вокруг молодых, красивых много, останешься не у дел. Мне тебя жаль.

Паша, услышав это, только усмехнулся и пожал плечами. Если бы он взял от этой стервы хотя бы рубль, его бы засмеяла не только гордость, но и здравый смысл.

— Знаете, от вашей заезженной пластинки меня уже тошнит, — пренебрежительно отозвался мужчина и направился к двери. Уйти отсюда хотелось просто невероятно сильно,

буквально с самой первой секунды пребывания. — Я передам вас хорошему врачу и надеюсь, больше никогда вас не встречу. А Злата переезжает ко мне. Завтра.

— Переедет, но ненадолго, — злорадно заметила мать девушки, продолжая бить в больное место. Впрочем, ей Паша своего истинного отношения к этим словам не показал. *Всё это должно оставаться между ним и Златой.*

Напротив, он решил расстаться на позитивной ноте, прежде, чем окончательно выбросить из жизни эту завравшуюся хозяйку жизни.

— Как человек, я не могу сказать вам ничего хорошего, но мой долг, как врача, дававшего клятву Гиппократу, пожелать вам здоровья. — Паша расплылся в презрительной улыбке, хитро прищуривая глаза. — Здоровья вам. *Поверьте мне... оно очень скоро вам понадобится.*

Хлопок двери и прощальное напутствие стали для него финальной точкой в этой истории бесконечной лжи и боли. *Рациональное* же подсознание же верило, что всё это останется в прошлом, а впереди будет только любовь.

Когда долго находишься в клетке, постепенно привыкаешь к осознанию того, что никогда из нее не выберешься. Долгие годы Злата привыкла к ней, но, несмотря на это, никогда не теряла надежды из неё выбраться. *Она ждала принца или чуда, которые спасли бы её и вернули к жизни, однако их не было,* и девушка уже почти перестала верить в то, что когда-то сможет задыхать полной грудью.

Представить себе свободу с любимым мужчиной было чем-то недоступным и совершенно нереальным. А сейчас... Злата выходила из палаты матери с совершенно искренним ощущением счастья и веры в чудеса.

Веры в то, что сила духа и любовь вместе способны преодолеть абсолютно всё. *Ни принц, ни случай, а ты сама вместе с любимым человеком.* Именно тот надёжный тандем, который верит и поддерживает друг друга на протяжении всего пути, способен помочь справиться с любыми трудностями.

Именно те отношения, в которых, если они падает — другой протягивает руку.

Злата шла к Паше по коридору, чувствуя как трясутся руки и в уголках глаз скапливаются слёзы. Ей хотелось так много ему сказать, поблагодарить, рассказать, но девушка просто не знала, как это сделать. *Любые слова казались мелкими и неспособными передать те эмоции, которые она испытывала.*

— П-паша, — прокричала она осипшим голосом, увидев выходящего в коридор любимого мужчину. Невольно Злата отметила, что он был без больничного халата и, видимо, уже собирался домой. — Постой, пожалуйста, я...

Кажется, последнюю её фразу Паша не расслышал. Просто, увидев знакомую мордашку, тут же направился к ней, как-то непривычно сверкая усталой *полуулыбкой*. Ему шло, да так, что, смотря на этого невероятно обаятельного мужчину, Злата в очередной раз не понимала, что он в неё нашёл.

Он был одновременно таким домашним в этих своих слегка потёртых джинсах и уютном сером свитере и несносно сексуальным, когда улыбался уголком губ и смотрел своими хитрыми глазами. Паша уверенной походкой сократил расстояние между ними и наклонил голову вбок, ожидая привычного быстрого щебета обо всём и ни о чём сразу.

— Как раз шёл тебя искать, — начал разговор Паша. По голосу Златы он уже понял, что что-то произошло, а теперь уже её счастливые глаза развеяли остатки сомнений. Сердце

приятно заволновалось, и казалось бы он мог спросить всё сам, но хотел, чтобы самое важное сказала сейчас именно Злата. — Всё в порядке?

Наверное, минут пять Злата молчала: подбирала слова, сомневалась, боялась и смотрела на него с такой искренней любовью в глазах, что что-то внутри Паши начинало дрожать как камертон и сдавало последние бастионы.

В её голове проносилось так много мыслей. Даже слишком. *Неужели теперь нависавшая над ними опасность исчезла? Нужна ли она ему, и не будет ли он с ней только из чувства долга?* Так много вопросов и ни одной подсказки, кроме теплого взгляда карих глаз напротив, смотрящих на неё с такой заботой, что удержать слова в себе оказалось попросту невозможно.

— Я — свободна, представляешь? — тихо всхлипывая, поделилась Злата. — Мать сказала, что я могу идти, куда захочу и жить отдельно. *Мы победили, Паш! Мы победили...*

Она шептала и повторяла последнюю фразу бесконечное количество раз, будто бы пытаясь по-настоящему в неё поверить. Смотрела на любимого мужчину и повторяла, повторяла, игнорируя слёзы, продолжающие катиться по лицу. Злата не боялась быть перед ним разной: уставшей, взбешенной плачущей. *Девушка чувствовала: он поймёт, обязательно поймёт и поддержит, несмотря даже на свой вредный характер.*

Паша же устало усмехнулся, как бы этим говоря, что ни капельки не сомневался в таком финале, и просто протянул руку, в своей привычной манере никак не комментируя происходящее. Однако его глаза снова говорили куда больше слов. В них была радость: настолько же сильная, как и у неё. Злата отразила улыбку и вложила в мужскую ладонь свою, сжимая её хрупкими пальцами.

— *Значит, пойдём домой?* — буднично предложил Паша, пожав плечами. Старался казаться собранным и строгим, но сам то и дело ласково гладил нежную ладошку, подбадривая свою мелкую вредину.

Злата всхлипнула носом и кивнула. По её лицу теперь уже катилась только одна слеза. Слеза невыразимого счастья, настолько сильного, которое только могло вместить сердце.

— Пойдём, — шепнула девушка, крепче сжимая его руку и обнимая. — *Ведь теперь... у меня есть... дом.*

Больше книг на сайте - Knigoed.net